

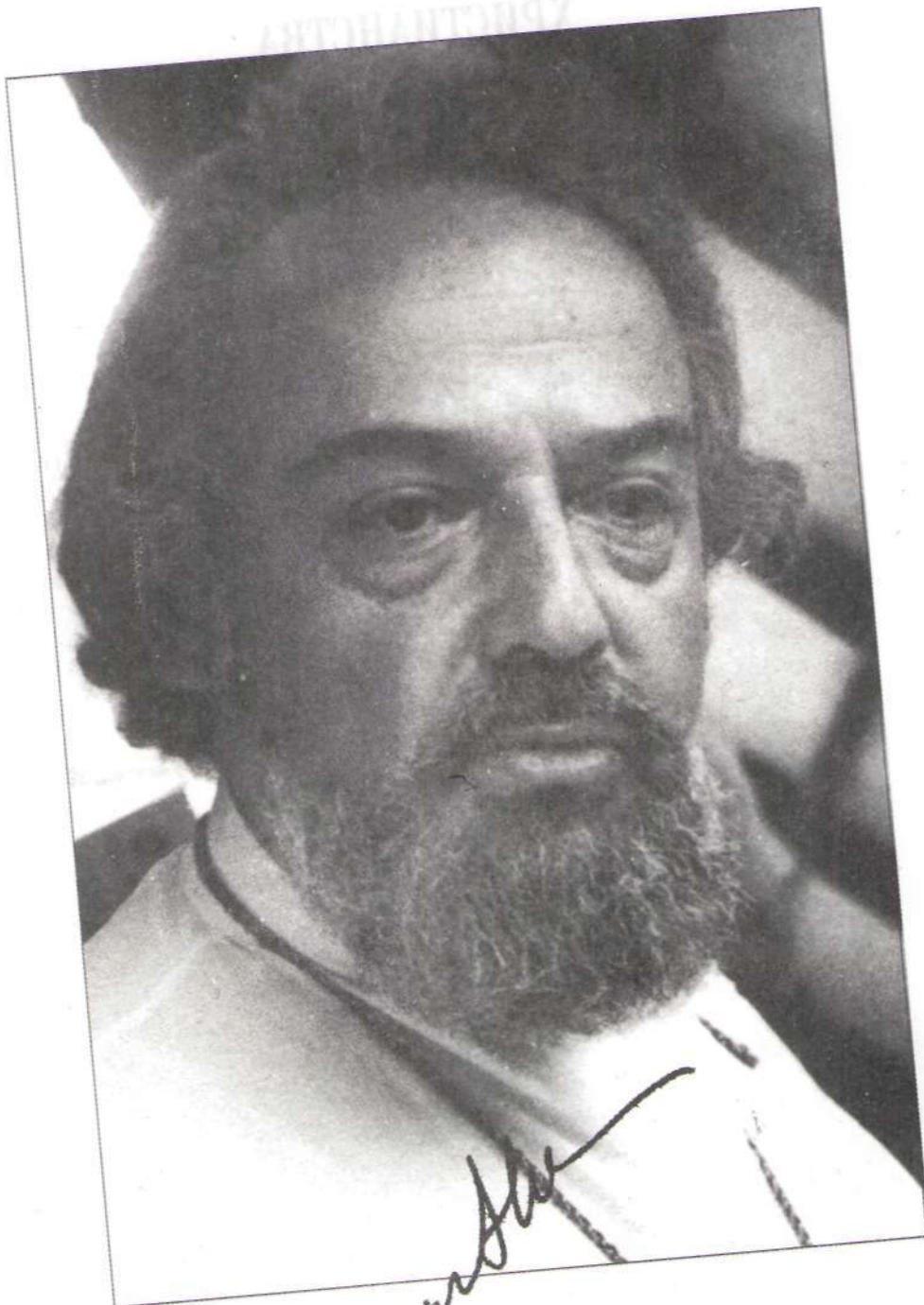
АЛЕКСАНДР МЕНЬ
ИСТОРИЯ
РЕЛИГИИ

ПУТИ
ХРИСТИАНСТВА

**ПУТИ
ХРИСТИАНСТВА**

1971
XPRCH/HT/97

[Handwritten signature]

2
М-510 / 2

АЛЕКСАНДР МЕНЬ ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

ПУТИ
ХРИСТИАНСТВА

2
КНИГА

Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования
Российской Федерации
в качестве пособия
для системы дополнительного образования учащихся

O'z M U
Ilmiy kutubxonasi

3103

Москва
2001

НОВЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

Института «Открытое общество» и Министерства общего среднего
и профессионального образования РФ

«Учебная литература нового поколения»

Проект направлен на создание учебных материалов, соответствующих лучшим образцам мировой учебной литературы как с точки зрения содержания, методики, так и формы подачи материала.

Новые учебные материалы будут прежде всего ориентированы на гуманитарные гимназии, лицеи и школы с углубленным изучением определенных предметов.

ББК 86.3
М 50
УДК 27+29

Составители:

П.Д.Сахаров, Ю.М.Табак, В.Л.Файнберг, П.В.Мень

Редакционная коллегия:

*игумен Игнатий (Крекшин), священник Георгий Чистяков,
Р.А.Адамянц, Е.Е.Березина, В.И.Власенко, В.И.Даниленко*

Макет и оформление:

В.П.Кузнецов

Мень Александр

М 50 История религии. В 2 кн. Кн. 2-я: Пути христианства: Учеб. пособие. — М.: Издательская группа «ФОРУМ—ИНФРА-М», 2001. — 224 с.: ил.

Книга Александра Мень «История религии. Пути христианства» — логическое продолжение его книги «История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни». Это увлекательное повествование об исторических событиях I тысячелетия н.э., связанных с распространением христианства. Автор рассказывает о миссионерской деятельности апостолов, учеников Иисуса Христа, взаимоотношениях христианской Церкви и государства, разделении единой Церкви Христовой на Западную и Восточную, крещении Руси, зарождении великой христианской культуры. В Приложении приведены статьи, посвященные двум другим мировым религиям, — иудаизму и исламу.

Книга предназначена для преподавателей и учащихся средней школы, гимназий, лицеев, а также для всех, кто интересуется историей религии. Она может быть использована как самостоятельное учебное пособие и как дополнительный материал при изучении других исторических дисциплин.

ISBN 5-86225-622-9

© Фонд имени Александра Мень, 1997

© Издательский Дом «ФОРУМ», 1997

I. РАСПРОСТРАНЕНИЕ БЛАГОЙ ВЕСТИ

«В СИЛЕ ДУХА»

Иерусалим, 30–35 гг.

Пролог

Веллий Патеркул, историк, приближенный императора Тиберия, заканчивал книгу, посвященную истории Рима. В ней он обозревал путь, который — через войны и революции — привел город на семи холмах к положению мировой державы. Веллий не скупился на похвалы Августу и его преемнику за то, что они «возродили старинные обычаи», укрепили законность и на многие века принесли Риму славу. Историк был уверен, что главное в жизни людей решается на полях сражений и в кабинетах политиков. Ему и в голову не могло прийти, что в то самое время, когда он дописывал последние строки своего труда, далеко в Иерусалиме создавалось нечто новое — и кем? — горсткой ремесленников и рыбаков, промышлявших на Тивериадском озере.

Даже там, на окраине империи, в этом странном восточном городе, их не принимали всерьез. Месяц назад расправа над их Учителем, казалось, покончила с очередным

мессианским движением. Первосвященник Иосиф Кайафа был на этот счет вполне спокоен, несмотря на фантастические слухи, которые одно время ходили по Иерусалиму, но мало ли что говорят в суеверной толпе. Понтий Пилат вернулся в Кесарию сразу после Пасхи и погрузился в дела; забот и беспокойств у него хватало — инцидент с

«Царем иудейским» очень скоро стерся из памяти.

Между тем квартал в восточной части города, где у друзей, родных и новых единоверцев поселился апостол Петр с учениками, жил своей, особой, жизнью. Это была как бы большая семья, имевшая «одно сердце и одну душу» (Деян 4:32).

Братство насчитывало около ста двадцати галилеян. Возможно, их было и больше, но по традиции это число считалось минимальным для создания отдельной общины. Таких братств, или хабурот (товариществ), объединявшихся для

Двенадцать апостолов.
Икона. XV в.

Христос и четыре евангелиста.
Миниатора. XII в.

молитвенных трапез, в Палестине и за ее пределами существовало много. Религиозные и гражданские власти относились к ним вполне терпимо.

Общины жили обособленной жизнью, а некоторые из них — как, например, обитавшие у Мертвого моря, — почти совсем порвали связь с остальным миром. Но община учеников Христовых, которые получили прозвище *назаряне*, не походила ни на одну из них. Она не была просто общиной набожных людей, и, кроме того, они не собирались изолировать себя от Храма и отеческой веры.

Они остались в ней не по инерции, которую не смогли преодолеть. Отход от Ветхого Завета означал бы для учеников отход от Самого Господа, Который жил и учил на основе богооткровенной веры. Сам приход Его был исполнением библейских обетований. Апостолы надеялись, что установленный Им Новый Завет за короткое время распространится на весь народ Божий. Но и

после того как этого не произошло, Его Церковь сохраняла прочную связь с наследием Израиля через Предание и Библию.

По традиции в синагогах мужчины молились отдельно от женщин, а раввины не допускали женщин в свои школы. Апостолы же не хотели нарушать волю Господа, Который всегда был окружен не только учениками, но и ученицами. Поэтому, собираясь по домам, верные молились все вместе, как бы предвосхищая слова Павла: «нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28).

Мария, Мать Господа, забота о Которой была возложена на Иоанна Зеведеева, была окружена почитанием, хотя по-прежнему смиренно держалась в тени. В Новом Завете Она — избранница Божия, «благословенная между женами», и одновременно — Хранительница тайны, о Которой знают очень немногие.

Евангелист Матфей.
Витраж. XIII в.

Ангел, символ евангелиста Матфея.
 Андрей Рублев.
 Миниатюра из Евангелия Хитрово.
 Начало XV в.

Как и в дни Пасхи — горькие и радостные — с Ней были неразлучны Ее сестра, жена Зеведея Саломея, Мария Магдалина и другие галилеянки. Все они пришли в Иерусалим с апостолами. Вероятно, эти женщины, хранившие удивительные воспоминания о Господе, продолжали свое скромное служение в общине, а некоторые из них вернулись в Галилею.

Господь говорил о призвании Двенадцати, которым при наступлении Царства Божия надлежит играть роль патриархов и основателей истинного Израиля, Церкви Нового Завета. Но библейское число было нарушено. Один из них — Иуда — отпал, соединившись с врагами Иисуса, а затем погиб.

Петр на одном из собраний объявил о необходимости найти другого человека на место Иуды. Апостол предложил заменить его учеником, который был с Иисусом с первых дней и видел Его воскресшим. Как ни странно, таких оказалось только двое — Иосиф Варсава и Матфий. Другие возможные кандидаты, видимо, остались в Галилее.

Чтобы решить, на ком остановиться, прибегли к ветхозаветному обычаю: молись, чтобы Бог Сам указал достойнейшего, бросили жребий. Он выпал Матфию, который был «сопричислен» к Двенадцати. Этим актом апостолы засвидетельствовали свою веру в обетование Христово.

Огонь Пятидесятницы

В Иудее наступало лето. Шел к концу срок *шавуот*, предвещающий праздник Пятидесятницы.

Торжество издавна было приурочено к началу уборки пшеницы; в Храме перед алтарем священники клали жертвенные хлебы, испеченные из зерна нового урожая. Но помимо этого в праздник *Шавуот* вспоминали о даровании Закона. Раввины говорили, что глас Божий звучал с Синая на семидесяти языках, по числу народов земли. И словно в подтверждение этому Иерусалим

Евангелист Лука.
 Миниатюра. Около 1000 г.

Сошествие Святого Духа на апостолов.
Мозаика собора в Сицилии. XII в.

во время праздника становился поистине многоязычным. Сюда собирались представители «всего Израиля» с разных сторон света, а также разноплеменные прозелиты. Иные богомольцы не покидали Иерусалим со дней Пасхи.

Праздничное воодушевление царило и среди назарян. Все они были полны необыкновенной радости и надежды, уверенные, что Бог предназначил их для великого свидетельства. Ночь Пятидесятницы полагалось проводить за чтением Торы. Но ученики Господа, читая Слово Божие, отыскивали там места, указывающие на Христа. События Его жизни, Его смерть и воскресение обретали новый смысл в свете пророчеств. Быть может, в их распоряжении были и небольшие сборники мессианских текстов: такие книги в то время уже существовали, в частности — у ессеев.

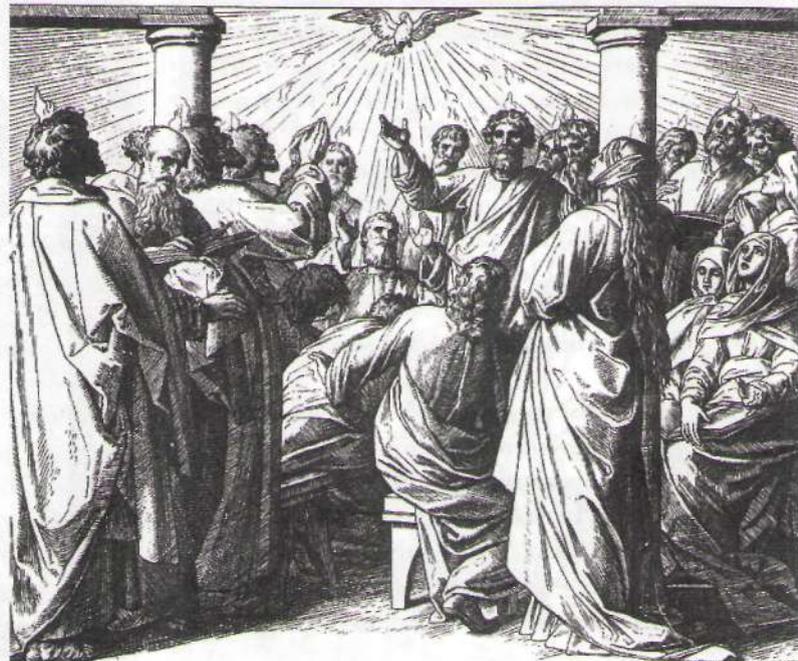
В праздничную ночь апостолы читали и молились, по-видимому, в доме иерусалимлянки Марии, матери Иоанна Марка (позднее — спутника Петра и Павла).

Приближался рассвет... Внезапно словно небесный огонь пронизал всех присутствующих. Это было похоже на то, что случалось с пророками в момент их призвания. Евангелист Лука, говоря о схождении Духа Святого, прибегает к библейским символам Богоявления: «шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра», «разделяющиеся языки, как бы огненные» (Деян 2:2–3).

Посторонние же наблюдатели могли только видеть, как галилеяне, легко узнаваемые по характерному выговору, вышли из дома и, громко славя Бога, направились в Храм. Там, стоя среди колонн Соломонова притвора, они продолжали молиться и петь.

Восторженное славословие галилеян привлекло внимание многих. Казалось, они говорили на неведомом наречии или, как сказал евангелист, «на иных языках». Но поразительно, что произнесенные в состоянии экстаза слова были понятны людям, сердца которых были открыты. Скептики же, как всегда, презрительно насмеялись, говоря, что эти галилеяне просто пьяны.

День Пятидесятницы.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Апостол Петр.
Феофан Грек.
Икона. Конец XIV в.

Что означает «говорить на иных языках»? Установить в деталях, что произошло в день Пятидесятницы 30 г., едва ли возможно. Св. Лука лишь передает сказание о событии, случившемся за полвека до того, как он писал свою книгу. Вряд ли апостолам была дарована постоянная способность владеть языками других народов. Вероятнее всего, евангелист описывает случай глоссолалии: так называли выкрики людей, охваченных экстатическим состоянием. Если принять эту гипотезу, становится понятным, почему учеников сочли невменяемыми. Ведь и апостол Павел говорил, что для случайных людей говорящие «незнакомыми языками» могут выглядеть, как безумцы (см. 1 Кор 14:23). Но это лишь внешняя сторона явления. Важно другое: многим, не знавшим арамейского языка, необычное славословие апостолов было понятно. Весть шла от духа к духу, минуя языковые барьеры. В этом феномене как бы предчувствовался всемирный дух Евангелия, который преодолевает границы стран и племен¹.

Но почему Лука описывает событие Пятидесятницы как уникальное? Он должен был хоро-

шо знать, что глоссолалия в христианских общинах нередко сопровождала молитву осененных Духом. Значит, не в самом «говорении языками» заключалось чудо. В церквах Дух сходил лишь на тех людей, на которых апостолы возлагали руки. Здесь же сила Божия действовала без посредников. Чудо заключалось в полном перерождении учеников: еще вчера боязливые и нерешительные, они стали отважными благовестниками Мессии.

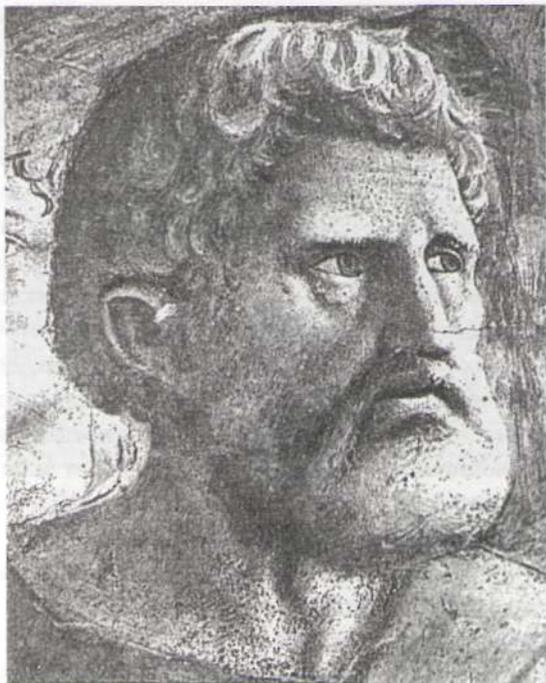
Нужно было особое изливание Духа, чтобы дать зародившейся Церкви начальный порыв, движение, неодолимую мощь. Без этого воздействия стремительное растекание ручьев новой веры было бы невозможным. За два-три десятка лет Благой Весть достигла Гибралтара — вот зримый и очевидный результат творческого изливания Духа. И еще: настоящее свидетельство началось только тогда, когда умолкли «незнакомые языки».

¹ При анализе «говорения языками» выделяются два аспекта: 1) глоссолалия как некая надъязыковая (или межъязыковая?) речь, 2) даруемая Духом способность говорить на незнакомом языке.

Свидетельство Петра

Петр поднимается на возвышение. Толпа затихает. Десятки глаз впииваются в него — с изумлением, тревогой, вопросом. Рыбак и прежде говорил с народом по велению Учителя, но здесь не галилейская деревня, а духовный центр Израиля, перед ним люди, приехавшие из далеких городов. Его могут услышать знаменитые книжники. Однако он уже не тот Симон, каким был прежде. Голос его звучит властно и убедительно, словно древний пророк явился внезапно в Иерусалиме.

— Мужи Израильские! — торжественно провозглашает апостол. — Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас, как вы и сами знаете, — Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его (Деян 2:22–24).

Апостол Петр.
Мазаччо.

Фреска «Чудо со статиром». Фрагмент.
1426–1428 гг.

Петр заканчивает речь грозными словами:

— Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли (Деян 2:36).

Апостол умолкает. Несколько мгновений над толпой царит гнетущее молчание. Если этот человек прав, то совершившееся — нелепо, страшно. Вряд ли стоящие здесь видели Назарянина, хотя некоторые и могли быть в городе во время Пасхи. Казнь галилейского Учителя оставила их равнодушными. Но теперь они верят Его апостолу, принимают его слово сразу, не колеблясь. Они захвачены не богословскими доводами, а силой, исходящей от этого человека, похожего на пророков Амоса и Исаяю. Они понимают, что через него к ним обращается Сам Бог.

— Что нам делать? Что делать, мужи братья? — раздается хор нестройных голосов.

— Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов;

и получите дар Святого Духа, ибо вам принадлежит обетование и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш (Деян 2:38–39).

Никто не удивляется. Крещение давно стало общепринятым знаком духовного очищения, открывающим путь в новую жизнь. Его практиковали многие наставники, в том числе и Иоанн, пришедший из пустыни.

Все происходит непостижимо быстро. Толпы людей, предводительствуемые Петром, спускаются к каменной аркаде, где ручей образует Силоамское водохранилище. Оно разделено на две половины — мужскую и женскую. Апостолы крестят всех кающихся. Идут длинные вереницы паломников. Некоторые принимают крещение прямо в храме, в *микве*, бассейне для омовений. К вечеру число обратившихся достигает трех тысяч человек.

Богомольцы не расходятся. Они готовы слушать. День за днем они с жадностью внимают Симону-Петру и другим апостолам. Они узнают, что Царство Божие уже пришло, что Спаситель принес им примирение с Богом, что Он ждет от них чистоты сердца и сострадания друг к другу и скоро явится, чтобы судить живых и мертвых.

Кайафе, разумеется, донесли о происходившем. Но во время праздника, собравшего в городе столько народа, принимать жестокие меры было бы опасно. Поэтому члены Синедриона заняли выжидательную позицию. Они надеялись, что скоро беспокойные галилеяне и их взбудораженные сторонники покинут столицу, а потом волна энтузиазма спадет.

Но расчеты властей не оправдались.

Христос говорил ученикам, что если они будут иметь веру, то сотворят знамения большие, чем творил Он Сам (см. Ин 14:12). Сила Духа не только в слове, но и в деле. Однако ученики осознали это не сразу. Однажды Петр и Иоанн встретили у ворот Храма нищего калеку, который попросил у них милостыню. Помогать страждущим было заветом Учителя, и Симон дерзновенно сказал: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи». И с этими словами поднял

Исцеление хромого.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

нищего. «И вдруг, — пишет Лука, — укрепились его ступни и колена, и вскочив, стал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача и хваля Бога» (Деян 3:6–8). В притворе Соломоновом исцеленный не отходил от апостолов, а народ с ужасом и восторгом окружил их.

И снова были тысячи крещеных.

Первые испытания

Как и следовало ожидать, исцеление, совершенное апостолом, произвело в городе больше шума, чем его проповедь. Лука пишет, что «выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осеняла кого из них» (см. Деян 5:15). Власти с беспокойством осознали, что история Назарянина продолжается. Нужно было действовать без промедления.

Верховный трибунал, Синедрион, находился в руках саддукейской партии, представителей высшего духовенства и знатных военачальников. Они с подозрением смотрели на все религиозные новшества, к которым относили и веру в грядущее воскресение мертвых. Саддукеи неплохо ладили с римской администрацией, стремясь при этом подавлять мятежные настроения в народе. Именно

они осудили Иисуса и выдали Его прокуратору. Видя, что ученики Распятого вновь начинают сеять смуту, первосвященник приказал взять под стражу Петра и Иоанна.

Смелые ответы галилеян, «людей некнижных и простых» (Деян 4:13), удивили Кайафу. «Справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4:19–20), — сказали они первосвященнику. Хотя праздник прошел и люди стали разъезжаться, Кайафа все же побаивался новых беспорядков и, пригрозив, отпустил апостолов. Но скоро он пожалел об этом и снова отдал приказ об их аресте.

Лука пишет, что «ангел Господень» освободил Петра и Иоанна из тюрьмы и они добровольно отправились в Синедрион предстать перед старейшинами. Было ли то освобождение чудом, или двери тюрьмы тайно открыл кто-то из людей, сочувствовавших проповедникам, а на этот раз им грозила серьезная кара (Деян 5:19–20), неизвестно.

Кайафа обвинил апостолов в подстрекательстве: «Вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека». Так, не называя имени Иисуса, будут отныне го-

ворить о Христе противники Его учения в Иудее (Деян 5:28). Казнь Иисуса начала забываться, теперь же в Синедрione опасались, что речи назарян и исцеления ими больных вновь напомнят о Нем, а это может обратить негодование толпы против законной власти. Но время, когда Петр, дрожа от страха, прятался у ворот дома Кайафы, миновало. Теперь апостол твердо стоял на своем: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян 5:29). Саддукеи были в ярости.

Поддержка апостолам пришла неожиданно со стороны. На защиту назарян встали фарисеи в лице их вождя, раббана Гамалиила. О нем впоследствии говорили, что с его смертью исчезло благоговение перед Законом и перестали существовать воздержание и чистота. Фарисеи, вопреки распространенному взгляду, не были сплошь заклятыми врагами Христа. Среди них было немало Его тайных и даже открытых последователей. А старая их распря с саддукеями лишь усилила желание Гамалиила освободить Петра и Иоанна. Он заявил, что об истинности нового учения может судить только Бог. Уже не раз являлись сектанты и обманщики, которые выдавали себя за посланцев неба, но все были скоро забыты. «И ныне, говорю вам, — сказал раббан, — отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян 5:38–39). Совет мудрого фарисея произвел впечатление, тем более, что Кайафа знал — Пилат едва ли еще раз уступит саддукеям и санкционирует новые расправы.

Петр и Иоанн были наказаны тридцатью девятью ударами бича; согласно закону, это означало, что дело исчерпано и человек прощен. Жестокое бичевание не сломило апостолов; они шли к братьям, «радуясь, — как пишет Лука, — что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян 5:41). Синедрionу же оставалось ждать дальнейшего развития событий.

Угрозы властей не были главным испытанием для Церкви. Самое трудное было организовать и направить жизнь новообращенных, кото-

Апостол Иаков Зеведеев.
Средневековая деревянная скульптура.

рых насчитывалось уже несколько тысяч. Большая часть галилеян и присоединившихся к ним не имели в Иерусалиме ни постоянного крова, ни заработка. Покидать город апостолы не хотели, потому что Сам Господь велел им оставаться там двенадцать лет. В любом случае они не могли бросить крестившихся на произвол судьбы. Приходилось и наставлять их, и поддерживать, и заботиться об их пропитании.

Ни опыта, ни особых талантов ученики не имели. Все делалось силой Духа, чудом.

Одним из таких чудес оказалась любовь. Крепкие сердечные узы соединяли верующих, которые были не «единомышленниками», а братьями и сестрами. Каждый готов был поделиться последним. Кто побогаче, — продавал имущество или землю и нес вырученные деньги апостолам в общую казну. Другие поселяли в своих домах братьев и сестер, кормили самых бедных. Разумеется, таких людей было меньшинство, но в материальном отношении община держалась на них. Особенно много сделали для общины Мария, мать Марка, которую Петр любовно называл «своей матерью», и ее родственник Иосиф Варнава, левит, приехавший с острова Кипр. Это был человек возвышенной, благородной души, позднее ставший другом Павла. Его называли «сыном утешения». От него Лука мог слышать рассказы о первых годах жизни Церкви в Иерусалиме.

Среди этих преданий Лука приводит одно печальное, показывая, что община состояла не из идеальных людей. Некие Анания и Сапфира, желая прослыть благодетелями Церкви, принесли Петру деньги, вырученные от продажи имения. По их словам, они отдали все, чем владели. В действительности же часть серебра супруги утаили. Анания ожидал, что ему воздадут почести, как Варнаве, но вместо этого Петр, проникнув в мысли обманщика, сурово обличил его. Предание гласит, что Анания, а за ним и его жена были постигнуты внезапной смертью (см. Деян 5:1–11). Возмущение апостола Петра не было случайной вспышкой гнева. Передавая его грозные слова, Лука дает почувствовать, как болезненно переживала Церковь измену идеалу: ведь Анания и

Сапфира «солгали Духу Святому», который жил в них.

Обращает на себя внимание и упрек Петра: «Приобретенное продажей не в твоей ли власти находилось?» (Деян 5:4) Другими словами, жертвы, приносимые апостолам, были добровольными, и никакого жесткого устава, который бы требовал обязательного отказа от собственности, в Церкви не было. Иерусалимская община ценила лишь свободное проявление братской любви.

Вечерами все собирались в домах: торжественно, как на Пасху, преломляли хлеб, звучала благодарственная евхаристическая¹ молитва, напоминавшая о страстях Христовых, из рук в руки передавали чашу.

¹ Евхаристия (греч. благодарение) — одно из семи таинств Церкви.

ПЕРВЫЙ МУЧЕНИК СТЕФАН. ОБРАЩЕНИЕ САВЛА

Иерусалим — Дамаск, 35–37 гг.

Эллинисты

Уже в день Пятидесятницы среди крестившихся оказались первые уроженцы стран рассеяния. К тому времени они составляли большую часть израильского народа. Из семи или девяти миллионов евреев, населявших Римскую империю, в Палестине жило — по самой завышенной цифре — полтора-два миллиона человек.

В античную эпоху два народа — греки и иудеи — избрали себе судьбу странников. Греков можно было встретить от Атлантического до Индийского океана; евреи также селились по всему Средиземноморью и дальше на восток, вплоть до Парфии. Пути караванов и места поселений народов-странников почти всегда совпадали. Живя рядом с эллинами, иудеи восприняли многие элементы их цивилизации. Тех, чьим родным языком стал греческий, называли эллинистами. Но библейскую веру они сохраняли и стремились хотя бы раз в году побывать в Иерусалиме, чтобы посетить Храм, а иные, приехав сюда, навсегда оставались на родине предков.

Однако слиться с местными жителями эллинистам мешало плохое знание языка; окружающие относились к ним если не с презрением, то свысока, поэтому они предпочитали селиться в особых кварталах и иметь свои синагоги. Среди нескольких сотен молитвенных домов столицы немалое число принадлежало выходцам из Египта (Александрии и Килены), Антиохии и Малой Азии. Особую группу составляли «либертинцы», потомки римских вольноотпущенников.

Эти люди читали Писание только в греческом переводе, держались обычаев, усвоенных на чужбине, а наиболее образованные из них были знакомы с философией и литературой, которая возникла на базе слага иудейства с эллинизмом.

Приобщение эллинистов к Церкви явилось важным событием. С одной стороны, это породило немало трудностей, а с другой — расширило мировоззренческие представления членов общины и внесло в нее новые веяния.

Купальня Силоам

Главная трудность заключалась в том, что люди из диаспоры находились в определенной изоляции; языковые и культурные преграды делали их отличными от евреев — так называли тех, кто говорил на арамейском языке. А это не могло не отразиться и на их положении в среде назарян.

Принято считать, что Лука нарисовал идеализированную картину жизни первой общины, в действительности же он не скрывал ее темных сторон, как это видно из эпизода с Ананией и Сапфирой. Не умалчивает он и о трениях, возникших между группами евреев и эллинистов. В чем конкретно выражались эти трения, мы не знаем. Евангелист лишь указывает, что в результате грекоязычные христиане стали жаловаться на собратий. Они уверяли, что при ежедневной раздаче хлеба к их беднякам, особенно вдовам, относятся пренебрежительно.

Было ли это так, или упреки возникли из-за подозрительности эллинистов, но апостолы поняли, что, если не будет найден выход, им придется «оставив слово Божие», постоянно вникать во все бытовые нужды братства. Поэтому апостолы решили пойти по пути разделения труда: собравшись вместе с другими старейшинами, они предложили создать совет из «семи мужей», имеющих доброе имя, мудрых и исполненных Духом, и возложить на него заботы о хлебе.

Предложение сразу же приняли. Оно вполне соответствовало традиции. У иудеев городские общины возглавлялись коллегией «семи добродетельных мужей». По этому образцу и избрали Семерых для служения¹. Чтобы впредь не было почвы для распрей, остановились на кандидатах-эллинистах Стефане, Филиппе, Прохоре, Никаноре, Тимоне, Пармене и Николае.

Как и при поставлении членов иудейского совета, на них с молитвой были возложены руки, чтобы Дух Божий содействовал им в труде. Иными словами, они были направлены не просто на административную должность, а возведены в своего рода сан. По-видимому, каждый из семи рукоположенных, «служа столам», совершал в качестве главы собрания и Евхаристию. Сами апостолы едва ли могли успевать всюду, если учесть,

что число верных достигло к тому времени восьми тысяч.

Проблема, казалось, была решена. Препятствий для дальнейшей жизни и развития Церкви не было. Народ относился к благочестивым, добрым и ревностным в Законе назарянам с любовью и уважением. Власти больше не предпринимали враждебных действий. За последователями Христа был молчаливо признан статус независимой общины. Ничто, казалось, не предвещало новых испытаний. Правда, впереди открывалась трудная перспектива проповеди иноплеменникам. Но с этим не спешили. Жатвы на родине было еще много.

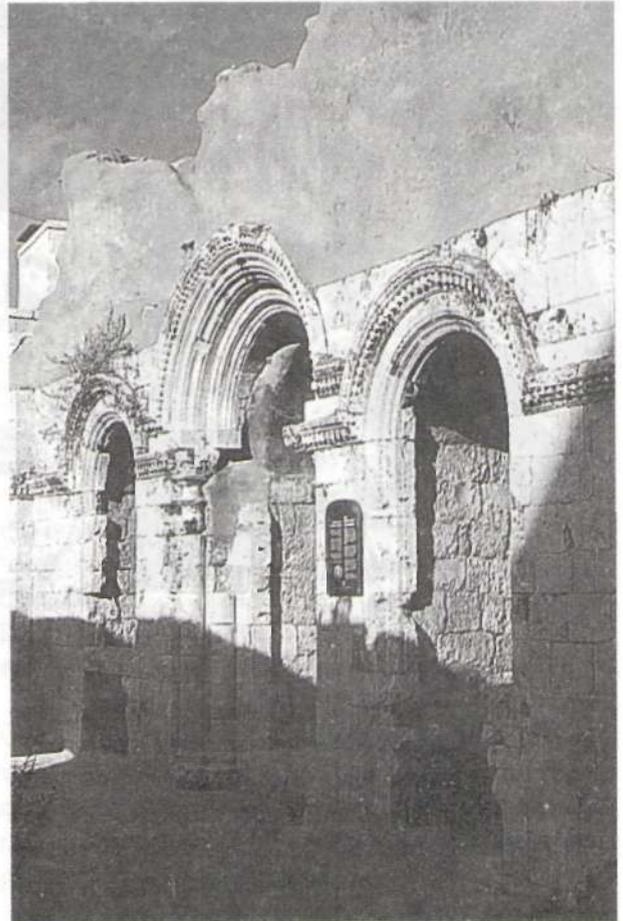
Некоторые историки Церкви утверждают, что Христос не завещал ученикам вселенской миссии. Действительно, вначале Он говорил, чтобы апостолы не проповедовали среди самарян и язычников, но Он же предсказывал, что люди придут в Царство Божие от востока и запада (см. Мф 8:11). Если игнорировать эти слова и повеление, данное Воскресшим: «Идите и научите все народы» (Мф 28:19), — нельзя понять, откуда возникла у христиан мысль о такой миссии. Ускорил же ее осуществление неожиданный кризис, вызванный проповедью Стефана.

¹ Предание называет их *диаконами*, в книге Деяний святых Апостолов это слово отсутствует.

Выступление и гибель святого Стефана

Среди Семи св. Стефан занимал ведущее место и, вероятно, был их старейшиной. Все Семеро посвящали себя не только хозяйству, благотворительности и евхаристическим трапезам, но и возвещению слова Христова. Так, Филипп назван в Деяниях благовестником. Но Стефан оказался самым энергичным. Исполняя древний завет Писания и закон Церкви — заботиться о бедных, он в то же время активно выступал как проповедник.

Говоря о сущности веры, Христос не упразднил Закон и ритуал, но указывал на преимущество главного — доверия и любви. Он называл Храм *домом молитвы*, хотя не считал сами кам-

Иерусалим.
Синагога «Слава Израиля»

ни и пышное убранство святилища чем-то безусловным. Здания могут быть разрушены, лишь *дух и истина* остаются неразрушимы. Он Сам воздвиг Церковь *за три дня*, ибо Его воскресение дало ей новую жизнь.

Учение Христово о второстепенности внешнего культа и сделал св. Стефан центром своей проповеди. Свободно владея лишь греческим языком, он чаще всего приходил для бесед в синагоги своих земляков, эллинистов. Многим его идеи были по душе; живя вдали от Храма, их предки сумели сохранить и углубить веру.

Однако были среди репатриантов и другие. На земле отцов они стремились превзойти в набожности самых крайних ортодоксов. Слова Сте-

Первомученик Стефан.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

фана задели их за живое. Начались жаркие споры. Чем очевиднее обнаруживалась правота Стефана, опиравшегося на речения пророков, тем сильнее было раздражение противников. Через грекоязычные синагоги прошла трещина раскола. Разумеется, правоверные взяли верх, тем более, что им удалось нанести проповеднику удар в спину. В Синедрион явились доносчики, которые обвинили Стефана в оскорблении святыни Храма и хуле на Закон.

В это время в Иерусалиме начинались волнения. Жестокость Пилата превзошла все пределы и едва не довела народ до крайности. Были спешно отправлены гонцы к наместнику Сирии Вителлию с требованием убрать прокуратора. Вителлий понял, что дело приняло опасный оборот, и велел Пилату ехать в Рим для отчета, а на его место временно послал некоего Марцелла.

Безвластие подстегнуло разгул фанатизма. Возбужденная толпа, подстрекаемая эллинистами, схватив Стефана, повела его к Кайафе. «Этот человек, — кричали обвинители, — не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на Закон... Мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей» (Деян 6:13–14).

Стефану задали вопрос: признает ли он виновным? Но он категорически отверг и. Стоя перед судьями, он чувствовал прилив сверхъестественного вдохновения, и лицо его напоми грозный лик ангела (см. Деян 6:15). В защитном слове Стефан, начав издали, пока что явление Иисуса было подготовлено всей торией народа Божия и что Его смерть — прискорбная случайность. Он напомнил о Завете с Авраамом, об избавлении от рабства, о Заданном через Моисея, о Земле Обетованной, о постройке Храма. В то же время он подчеркивал, что люди часто противятся воле Божией, ворил о братьях, продавших Иосифа в рабство израильтянам, восставших против Моисея, о зтом тельце, о соблазнах идолопоклонства. У великая цель. Она далеко не достигнута сожением Храма.

Взор Стефана устремился вверх озлобленной толпы к неземному видению, сверкнув перед ним. «Вот я вижу, — воскликнул он, небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога!» (Деян 7:56)

Яростный рев был ему ответом. Фанаты затыкали уши, чтобы не слышать его слов. В каком суде не могло быть и речи. Здание ос

дала толпа. На Кайафу перестали обращать внимание. А он, хотя и мог вызвать стражу, хладнокровно отдал эллиниста на самосуд толпы.

Стефана выволокли из зала и с дикими криками потащили к воротам города (кто-то вспомнил старый обычай совершать казнь за стенами). И там учинили расправу: он был сброшен со скалы, а затем обвинители добились его, бросая камни...

Перед смертью Стефан молился за своих убийц.

Но одной жертвой зачинщики расправы не удовлетворились. Они начали в городе настоящую охоту за сторонниками Стефана. По-видимому, разыскивали они в основном эллинистов, причем не щадили и женщин. Но апостолов никто не тронул. Слишком очевидным было уважение галилеян к Храму, чтобы и их обвинять в кощунстве.

Св. Лука пишет, что из города в эти дни бежали все верные (см. Деян 8:1). Но, по-видимому, большинство, укрывшись в Вифании и других соседних селах, вскоре вернулось. Только эллинисты во главе с Семью служителями навсегда покинули Иерусалим. Одни отправились в города северной части страны и приморья, другие совсем уехали из Иудеи в родные места, в частности в Антиохию.

Таким образом, гибель св. Стефана послужила невольным толчком к дальнейшему разрастанию Церкви. В результате трагедии произошло и другое великое событие. По словам блж. Августина, молитва первомученика была услышана и даровала христианству апостола Павла.

Во время расправы над св. Стефаном убийцы сложили свои одежды к ногам молодого фарисея Савла Тарсянина. Сам он в казни участия не принимал, но, вызвавшись сторожить одежды, хотел этим показать свое отношение к ней. Савл не был жесток, однако уверенность в справедливости кары делала его непоколебимым. Если и зародились в душу фарисея какие-то сомнения, он решительно подавил их и принял участие в розыске эллинистов-назарян.

Савл Тарсянин

Как и Стефан, Савл¹ не был уроженцем Иудеи. Он вырос в диаспоре, в столичном киликийском городе Тарсе, где тесно соприкасались Восток и Запад, процветали философия, спорт и торговля. Семья Савла имела потомственное римское гражданство, о чем говорило второе латинское имя Тарсянина — Павел. Однако он гордился, что не стал эллинистом, а был «евреем из евреев»: сохранил отеческий язык и традиции предков.

И вот он стоит у края обрыва, с тяжелым чувством глядя на неподвижное, окровавленное тело Стефана. Все кончено. Но все ли?

Скоро Савл узнает, что какие-то набожные евреи сумели унести тело и похоронить его с почестями, а ведь по обычаю побитых камнями не оплакивают. Значит, у Стефана немало сторонников. Нужно сокрушить их сразу, пока не утих гнев горожан и не прибыл новый прокуратор.

Пусть уважаемый Гамалиил против насилья. Он хотя и раббан, но может ошибаться. Желательно только, чтобы не было бесчинств, а отступников судили по закону. Совет и Кайафа пойдут навстречу. Они сильно обеспокоены подрывом авторитета Храма.

На собрании старейшин Савл поддерживает членов саддукейской партии, хотя они и враждебны ему как фарисею. Затем он становится во главе тех, кто преследует инакомыслящих. Многих назарян бросают за решетку; в ожидании процесса их принуждают отречься и проклясть имя

Город Тарс

Иисуса. Но Савлу этого мало. Начав действовать заодно с саддукеями, он идет до конца. Ему сообщили, что зараза ереси перекинулась дальше, что одним из ее центров стал Дамаск, где она нашла почву среди жителей многолюдной еврейской колонии.

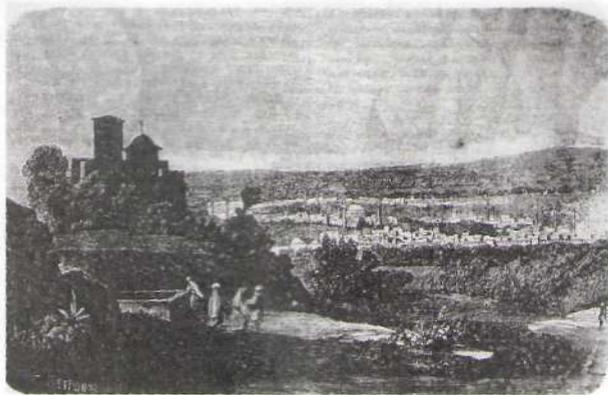
Савл понимает, что медлить нельзя. Он является к Кайафе с просьбой дать ему полномочия: он разыщет сектантов в Дамаске и под стражей доставит в Иерусалим. Кайафе такая мысль не приходила в голову. Его больше заботило то, что творилось под боком. Но ему нравится неукротимое рвение молодого книжника. Благодаря ему есть надежда, что к приезду прокуратора в городе воцарится спокойствие. Первосвященник охотно дает Савлу письма к главам дамаскских синагог и назначает его своим *шалухом* — посланником.

Таинственны повороты судьбы: через неделю этот шалух-инквизитор превратится в иного посланника, в апостола Иисуса Христа.

¹ Савл — слегка измененное имя Саул (Шаул), возможно, указывает на происхождение из колена Вениаминова, где особо почитался царь Саул.

На пути в Дамаск

Незадолго до Пасхи Савл в сопровождении людей Кайафы выходит из ворот города. Фарисей, воодушевленный своей миссией, отправляется в дальний путь как защитник и слуга Закона Божия. Им владеет праведный гнев, за которым, быть может, скрывается тайное смятение. Его враг —

не только поверженный Стефан и другие эллины-отступники. Он, как и Кайафа, хотел стереть из памяти народа само имя Иешуа Хнофри, распятого лжемессии.

Идти приходится ночью, чтобы не измотал жара на трудных сирийских дорогах. Савл негружен в мучительные раздумья. Освободиться от них трудно, и все же он тверд и не проявляет никаких признаков колебаний. Савл и его спутники идут больше недели, они не делают привалов. Дамаск уже близко. На широкой равнине окружающей город, раскинулись виноградники, поля и фруктовые сады. Люди идут торопливо, не обращая внимания на полдневную жару. Савл обдумывает, с чего ему начать беседу со старейшинами, как доказать им необходимость строгих мер против предавших веру отцов, как потом доставить в Иерусалим виновных.

Внезапно знойная тишина как бы раскалывается. Непонятный звук, вспышка света, на миг затмившая солнце...

Когда люди приходят в себя, они видят своего начальника неподвижно лежащим посреди дороги. Они бросаются к нему, поднимают, а он, словно слепой, шарит вокруг себя руками. Им приходится вести Тарсянина под руки. Не так рассчитывали они вступить в Дамаск. Их вел пламенный ревнитель и судья; теперь это беспомощный человек, замкнувшийся в себе, ослепший.

Все теряются в догадках: что произошло?

Много лет спустя, как бы отвечая на этот вопрос, Павел писал: «Избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатию Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего» (Гал 1:15–16).

Евангелист Лука, вероятно, не раз слышал от апостола рассказ о пережитом им у порога Дамаска. Сам Господь настиг его и повернул на новый путь. «Он услышал, — пишет Лука, — голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? — Он сказал: Кто ты, Господи? — Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна!» (Деян 9:4–6).

Дамаск

Обращение Савла.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

В Дамаске Савл просит товарищей отвести его на Прямую улицу к некоему Иуде. Провожатые повинуются, все еще пребывая в недоумении. Три дня живет Тарсянин у Иуды, не принимая пищи, в состоянии, близком к шоку. Глаза его по-прежнему застилает тьма.

На третий день его отыскивает уважаемый в городе иудей по имени Анания. Неизвестно, где и когда он стал христианином, но мы знаем, что молва уже донесла до Анания имя гонителя. И все же, повинувшись велению Божию, он осмелился предстать перед этим страшным человеком. Он входит в дом Иуды, спрашивает о Савле, а когда его подводят к слепому фарисею, восклицает: «Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа!»

«И тотчас, — пишет Лука, — как бы чешуя отпала от глаз его» (Деян 9:17–18).

В этот же день Тарсянин принимает крещение во имя Иисуса. Потом, согласно Деяниям, Павел открыто заявляет себя исповедником новообретенной веры. Но в Послании к галатам сам апостол вносит уточнение в последовательность событий. По его словам, он сначала уда-

лился в Аравию, в соседнее Набатейское царство (см. Гал 1:17).

По-видимому, он был не в силах немедленно идти к тем, кто ждал его как сурового стража правоверия. Душа Павла ищет уединения. Ему нужно прийти в себя, осмыслить все, что с ним случилось.

В Набатее Павел остается недолго. Его энергичная натура не терпит бездействия. Он вновь появляется в Дамаске и приходит в субботний день в синагогу. Разумеется, все готовы с почтением выслушать посланца Синедриона, который, едва прибыв в город, почему-то скрылся. Что он скажет? Будет ли опровергать заблуждения новой секты или сразу потребует кары для ее членов? Но вместо этого фарисей — ко всеобщему изумлению — говорит, что сам стал последователем Иисуса. Он прямо именует Его Сыном Божиим и Помазанником! Ошеломленные, люди переглядывались, спрашивая друг друга: «Неужели это тот самый Савл?» Но почтение к гостю из Иерусалима мешает им прервать его речь.

Тарсянин проповедует, учит, спорит. Вся колония в растерянности. Однако время идет, и на исходе третьего года старейшины дамаской об-

Апостол Павел спускается в корзине.
Мозаика. XII в.

щины теряют терпение. Задумав своими средствами избавиться от Савла, они «согласились убить его» (Деян 9:23).

В это время город был передан римлянами во владение набатейского царя Ареты IV. От его лица в Дамаске стал править этнарх, или наместник, которому доносят, что некий иудей сеет волнения в народе. Этнарх приказывает найти Павла и охранять все городские ворота. Но друзья Тарсянина ночью спускают его по стене в большой корзине. Павлу удается избежать расправы.

Он мог бы возвратиться на родину, в Тарс, но сначала нужно, преодолев себя, побывать в Иерусалиме, где он «гнал Иисуса» и Его Церковь.

Обратный путь из Сирии в Иудею стал пыткой для Савла. Ведь в Сирию он направлялся с горделивым чувством борца за правое дело, а теперь возвращается с сознанием вины, вспоминая

о Стефане и зная, что в Иерусалиме одно имя — Савл — внушает назарянам ужас.

Савл возвращается один. В пути он спрашивает себя: как примут его новые единоверцы? Не сочтут ли его обращение коварным ходячим лазутчиком, который, проникнув в их среду, намерен их погубить? Первая же встреча с учениками показывает, что опасения не были напрасными. Павла сторонятся, с ним не желают говорить ни одна душа не верит в его искренность. Вспомнят об участии неистового фарисея в деле эллинистов, хотя с ним лично знакомы немногие.

Полный горечи, Павел уже готов покинуть Иерусалим. Верующие правы; на их месте сам бы думал так же. Но на помощь Павлу неожиданно приходит Иосиф Варнава, попечитель Иерусалимской церкви. Этот скромный и самый отверженный киприот проявляет удивительную чуткость. Он сумел разгадать Павла, понять, что его приход к вере — великое приобретение для братьев. После разговора с Тарсянином он почти насильно ведет его к Петру.

Впервые два будущих столпа христианства оказываются лицом к лицу — рыбак из Капернаума и ученый раввин, коренной израильтянин и человек, воспитанный в греческом мире. На первый взгляд они совершенно разные. Но Христос соединяет их.

Апостолы Петр и Павел.
Афонский монастырь.
Фреска. XII в.

Павел знакомится и с Иаковом, но ни с кем из Двенадцати больше не ищет встречи. Зато в доме Марии, Матери Иисуса, он проводит с Петром две недели. Все это время они беседуют и моллятся вместе. Фарисей согрет сердечностью Киры². Апостол не превозносится перед новообращенным, не гордится тем, что знал Иисуса в дни Его служения. Прежде всего им дорого не то, что Мессия жил на земле, а что Он с ними здесь, сейчас, и будет жить всегда.

Вместе с Петром Павел посещает Дом Божий; там — во время молитвы — он вновь охвачен чувством близости Христа. Снова в сердце фарисея звучит Его голос. Теперь ему окончательно ясно его призвание — в Иерусалиме его слово не найдет отклика, Господь посылает его «далеко к язычникам» (Деян 22:21).

Язычники... Многоликий мир народов, не ведающих Бога. Они издавна угрожали Израилю, а он отгораживался, пытаясь их игнорировать. В этом окружении ветхозаветная Церковь со знавала себя чем-то вроде ковчега, обуреваемого со всех сторон волнами потопа. Если и были попытки прозелитизма, то они выражались в том, что отдельные люди поднимались на борт их судна и превращались в иудеев.

Но теперь по воле Христа границы Церкви расширяются. Савл призван не просто к «спасательной операции» над отдельными душами. Перед ним глобальная задача: идти в самую гущу языческого мира, пронизать его светом Евангелия.

Приехав в родной город, Павел, по-видимому, рассказал семье о совершившемся в нем перевооружении, но сочувствия не встретил. Во всяком случае, мы больше ничего не знаем о его домашних. Возможно, они перестали помогать ему. К счастью, Савл мог сам прокормить себя. По обычаю, раввины вели обучение бесплатно, а средства к существованию добывали ручным ремеслом. Павел умел делать палатки, научившись этому в мастерской отца, и они хорошо раскупались поставщиками армии и купцами.

Проповедь Павла в тарсийских синагогах также не имела успеха: он разделил жребий многих пророков, отвергнутых в собственном отечестве. Но годы, проведенные в родном городе, не

Апостол Павел.

Фреска Дмитровского собора
во Владимире. Фрагмент

были для апостола бесплодными. Собственно, тогда и сформировался Павел, которого мы знаем как учителя веры.

Что означало для него Евангелие Иисуса Христа? Прежде всего, новую страницу единого Откровения, начало которого восходит к праотцу Аврааму. Но если раньше воля Господня открывалась только в Законе и в учении, переданном пророками и мудрецами, ныне Сам Бог говорит с людьми через помазанника.

Источником духовной силы Павла была жизнь во Христе. Именно он, «не знавший Господа по плоти», постиг и раскрыл сущность Евангелия, как никто до него. В этом великий урок и упование Церкви.

¹ Рожон — толстое бревно, которое устанавливали поперек дороги, чтобы прекратить движение; барьер, преграда.

² Кифа — второе имя Симона, ставшего Петром.

САМАРЯНЕ, ПРОЗЕЛИТЫ, ЯЗЫЧНИКИ

Палестина — Сирия, 36–43 гг.

Святой Филипп и апостол Петр в Самарии

Неожиданное обращение Павла, отставка Кайафы и приезд в Иудею прокуратора вернули жизнь Церкви в мирное русло. Кроме того, над страной нависла угроза, поэтому внутренние религиозные конфликты отошли на задний план. Осенью 37 г. солдаты провозгласили императором двадцатипятилетнего Гая Калигулу. Его любили за воинскую храбрость, но вскоре оказалось, что новый

цезарь — настоящее чудовище, — так стали называть его сами римляне. Психически больной человек, маньяк и садист, он возомнил себя богом и требовал, чтобы в честь него повсюду строились алтари и храмы. В империи со времен Августа к этому уже привыкли, но евреи, разумеется, воспротивились приказу и отправили в Рим депутацию во главе с Филоном, надеясь добиться отмены распоряжения. Калигула встретил посланцев издевательствами и велел наместнику Сирии Петронию поставить царскую статую в самом Иерусалимском храме. Если потребуется, разрешалось применять насилие. Иудея закипела, народ готов был взяться за оружие. Петроний оттягивал время, понимая, что если он выполнит волю Калигулы, войны не миновать. Агриппа I, внук Ирода Великого, живший при дворе императора, убеждал наместника не прибегать к крайним мерам. Наконец, все вздохнули свободно, — 24 января 41 г. заговорщики расправились с Гаем и возвели на престол Клавдия.

За это время, полное тревожных ожиданий, многие назаряне возвратились в Иерусалим и жили там, не испытывая притеснений. Правда, в жизни общины произошли изменения: теперь общность имущества была заменена организованной заботой о бедных членах общины.

В это время до апостолов дошла поразительная весть: эллинист Филипп, один из Семи, начал крестить в Самарии язычников.

Историки и биографы Савла Тарсянина часто склонны видеть в нем главного инициатора обращения язычников, чуть ли не единственного, кто «вывел Церковь на широкие просторы мира». На самом деле он отнюдь не первый вдохновился мыслью о проповеди народам. Начало ей было положено эллинистами, покинувшими Иерусалим после гибели Стефана. Их миссия шла концентрическими кругами: от самарян к прозелитам, затем к язычникам. Они были уверены, что надо спешить, чтобы до нового явления Христа разнести повсюду весть о Нем.

Апостол Филипп.

Г. Фишер.

Скульптура. Около 1510 г.

Филипп играл среди этих проповедников ведущую роль. Молодой и энергичный, готовый при любых обстоятельствах возвещать о Христе, он целиком посвятил себя делу евангелизации.

Узнав об обращениях среди самарян, Петр и Иованн Зеведеев немедленно отправляются в Самарию. Иерусалимский центр чувствовал свою ответственность за происходящее в Церкви. Путь апостолов недолог: два-три дня пути — и они на месте.

Отыскав Филиппа, апостолы убеждаются, что Бог благословил его отважное начинание. Ему удалось добиться быстрого успеха и сломать стену отчуждения. Быть может, помогло и то, что Филипп не был коренным жителем Иерусалима и говорил по-гречески. Язык этот самаряне понимали хорошо: со времен Помпея и Ирода их страна подверглась сильной эллинизации и получила название Себастии.

«И была радость великая в том городе» (Деян 8:8), — замечает св. Лука. Филипп учил, исцелял больных, крестил новообращенных. В их числе оказался и некто Симон Гиттонский, который слыл пророком и заклинателем. Эта странная личность пользовалась у самарян огромной популярностью. Симон на первых порах был неразлучен с Филиппом, и это, должно быть, еще больше способствовало евангельской проповеди.

Апостол Филипп.
Мозаика. 546–548 гг.

Апостол Петр.
Средневековая деревянная скульптура

В истории фигура Симона как бы раздваивается. В Деяниях он выглядит человеком простодушным и суеверным. Однако соотечественник гиттонца, св. Юстин (родившийся ок. 100 г.), изображает его теософом-мистиком, автором запутанной оккультной доктрины. Рассеянные в трудах других античных писателей сведения о Симоне крайне противоречивы. Одни утверждали, что он был апологетом самарийского культа, другие — что он верил в некое верховное божество, в сравнении с которым библейский Бог — существо низшее и несовершенное.

Позднее заклинатель много странствовал и вводил в свою систему различные элементы модных тогда учений. В Александрии Симон познакомился с воинствующими антиеврейскими писаниями Апиона и соединил его взгляды со своими. Так, он якобы утверждал, что «всякий верующий в Ветхий Завет подлежит смерти». Если это верно, значит, Симон посягал на самую Тору. Однако в момент встречи с Филиппом он находился еще в процессе исканий и готов был примкнуть к новому движению.

Исцеления, которые совершил Филипп, поразили Симона, жадного до всяческих чудес. Но еще большее впечатление произвел на него апостол Петр. Самарянин увидел в рыбаке могущественного кудесника, владеющего главными секретами «секты». Когда Петр прибыл в Самарию, он стал собирать на молитву новокрещенных. На каждого апостол возлагал руки, и Дух Божий осенял их. Это была как бы самарийская Пятидесятница. Люди непостижимо преображались, ощущая на себе десницу Господню.

Гиттонец вознамерился во что бы то ни стало овладеть этой, по его мнению, магической властью. Он явился к Петру с деньгами, прося посвятить в тайну низведения Духа. Апостола его предложение глубоко оскорбило. Значит, самарянин смотрел на благодать Христову как на волшебный дар, который может быть механически передан или куплен! «Серебро твое да будет в погиль с тобою, — вырвалось у Петра, — потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги!» (Деян 8:20).

Симон был растерян, испуган и стал просить прощения. Однако едва ли его раскаяние было искренним. Когда он понял, что не сможет занять в общине место, на которое рассчитывал, он отделился и основал собственную секту. Впоследствии ее считали христианской, хотя она не имела ничего общего с Евангелием. Согласно преданиям, Симон многие годы противодействовал ап. Петру и даже в Риме продолжал соперничать с ним¹.

Отцы Церкви видели в Симоне Гиттонском «родоначальника всех ересей». Действительно, его теософия — насколько можно судить о ней — открыла длинный ряд попыток подменить христианство пестрой смесью народного суеверия и гностического оккультизма. Люди тех дней, как и в каждую кризисную эпоху, тянулись ко всевозможным тайным учениям, которые могли бы «все объяснить». Это позволило симонианам просуществовать несколько столетий.

Между тем Петр и Иоанн завершили свою миссию среди новокрещенных и вернулись в Иерусалим. По дороге они уже сами обращались со словами благовестия к жителям этой области. Посещение Самарии показало, как строго Цер-

ковь оберегает свое духовное единство. С тех пор апостолы и их преемники будут внимательно следить за всем, что происходит в рассеянных общинах, и сохранять с ними живую связь.

¹ По имени Симона грех приобретения права на священный сан за деньги стал называться *симонией*.

Крещение первого иноплеменика

Через двадцать лет после описываемых событий евангелист Лука познакомился с Филиппом Кесарии. От него он и узнал о дальнейшем ходе проповеди в Палестине. В частности, Филипп рассказал ему об одном эпизоде, которому придавал огромное значение. Он покинул Самарию внезапно, повинаясь велению свыше. Бог указал ему дорогу на юг, ведущую из Иерусалима в Газу. Это могло показаться бессмысленным, так как во время разрушения Газы войсками Александра город и его окрестности оставались безлюдными. Но благовестник знал, что Господь призывает его туда не случайно.

В самом деле, на старом заброшенном тракте оказалась одинокая колесница. Она явно принадлежала чужеземцу: в Иудее ими давно не пользовались. Когда едущий поравнялся с ним, Филипп зашагал рядом. В колеснице сидел темнокожий, причудливо одетый человек и читал вслух развернутый свиток. Как бывает при долгой однообразной езде, попутчики разговорились. Приезжий оказался евнухом, царедворцем эфиопской царицы Аксумы. На его родине давно существовала иудейская колония, и немало эфиопов склонилось к возвышенному единобожию Библии. К их числу принадлежал и этот вельможа, который возвращался из паломничества в Иерусалим. Минуя Газу, он держал путь вдоль моря в далекую черную Африку. Эта удивительная беседа представителей столь чуждых культур стала возможной лишь благодаря тому, что оба спутника знали греческий язык и имели общую веру. Эфиопский пилигрим читал перевод Книги Исаяи. Филипп заинтересовался, понятно ли ему написанное. Тот ответил, что хотел бы получить некоторые разъяснения, и предложил эллинисту сесть к нему в колесницу.

Обращение евнуха эфиоплянина.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Замечательно, что Филипп не столько предлагал чужеземцу новое учение или правила жизни, сколько, как говорит Лука, «благовествовал ему об Иисусе» (Деян 8:35). Слова его были так убедительны, что спутник, увидев при дороге водоем, вырытый, вероятно, пастухами-кочевниками, прямо спросил: «Вот вода, что препятствует мне креститься?» (Деян 8:36).

Филипп всегда действовал быстро и по наитию. Он пренебрег тем, что все его наставление эфиопцу свелось к дорожной беседе и что тот, строго говоря, даже не был прозелитом. Настоящими прозелитами считались лишь полностью вошедшие в иудейскую общину, а евнухов в нее не принимали. Словом, он был готов перешагнуть через все запреты. Остановили лошадей, и оба — евреинист и африканец — вошли в воду... Так в семье учеников Христовых вступил первый представитель народов, которым еще древний пророк обещал спасение.

В ранней Церкви сохранилось предание, что именно этот человек, крещенный Филиппом, положил начало христианству на своей родине.

Последующие годы Филипп провел в городах Израиля, расположенных на побережье Средиземного моря, где продолжал проповедовать.

В Кесарии он женился и надолго обосновался в этом эллинизированном городе. У него было четыре дочери, которые прославились пророческим даром. Вокруг Филиппа образовалась община верных, ей суждено было иметь долгую и славную историю, связанную с именами Оригена, Памфила, Евсевия.

Центурион Корнилий

Как мы уже говорили, в Самарии установилась традиция посещать новообразованные церкви. Около 40-го года возникла необходимость посетить палестинское приморье. Апостол Петр, на сей раз один, снова отправился в путь, «обходя всех» (Деян 9:32). Главная его цель заключалась в заботе об устройении молодых общин; для них же приход Петра был дорог прежде всего тем, что в апостоле люди видели свидетеля жизни и воскресения Мессии. Лука говорит о двух чудесах, совершенных Петром в приморье, слух о которых разносился далеко по округе. Апостол продолжал дело Учителя.

В Яффе Петр задержался надолго. Тамашняя церковь состояла в основном из бедного люда, близкого душе апостола. Он выбрал себе жилье

Исцеление апостолом Петром Тавифы.
Мозаика. XII в.

у одного кожевника, в квартале, который, по мнению раввинов, считался «нечистым».

В книге Деяний апостольских подчеркивается, что в этой «церкви бедняков» люди отличались особой сердечностью и всячески помогали друг другу. Единственным состоятельным членом яфского братства была некая Тавифа, но и она отдавала все силы служению людям. Вместе

с набожными вдовами она шила одежду для немощных.

В языческую Кесарию Петр попал при необычайных обстоятельствах. Правверные евреи не любили этот город, где жил прокуратор и где их взор оскорбляли статуи и имперские эмблемы. Быть может, и Петр не решался идти туда, тем более, что церкви там еще не было (Филипп пришел в Кесарию позднее). Но Бог судил иначе.

Однажды знойным полднем апостол поднялся на кровлю дома кожевника, чтобы совершить положенную в это время молитву. Помолвившись, рыбак хотел сойти в горницу, где женщины готовили ему обед. Но в это мгновение он, словно в полусне, увидел, как перед ним опустился большой кусок ткани, привязанный за четыре угла. В нем были животные, запрещенные в пищу Законом. «И был глас к нему, — пишет св. Лука. — Встань, Петр, заколи и ешь». Апостол увидел в этом испытание его набожности и решительно отказался. Нечистая пища не коснется его уст! Вековые традиции, которые помогали ветхозаветной Церкви отделяться от язычников, Петр впитал с молоком матери. Традиции эти были освящены кровью мучеников. Но таинственный голос

Видение Петра.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

«Что Бог очистил, того не почитай нечистым». Три раза повторялось видение. Петр не сомневался, но скоро убедился, что оно имело глубокий смысл (Деян 10:9–18).

Апостол еще не вошел в дом, как к воротам приблизились три незнакомца: римский солдат и с ним еще двое. Они сказали, что их послал кесарийский центурион¹ Корнилий. Их господин давно и искренне верит в единого Бога и дружит с иудеями. Он принадлежит к «богобоязненным», или прозелитам, которые, не выполняя всех обрядов Закона, заменяют их делами милосердия. И ныне Бог повелел ему встретиться с неким Петром, живущим в Яффе у кожевника.

Приглашать в дом язычников и бывать у них в гостях, даже если они верили в Бога, значило выступать вопреки обычаям. И Петр, наверное, колебался бы, не находясь под впечатлением странного видения. Не говорило ли оно о воле Божией, позволяющей нарушить старый порядок? Он радушно принял римлян, оставил их у себя, а вскоре последовал за ними в Кесарию. Чтобы подчеркнуть важность встречи, он взял с собой несколько еврейских братьев из Яффы.

Путники шли вдоль морского побережья быстро, не задерживаясь. И наконец перед ними открылась панорама города. Рыбак впервые оказался в городе, где все говорило о присутствии римлян. Корнилий уже ждал их, собрав, как на праздник, родных и ближайших друзей. Это был командир привилегированной италийской когорты, в которой служили добровольцы из римских провинций Италии (основную массу гарнизона составляли сирийцы, греки и самаряне); но, забыв о должности офицера и римлянина, он встретил галилейского рыбака у порога и по-восточному склонился перед ним до земли. «Встань; я тоже человек», — поднял его смущенный Петр и вошел в дом.

Увидев собравшихся, апостол сразу предупредил их, что его приход вызван особыми обстоятельствами. «Вы знаете, — сказал он, — что иудеям возбранено сообщаться или сближаться с иноплемеником; но мне Бог открыл, чтоб я не считал ни одного человека скверным или нечистым» (Деян 10:24–28).

Кесария.
Археологическая зона

Завязалась беседа, во время которой Петр рассказал о своем видении. Апостол сразу понял, что попал в среду людей, отмеченных глубокой верой. Он был поражен, — старые представления отступали перед новой реальностью. «Истинно познаю, — признался он, — что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему. Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир через Иисуса Христа; Сей есть Господь всех» (Деян 10:34–36). Присутствующие могли слышать о Человеке, Которого прокуратор казнил лет десять назад, и вот теперь они узнают, что «Бог воскресил Его» и что Воскресший явился тем избранным свидетелем, которые ели и пили с Ним. «О Нем, — заключил Петр, — все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (Деян 10:43).

Римляне стали славить Бога и горячо молиться. Их состояние было так знакомо Петру! Не так ли Дух Божий окрылил апостолов в день Пятидесятницы?

— Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа? — воскликнул Петр (Деян 10:47).

Было время, когда для вхождения в Завет необходимо было «стать иудеями». Теперь Бог открывает иные пути, ибо Иисус Назарянин —

«Господь всех». Границы народа Божия раздвигаются, доходя до края земли.

Апостол оставался в доме Корнилия несколько дней. Крестив центуриона и его близких, он беседовал с новообращенными как друг, ел с ними за одним столом. Хотя формально полупрозелит входил в разряд иноверцев и, следовательно, трапезу с ним делить было нельзя, для Петра центурион стал братом.

Галилейский рыбак не знал, что в это время далеко на юге колесница уносит на родину первого африканца-христианина.

Если в Кесарии апостол забыл о всех условностях, то по возвращении в Иерусалим ему о них напомнили. Двенадцать и старейшины уже знали, что Симон «ходил к людям необрезанным и ел с ними» (Деян 11:3). На Петра посыпались упреки. Гордые древними традициями, жители Иерусалима продолжали жить в старом мире. Апостолу пришлось оправдываться, ссылаясь на видение и на сошествие Духа на «язычников».

«Выслушав это, — пишет Лука, — они успокоились и прославили Бога, говоря: видно и язычникам дал Бог покаяние и жизнь» (Деян 11:18). На самом деле «успокоились» они ненадолго, и понять их чувства легко: ведь Закон был дан свыше. Может ли одно видение перечеркнуть все то, чем люди жили веками? Старейшины были уве-

Город Газа

рены, что войти в Церковь можно, только став сначала иудеем. Само понятие *крещеный язычник* было для них парадоксом.

Инерция консерватизма будет не раз возникать в христианстве, меняя свой облик и формы

¹ Центурион (от лат. *centum* — сто) — сотник, офицер, возглавлявший сотню воинов.

Святой Варнава в Антиохии

Итак, жители Иерусалима решили, что случай с кесарийским офицером — исключение. Но не прошло и года, как их вновь смутило очередное известие, которое принесли люди из Антиохии, столицы сирийской провинции.

Речь шла о некоторых эллинистах, добравшихся до Финикии и Кипра. Сначала они проповедовали только среди евреев, но в Антиохии рискнули обратиться со словом благовестия прямо к язычникам: не к прозелитам и не к *богобожанным*, вроде Корнилия, а к людям, которые чтит римских, греческих и сирийских богов (Деян 11:20). Этот дерзкий поступок не укладывался ни в какие рамки.

Мало того, что миссия внутри Израиля была далека от завершения, — разве возможно приобщать к Церкви Нового Завета тех, кто даже не ведал об истинах Завета Ветхого?

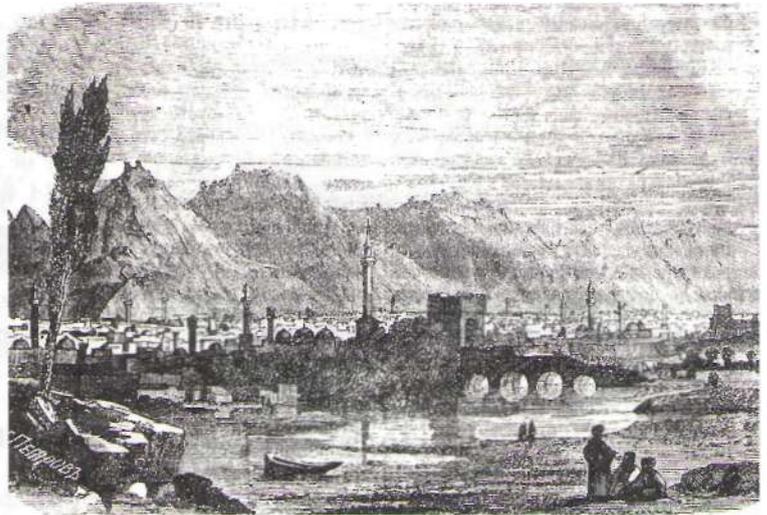
По уже сложившемуся обычаю в Антиохию решили отправить посланца. Остановились на Иосифе Варнаве, — все знали его такт и умение быть на высоте положения в самых сложных ситуациях. Именно он принял Павла, когда другие готовы были от него отвернуться. К тому же Варнава происходил с острова Кипр и хорошо знал те края.

Неугомимый ходок, Иосиф, вероятно, предпочел пеший путь через Дамаск и Хамат, который можно было преодолеть за две недели. Приближаясь к Антиохии, он едва ли догадывался, что идет в город, который будут называть второй столицей христианства.

Рим и Иерусалим по сей день играют большую роль в мировых событиях. У Антиохии же — всё в прошлом, и сейчас на ее месте ютится жалостливый арабский поселок. Но в дни апостолов она была «жемчужиной Востока», резиденцией римского наместника всей Сирии и Палестины. Прошло немногим более 300 лет, как эллинистические монархи возвели и укрепили город на реке Оронт, чтобы связать Средиземноморье с Востоком. Императоры Рима продолжали расширять и укреплять Антиохию.

Подходя к ней, Варнава мог видеть ровные ряды зданий, утопавших в тени садов и парков. Среди кипарисов и миртовых деревьев белели роскошные дома знати. Стены города примыкали к розоватым скалам горы Сильпии, а с другой стороны — к широкой судоходной Оронте.

Многоэтажные дома Антиохии были богато украшены. Нередко встречались арки и колонны, обожженные листовым золотом. Мастера, украшавшие этот третий по величине (после Рима и Александрии) город, принараивались к грубо-матерым вкусам заказчиков. Культурный уровень был невысок. Столица Сирии, по сути, не знала

Антиохия Сирийская

ни выдающихся ученых, ни писателей, ни художников.

Почти четверть миллиона жителей населяло Антиохию. На рынках, как говорили, можно было познакомиться с обычаями различных народов. Кроме сирийцев, свои кварталы имели греки, римляне, финикийцы, евреи. Древний эротический культ Астарты с его шествиями и исступленными оргиями переплелся с эллинским культом. Знаменитая роща Дафны, посвященная Аполлону, привлекала массу путешественников со всего света.

Антиохийская публика отличалась живым, независимым нравом. Ей ничего не стоило освятить прославленного актера или сбросить на землю статую императора. Но до серьезных бунтов дело доходило редко. В городе шла торговля, устраивались спортивные состязания и спектакли, изобретались всевозможные увеселения. Праздники часто продолжались всю ночь. На улицах до утра не гасли фонари. Притоны заманивали клиентов. Кабачки, таверны с флейтистами и танцовщицами составляли неотъемлемую часть антиохийской жизни.

Таким был город, который позднее стал родиной св. Игнатия Богоносца и св. Иоанна Златоуста, а также отшельников и аскетов.

В этом царстве суеты и разгула, смешения народов, языков и вер евреи составляли замкну-

Церковь Симеона Столпника близ Антиохии.
V в.

тый мир, как бы город в городе. Но при всей замкнутости они не могли избежать частых контактов с греками, сирийцами и другими язычниками. По словам Иосифа Флавия, антиохийские евреи, «привлекая к своей вере множество эллинов, сделали их, до известной степени, частью своей общины».

Чтобы попасть в иудейский квартал, посланцу Иерусалима пришлось пройти почти шесть километров по центральному проспекту, который пересекал Антиохию. Вдоль него стояли статуи и тянулась крытая колоннада, защищавшая от зноя и непогоды. Через час после того как Варнава миновал ворота, он был уже среди своих на Сингонской улице.

Встреча с братьями изумила Иосифа. Он не только нашел большое число язычников, крестившихся прямо из «эллинизма», но увидел, что эти люди горят духом ревности и веры. Все сомнения отпали. Сама жизнь доказала правоту смелых эллинистов, не побоявшихся ввести в Церковь тех, кто еще вчера чтит идолов.

Возможно ли было отвергнуть этих людей, ушедших из мира суеверий и разнузданных нравов ради чистой жизни во Христе? Апостол, пишет Лука, «увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем, ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры» (Деян 11:23–24).

Варнава остался в городе, послав в Иерусалим сообщение, что община Антиохии процветает. Как представителя Церкви-матери его молчаливо приняли в число наставников. Но иметь дело с «эллинами» было труднее, чем с иудеями, воспитанными на Слове Божиим. Одного обращения к прежней жизни было недостаточно. Нужно было полностью перестраивать нравственные и религиозные понятия неопитов, учить их, словно младенцев. Это порождало массу вопросов. В какой мере вводить их в религию Завета? Чем заменить им правила и обряды, данные Писанием и *отцами* Израиля? И вообще, должны ли они стать чем-то вроде прозелитов в лоне Церкви?

Верующие из евреев продолжали жить по Закону, то есть регламентировать свой повсед-

невный быт указаниями отеческой религии. Это неизбежно отделяло их от новокрещенных из язычников. Словом, трудностям и проблемам не было конца. Иосиф понял, что справиться с ними одному не под силу.

И тогда он вспомнил о Тарсянине, которого когда-то так радушно принял в Иерусалиме. Во уже несколько лет, как он удалился в родной город, и о нем ничего не было слышно. Рассчитывая отыскать Павла, Варнава покинул Антиохию и двинулся по северной дороге в Тарс.

АНТИОХИЯ (40–45 гг.)

Варнава призывает Павла в Сирию

Еще раньше, когда Иосиф Варнава жил на Кипре, он, вероятно, бывал в Тарсе и даже знал семью Павла. Теперь, придя в этот город, левит легко нашел его и предложил отправиться с ним в Сирию. Тарсянин, должно быть, воспринял это предложение как призыв свыше: не имея успеха на родине, он давно томился по иному поприщу и поэтому без колебаний дал согласие. Вскоре антиохийцы могли приветствовать нового члена своей Церкви.

От живших в Иерусалиме они слышали о Савле много удивительного и противоречивого. Его прихода ждали с волнением и любопытством. Однако при первом знакомстве Тарсянин едва ли мог произвести сильное впечатление. Рядом с Варнавой, высоким, осанистым человеком со спокойной-величавой манерой держаться, в наружности которого язычники находили сходство с Зевсом, Савл выглядел скорее невзрачно: экспансивный и резкий, он был маленького роста, сросшимися бровями и крупным горбатым но-

Монета Антиохии Сирийской

Монета Антиохии Писидийской

Ему было немногим больше тридцати, но он уже облысел, а в бороде мелькала седина. Только серые глаза таили какую-то притягательную силу.

Савла был приведен в Антиохию как бы в роли помощника Варнавы, но прошло немного времени, и он, с молчаливого согласия всей церкви, вошел в число ее руководителей. Видимо, сыгранная роль и его подготовка (он был единственным богословом среди братьев), и сама необыкновенная личность Тарсянина. Антиохийцы скоро поняли, что имеют дело с настоящим пророком и силой Божией. Само чудо его призвания, его встречи с Воскресшим, властно повернувшим жизненный путь Савла, вызывали в памяти сказания об Амосе и Исае.

По всему было видно, что Савлом владела исключительная возвышенная мысль, захватившая его целиком. Каждый свой шаг он словно совершал в реальном присутствии Господа. Отрешенность от земного соединялась в Савле с поразительным реализмом. Духовидец и мистик, парящий в сфере тайн и высоких умозрений, он, однако, был мало похож на утонченного мечтателя, каким его изобразил на своем полотне Эль Греко. Апостол стал первым из тех подвижников Церкви, которые умели, живя в Боге, твердо стоять на земле. Он не уклонялся от решения важных практических задач, обнаруживая недюжинный организаторский дар. Под невзрачной внешностью крылась великая воля, которая не раз проявлялась в критических обстоятельствах. Павел умел сохра-

нить хладнокровие — стоял ли он перед толпой, судьями или находился в опасности. Однажды, когда кораблю, на котором плыл апостол, угрожала гибель, из всех людей на борту только он не потерял самообладания и всех спас (см. Деян 27:31—44).

Жизнь без семьи, без дома могла бы иссушить его душу, сделать мрачным и замкнутым, но этого не случилось. Павел был не лишен чувства юмора и подчас неожиданной шуткой умел разрядить напряженную атмосферу; будучи вспыльчивым от природы, он научился сдерживать себя, проявляя при этом удивительные смирение и такт. Мы знаем немало людей, к которым апостол испытывал чувство глубокой привязанности и дружбы и которые отвечали ему тем же. С годами у него появились преданные и самоотверженные ученики, «дети», как он порой называл их. Но насколько велика была их любовь, настолько сильна была ненависть его противников. Показательно, что именно Павел, а не Варнава и другие миссионеры, больше всего страдал и от иудеев, и от язычников. Даже со стороны единоверцев он нередко встречал непонимание и осуждение.

Одаренностью, знанием Библии, размахом замыслов апостол был на голову выше своего окружения и, возможно, из-за этого чувствовал себя одиноким. Но одиночкой он никогда не был. Павла неизменно видели в гуще людей: общение было его стихией.

Одной из важнейших задач, стоявших перед антиохийской общиной, было определение стату-

са крещеных язычников. Надо ли требовать, чтобы они приняли всю совокупность ветхозаветных правил жизни, весь сложный конгломерат церковных уставов иудейства? Павлу было известно, что некоторые учителя иудаизма считают необязательным для прозелитов как обрезание, так и выполнение всех уставов Торы. Возвещая о Христе язычникам, апостол полностью одобрял этот взгляд. Он руководствовался отнюдь не тактическими соображениями, как это склонны утверждать некоторые его биографы. В отличие от Востока греко-римскому миру был чужд обряд обрезания, однако его нельзя было считать непреодолимым препятствием — ведь каждая древняя религия имела свои табу и свои бесчисленные ритуалы. Требование к обратившимся в иную веру принимать ее обычаи никого не удивляло, это считалось в порядке вещей: в глазах язычников религия и священ-

Апостол Иоанн.
Церковь Успения на Волотовом поле.
Новгород.
Фреска. 1380 г.

ные церемонии составляли одно целое. Напомним, что народы, принявшие ислам, приняли вместе с ним и «печать Авраамову», т.е. обрезание.

Заметим также, что массы доверяли тол древним религиям, поэтому проповедник ное вынужден был ссылаться на авторитеты, освященные временем. Доктрина, не имевшая исконных корней, казалась подозрительным, чисто человеческим изобретением. Такую роль «исторического фундамента» играл для крещеных язычником Ветхий Завет; таким образом, у новообращенных язычников не было веских причин отрицать заповеданные в Библии обряды.

Позиция Павла в отношении Закона определялась, с одной стороны, пророческой формулой «милосердие выше жертвы», а с другой — его взглядом на Священную историю. Поскольку наступила новая, мессианская, эра, когда Бог «творит все новое», прежний Закон становится «ветхим». Христос заключил с верными иной Завет, в свете которого все древние культовые установления меркнут, как звезды при восходе Солнца. Для тех, в ком воцарился Дух Спасителя, магические священнодействия политеизма — мусор, и даже сакральные символы Ветхого Завета по большей части — пройденный этап.

Эта решимость — пойти наперекор тысячелетним устоям — могла родиться только у человека, который был навсегда пленен Иисусом Христом. «Во Христе Иисусе, — скажет апостол несколько лет спустя, — не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью... новая тварь» (Гал 5:6–7; 6:15).

В Иерусалиме назаряне еще не отделяли себя от иудейской общины и приходили молиться в Храм, но у антиохийцев положение изменилось. Возникло братство людей, фактически независимое от синагоги, пестрое по своему составу. Впрочем, члены его смотрели на «Израиль Божий», церковь Иудеи, как на свою прародительницу. Святой город, где жили Двенадцать, естественно признавался оплотом веры. Подобно иудеям диаспоры, антиохийские христиане поддерживали с Иерусалимом постоянные контакты. Связующим звеном служили посланцы-апостолы и странствующие пророки.

В начале 40-х гг. несколько таких пророков прибыло в столицу Сирии, и один из них, по имени Агав, возвестил наступление голода по всей Римской империи. Церковь-мать и без того находилась в стесненных обстоятельствах, поэтому было решено заранее собирать пожертвования «братьям, живущим в Иудее». Так была продолжена известная практика организованной помощи бедным (см. Деян 11:27–30).

Действительно, по берегам Средиземного моря вскоре прокатилась волна неурожая. Император Клавдий с трудом обеспечивал хлебом свою столицу. Но особенно тяжким положение было на окраинах. Бедствие вот-вот могло распространиться и на Палестину. Однако прежде чем там развился голод, над Иерусалимской церковью прокатилась другая буря.

События в Иерусалиме

В то самое время, когда Агав пришел к антипавдам, в Иудее сменилось правительство. Желая успокоить страну, возбужденную безумствами Калигулы, Клавдий вместо прокуратора послал туда своего приближенного Агриппу, внука Ирода Великого, и дал ему титул царя. Пятидесятилетний Агриппа, ловкий интриган, сумевший в свое время уцелеть в роли наперсника Калигулы, понял, что настал наконец его час. Молодость его привела среди придворной римской знати, но сейчас ему нужно было срочно менять образ жизни. Агриппе хотелось выглядеть настоящим иудейским монархом. Всеми средствами он силился доказать Иерусалиму свое правоверие. С этой целью марионеточный царь задумал расправиться с инакомыслящими. А их в стране было немало.

Из всех направлений назарянское было самым незащищенным. Поэтому царь в первую очередь обрушился на него. Это происходило в третий год его правления, весной 44 г. По доносу был арестован галилеянин Иаков, сын Зеведея, и вскоре казнен. В чем заключался донос, неизвестно, но мы знаем, что Иаков, как и его брат, был человеком пылкого характера (откуда и их прозвище «Сыны громовы»). Возможно, доносчик использовался каким-нибудь неосторожным сло-

Апостол Павел.
Андрей Рублев.
Икона. Начало XV в.

вом в адрес властей. Так исполнилось пророчество Христово: первый из Двенадцати «испил чашу», о которой много лет назад говорил ему Учитель.

Видя, что Синедрион, перед которым Агриппа всячески заискивал, одобрил эту меру, царь на ней не остановился. Он отдал приказ взять под стражу Симона бар-Иону, главу назарян. На сей раз было задумано провести показательный процесс, однако его отложили на послепасхальные дни.

Истинное правосудие Агриппу не интересовало, поэтому из казематов Антониевой крепости, куда был заключен Петр, его путь мог вести только на плаху. Вся церковь находилась в горестном ожидании. Верные молились, собравшись в доме Марии, родственницы Варнавы.

Апостол Иаков Старший.

Т. Рименштейдер.

Деталь алтаря

Но случилось невероятное.

Таинственная рука вывела Симона из крепости, и, лишь оказавшись на ночной улице, он понял, что происходящее не сон. По спящему городу он добрался до дома Марии. Лука описывает его появление столь живо, что в его словах ясно слышится отзвук рассказа очевидца. «Когда же Петр

постучался у ворот, то вышла послушать служанка именем Рода; и, узнав голос Петра, от радости отворила ворот, но, вбежав, объявила, что Петр стоит у ворот. А те сказали ей: в своем ли уме? Но она утверждала свое. Они же говорили это Ангел его. Между тем Петр продолжал стучать. Когда же отворили, то увидели его изумились. Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведомяте о сем Иакова и братьев. Потом, выйдя, пошел в другое место» (Дея 12:13–17).

В этом рассказе обращают на себя внимание слова об Иакове и братьях. Очевидно, уже тогда Иаков занял ведущее место среди назарян. Теперь, когда Петр вынужден был покинуть Иерусалим, руководство общиной легло на плечи Брата Господня, который стал фактическим ее главой. Скорее всего, Петр вместе с неразлучным Иоанном нашли убежище в своей родной Галилее. С этого времени они будут появляться в Иерусалиме лишь как почетные гости.

После загадочного исчезновения узника из крепости Агриппа, должно быть, постарался найти и арестовать Иакова. Но осуществить это намерение ему не удалось. В Кесарии царь вел переговоры с финикийцами. Там во время пышного праздника, устроенного в честь императора, Агриппа внезапно почувствовал себя плохо и был вынесен из театра. Через пять дней он умер в страшных мучениях. Не исключено, что он был отравлен одним из своих царедворцев, подкупленным посланцем Тира.

Опасность, нависшая над Иерусалимской церковью, на время была отведена. Но через два года в Иудее начался голод, которого все так страшились. Узнав об этом, антиохийцы направили туда Варнаву, чтобы он отвез братьям деньги, собранные заранее. В Деяниях сказано, что Иосифа сопровождал и Павел, но сам апостол не упоминает об этом. Возможно, он лишь проводил Варнаву до границы страны.

Возвращаясь, Варнава взял с собой юношу Иоанна Марка, сына Марии, который приходился ему двоюродным братом.

МИССИЯ ПАВЛА И ВАРНАВЫ

Кипр — Галатия, 45—49 гг.

На Кипре

Между тем вожди антиохийских христиан задумались над необходимостью проповеди в соседних землях. Опыт их церкви показал, что есть реальная возможность возвещать Евангелие не только иудеям, но и эллинам, и тем, кого греки считали варварами. Нужно было спешить. Чем скорее люди войдут в Церковь до скорого пришествия Господа, тем вернее они исполнят Его повеления.

Однажды, когда братья собрались для совершения вечера Господней, Дух Божий возвестил им через одного из пророков: «Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал вас» (Деян 13:2). Никто не сомневался, в чем оно заключается. Слово Христово должно «расти и распространяться». Был объявлен пост, и все горело желанием об успехе нового начинания. Во время молитвы старейшины по библейскому обычаю возложили руки на избранных. Теперь они считались посланцами Антиохийской церкви, ее представителями.

Но куда идти? С чего начать? Варнава предложил отправиться сперва на ближайший остров Кипр. Это была его родина, и там миссионеры могли бы без труда отыскать себе пристанище. Были в качестве помощника Марка, они, не откладывая, отправились в дорогу.

До Селевкийского порта по реке ходили лодки небольших суда, но трое путешественников предпочли живописную горную дорогу, которая тянулась среди роцц. Римляне вымостили ее гладкими камнями для удобства прохождения караванов и передвижения войск.

Не прошло и дня, как Варнава, Савл и Марк спустились к Селевкии, откуда, не мешкая, пошли к пристани, где теснились паруса и мачты различных кораблей; сообщение между Селевкией и Кипром было постоянным. Договорившись с хозяином судна, миссионеры вечером поднялись на борт.

И вот удаляются за кормой горы побережья, окрашенные закатом. Корабль, подняв паруса, вы-

ходит из бухты, беря курс на юго-запад. Так было положено начало долгим путешествиям «апостола народов». Едва ли, глядя в широкую морскую даль, он мог предвидеть, что ждет его впереди, едва ли мог вообразить свои странствия, во время которых он пройдет расстояние во много тысяч километров. И как? На утлых суденышках, на мулах, а чаще всего пешком, ночуя под открытым небом и на постоялых дворах, питаясь горстью маслин или лепешками, испытывая тысячу неудобств и опасностей.

Впоследствии, оглядываясь назад, Павел будет вспоминать, как часто он был на краю гибели.

«От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побили, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (2 Кор 11:24—27).

Ничто не мешало Павлу мирно трудиться в Антиохии среди ревностных и любящих друзей. Но жребий был брошен; вера в свое призвание,

Древний корабль

воля, энергия, невероятная выносливость направляли его и помогали ему в течение двадцати лет вести такую жизнь. Он выбрал ее по велению Божию и по велению собственного сердца.

Поездка на Кипр не была еще осознана Павлом как начало миссии среди язычников. Окончательно план такой миссии созрел лишь в ходе путешествия и оформился в 49 г. после встречи с апостолами в Иерусалиме.

На вторые сутки корабль вошел в Саламинскую гавань Кипра. Будучи перевалочным пунктом между Сирией и Западом, этот покрытый горными лесами остров последние сто лет принадлежал римлянам. Кипр называли островом Афродиты, хотя под ее именем здесь почиталась великая богиня Азии Астарта. Были тут и голодные еврейские колонии. В одной из них прежде жил Варнава; он сразу же ввел своих спутников в круг иудеев-киприотов, и миссионеры стали посещать саламинские синагоги. Там они рассказывали о великих событиях, совершившихся в Иерусалиме, говорили о близком приходе Мессии и, видимо, их слушали с доверием и интересом: первые семена Евангелия могли быть здесь брошены еще местными эллинистами.

Шли дни, и Павел стал торопить друзей. Его неудержимо влекло дальше, туда, где раскинулись чужие, неведомые земли. Его посещали сны и видения, в них он искал знаки, указывающие путь.

Инициатива явно переходила в руки Павла, но Варнава не стал противиться. Быть может, уже тогда Марку было не по душе, что его брат — пророк и учитель, которого так почитали в Иерусалиме, — оказался целиком под влиянием Тарсиянина. Но как бы то ни было, оба левита согласились с желанием Савла покинуть Кипр.

Чтобы достигнуть западного порта, путешественникам пришлось пешком пересечь весь остров, пройдя почти сто километров. К морю они вышли у Ново-Пафоса, где находилась резиденция римского проконсула.

Пока миссионеры ждали попутного корабля, идущего на Запад, их неожиданно пригласили в дом самого правителя, Сергия Павла, который оказался человеком ученым, любознательным, интересовавшимся восточными религиями. В его

окружении находились еврейские заклинатели, и он искренне верил их прославленному искусству. Особым покровительством Сергия Павла пользовался некто Бар-Иешуа, по прозвищу Элима.

Видимо, проконсул и к проповедникам христианства отнесся как к посвященным в новый вид магии. Он захотел встретиться с Варнавой и Савлом, чтобы узнать об их учении. Однако Бар-Иешуа испугался, что его авторитет в глазах правителя будет подорван. Когда апостолы пришли на прием к Сергию Павлу, заклинатель постарался всячески очернить их перед патроном. Савл не остался равнодушным: впервые в жизни он говорил о вере перед знатным римлянином, и какой-то знахарь встал у него на пути! Пристально глядя на мага, апостол буквально приковал его к месту грозными словами:

— Вот рука Господня на тебя, ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени! (Деян 13:11).

И тут все присутствующие увидели, как Бар-Иешуа стал в ужасе шарить вокруг себя руками.

В Деяниях вскользь сказано, что проконсул «уверовал», но скорее всего он лишь проявил благосклонность к проповедникам. Лука не говорит, что он принял крещение, а миссионеры не стали задерживаться на острове, что было бы естественно, оказись обращение Сергия Павла серьезным.

Ближайшим к Кипру было южное побережье Малой Азии. Именно туда отплыли апостолы и вскоре высадились недалеко от города Пергии. Кипр еще мог казаться продолжением знакомых библейских земель Сирии-Палестины, но теперь, сходя с корабля, путники попали в совершенно иной мир. По пристани сновали люди в непривычных для путников одеждах и говорили на непонятных языках. Вокруг простиралась болотистая равнина, пропитанная малярийными испарениями, а вдали призрачными силуэтами высились горы. Апостолов ждали нелегкие переходы по пустынным дорогам, где каждый встречный мог оказаться грабителем: в здешних лесах бродили грозные исаврийские разбойники. Римская цивилизация лишь слегка коснулась этих глухих краев, населенных полудикими воинственными племенами. Однако Савл и Варнава знали, что в

некоторых городах есть еврейские общины и можно двигаться по стране, переходя от одной общины к другой.

Римляне называли эту провинцию Галатией, хотя настоящие галаты, или галлы, обитали севернее, в центре полуострова.

Миссионеры двинулись берегом вверх по течению реки и через несколько километров достигли Пергии, большого благоустроенного города с форумом, дворцами, театрами и акведуками. Сюда часто приходили торговцев и римских колонистов часто привлекали паломники, которых привлекал храм Артемиды. Эту богиню чтили в Малой Азии с незапамятных времен.

Иоанн Марк пришел в ужас, узнав, что они собираются дальше углубляться в это царство с его гор, неведомых народов и языческих богов. Его охватила тоска по родине: захотелось вновь вернуться в Иерусалиме, в доме матери, среди друзей. Он наотрез отказался идти дальше. Тщетно Савл и брат пытались его уговорить; Марк вернулся назад и сел на корабль, отходящий в Иудею (см. Деян 13:13).

Варнава остался верен Тарсянину, и теперь вместе с ним они вышли на тракт, ведущий из Пергии прямо на север. Вероятно, они узнали, что в Антиохии Писидийской живет много евреев. Но если диаспора служила путеводной нитью для апостолов, то невольную услугу оказал и Рим.

Малая Азия, населенная многими арийскими племенами¹, до ее захвата турками всегда отличалась смешанным населением. Хетты, киммерийцы, галлы, греки вели здесь войны, создавая и разрушая государства. Копыта боевых коней топтали холмы плоскогорья и долины задолго до того, как сюда вторглись персы и фаланги Александра.

Невозможно представить миссию Варнавы и Савла вне Римской империи. Почти в те самые годы, когда они начали свое странствие, Филон Александрийский писал: «Рим положил предел бесконечной путанице и изменениям, происходившим в результате бесконечной борьбы государств и держав, объединив племена народов и силы князей». Конечно, не все было так прекрасно, как казалось философу, но нельзя не признать, что единый римский закон и порядок были фактором, неопределимым для

миссии, а международный греческий язык позволял изъясняться людям в любой точке империи.

Впрочем, напомним, что благовестники шли по ее варварской окраине, а влияние центра доходило лишь до городов. Главными каналами связи между ними были римские военные трассы. Именно по ним, никуда не отклоняясь, шли Савл и Варнава.

¹ *Арийские племена* — широкое понятие, охватывающее индоевропейские народы; имеются в виду прежде всего хетто-лувийские племена, издревле населявшие Малую Азию. Была ли она их прародиной, науке неизвестно.

Основание галатийских церквей

Они шагают по широкой мощеной дороге: два человека в походных плащах, с посохами в руках; один — высокий, статный, другой — приземистый, сутулый. Шагают день, второй, третий. Их изредка обгоняют всадники и почтовые повозки, встречаются торговые караваны и отряды солдат. Дорогу по плоскогорью обступают пологие, поросшие лесом холмы, пересекают реки, через которые приходится перебираться на лодках. Луга сменяются скалами, рощами и кустарниками. На третий день слева открылся простор большого озера, за которым синела далекая горная гряда.

Около недели продолжали апостолы свой путь, пока не спустились в долину, утопающую в зелени рощ. У склонов горы, вокруг языческого храма легились дома. Кое-где были видны следы присутствия римлян: мощный водопровод, портики тяжелых административных зданий.

Это была Антиохия Писидийская, еще при Августе получившая статус колонии. Отдохнув в гостинице и осмотревшись, миссионеры узнали, где находится синагога, и в первую же субботу направились туда.

Община, затерянная в языческой стране, встретила их как желанных и почетных гостей. В то время между очагами диаспоры поддерживалась постоянная связь; курьеры, купцы, учителя Закона приносили книги, новости, распоряжения Синедриона, собирали церковные пожертвования. Любой из таких новопривывших имел право

Город Икония

обратиться к собравшимся в синагоге со словом назидания, что и было предложено апостолам, тем более что Павел отрекомендовался раввином, учеником знаменитого Гамалиила.

Лучшей возможности нельзя было и представить. Поднявшись на амвон, Павел заговорил. Проповедь была столь новой, столь неожиданной и непривычной, что апостолов пригласили в следующую субботу вновь говорить в синагоге. Они вышли на улицу, окруженные толпой, которая проводила их до гостиницы. Люди были явно взволнованы и задавали вопросы; приход гостей из Иудеи стал событием в их тихой провинциальной жизни.

Первый век после Рождества Христова принято изображать как время религиозного упадка и равнодушия, но на самом деле его отличал дух богоискания и жажды истины. Бушевавшие столетиями войны утихли, жизнь входила в мирное русло. Имперские поборы уравнивались тем благополучием, которое принесло быстрое развитие земледелия, путей сообщения, торговли и ремесел. Но человек жив не единым хлебом. Культ цезаря и старинные верования не способны были утолить духовный голод. Поэтому слова новой проповеди нашли в Галатии благоприятную почву.

Молва об апостолах разнеслась по городку. Уже не только прозелиты, завсегдатаи синагоги,

но и массы людей, никогда там не бывавших, заполнили в очередную субботу помещение и двор молитвенного дома.

Начальники общины с возрастающей досадой смотрели на это скопление иноверцев. В течение многих поколений они привыкли ревниво охранять свою веру от посторонних. Сознание причастности к древней культуре, заключенной в стенах добровольного гетто, делало их похожими на тех христиан-традиционалистов, которые во все времена с недоверием относятся к неопитам. Лука прямо говорит, что эти люди «исполнились зависти» (Деян 13:45).

Павел и Варнава ощутили, как вокруг них выросла стена враждебности. Уходя из синагоги, они высказались прямо: их не желают слушать здесь, они пойдут к тем, кто их примет.

С этого дня проповедники стали собирать народ в домах прозелитов и язычников и вести с ними беседы. Тех, кто уверовал, они крестили. Однако враги не собирались с этим мириться. С помощью влиятельных матрон, близких к иудейской общине, они добились, чтобы власти выдворили пришельцев из города. Формальный повод найти было нетрудно: римские законы запрещали вводить новые культы.

Итак, вспыхнув однажды, конфликт уже не ослабевал, сопровождая апостолов на протяжении всей дальнейшей жизни.

Две причины побудили путешественников отправиться дальше на юго-восток, в область

Развалины сирийского города

Ликаонии: во-первых, в пограничном городе этой области, Иконию, было много евреев, а апостолы не отказались от своего правила — начинать проповедь с них; во-вторых, именно туда вела единственная трасса юга Галатии, протянувшаяся вплоть до родины Павла, Тарса. Миновав плоскую выжженную солнцем равнину, благовестники через несколько дней уже входили в Иконию. Окруженная садами, она была похожа на оазис в пустыне.

Там повторилось то же, что и в Антиохии Писидийской. Сначала — беседа в синагоге, после которой «уверовало великое множество Иудеев и Еллинов» (Деян 14:1), а затем новая волна враждебности. Вероятно, посланные вдогонку апостолам люди сумели восстановить против них и еврейскую общину, и римскую администрацию. Впрочем, сразу добиться изгнания проповедников их враги на сей раз не смогли: слишком велико оказалось число обратившихся и сочувствующих. Поэтому Павел и Варнава задержались в Иконию на несколько недель.

Им удалось сплотить первый кружок христиан, ядро будущей церкви. По молитве миссионеров больные получали исцеление. Следуя завету Писидея, Его служители исцеляли не только дух, но и тело. В их глазах человеческие недуги были симптомом всеобщей греховности людей, подпавших под власть демонических сил. Вот почему наряду с проповедью молитва над больными была важной стороной евангелизации.

Сам Павел редко крестил неопитов, предоставляя это Варнаве; он считал своим главным делом «служение словом». Но это не значит, что он считал крещение чем-то второстепенным. Хотя языческие очень рано стали называть языческим термином *таинство*, оно в корне отличалось от языческих, процветавших в эллинистическом мире. Обряды мистерий означали причастность человека к сокровенным силам умирающей и воскресающей природы. Между тем евангельское крещение, как и его прообраз — крещение прозелитов, было вступлением в общину народа Божия, в общину, где действовал Дух Христов. Входя в нее, новообращенный соединялся с Самим Господом.

Тем временем в Иконию вокруг проповеди христианства не утихали распри. Легенда утверждает, что апостолов в конце концов приговорили к изгнанию: на них подал жалобу знатный икониец, невеста которого Текла решила последовать за Павлом. Но, согласно Деяниям, Павел и Варнава сами тайно скрылись из города, узнав, что «язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями» (Деян 14:5).

Возвращаться в Антиохию было невозможно. Приходилось двигаться дальше в глубь горной страны, туда, где обитали уже одни язычники. Не без тревоги приблизились миссионеры к Листре, небольшому ликаонскому городку. Они с трудом понимали местный язык. Здесь жили горцы, родичи древних хеттов, царство которых пало много веков назад; но народ, хотя и подвергся эллинизации, сохранил остатки прежнего уклада. Синагоги не было, а значит, и прозелитов тоже. Павел и Варнава впервые столкнулись с подобной ситуацией. Они тщетно пытались найти контакт с ликаонцами, говоря, что принесли им весть о спасении, но слишком мало общего было у них с этими людьми, чтобы рассчитывать на успех. Однако отступать Павел не собирался.

Перелом произошел неожиданно при обстоятельстве, которые могли бы вызвать улыбку, если бы едва не стоили апостолу жизни.

Среди слушавших св. Павла был неизлечимо больной, человек с парализованными ногами. Уловив в речах иудея слово *спасение*, он ухватился за него как за последнюю надежду. Апостол заметил это и, пристально взглянув на листранина, как делал в таких случаях, властно приказал ему встать. Раздались громкие крики изумленной толпы, произошло чудо — больной неуверенно поднялся на ноги. Все пришло в движение — ликаонцы стали о чем-то возбужденно переговариваться, о чем — миссионеры не могли разобрать.

Вскоре к воротам города потянулась торжественная процессия. Впереди шествовали жрецы в венках, они вели быков; алтарь Зевса, стоявший у входа в Листру, поспешно украшали гирляндами, раздавались нестройное пение и возгласы.

Апостолы Варнава и Павел
в Листре.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Только теперь миссионерам втолковали, что происходит: оказывается, суеверный народ вообразил, что к ним явились сами боги, как, по рассказам, это бывало в старину. Величественного почтенного Варнаву приняли за Зевса, а Павла, который говорил от лица обоих, за его посланца — Гермеса.

Апостолы пришли в полное отчаяние. Разодрав одежды, как делают евреи при горестном известии, они бросились в середину толпы, умоляя прекратить кощунство. «Что вы это делаете? — кричали они по-гречески. — И мы — подобные вам человеки!» (Деян 14:15). Смысл этих слов наконец дошел до собравшихся. Толпа была разочарована и полна недоумения. Праздник сорвался. А людям так хотелось верить.

Подобного оборота дел миссионеры никак не ожидали. Стало очевидным, что здесь еще рано говорить о Христе. Но трудности миссии в Листре были вознаграждены замечательным обращением. Павел встретил там благочестивую еврейскую женщину Эвнику, которая была замужем за ликаонским греком. Вместе со своей матерью она приняла крещение. Когда апостол бывал у Эвники, его беседы внимательно слушал ее сын Тимофей, мальчик лет пятнадцати. Мать с дет-

ства привила ему любовь к Писанию, хотя, видимо, считаясь с отцом, не подвергла сына обрезанию. Удивительные речи человека, пришедшего с родины предков матери, заморозили подростка. Он сразу всей душой привязался к Павлу. Пройдет несколько лет, и Тимофей станет его «сыном», любимым учеником и надежным помощником.

Только Павел и Варнава начали осваиваться в языческом городке, как деятельность их снова была прервана. Фанатики из Антиохии и Иконии легко догадались, где пролегает маршрут миссионеров, и скоро объявились в Листре. Они больше не стали жаловаться властям, а решили сами расправиться с Павлом. Им удалось подбить на это горожан. Толпа внезапно окружила Тарсянина и начала забрасывать его камнями. Павел упал и потерял сознание, а убийцы, думая, что он мертв, вытащили его за ворота города и оставили в поле.

Об этом сразу же узнали Варнава и горстка листрийских неопитов. Они бросились искать тело и, найдя неподвижного окровавленного Павла, стали оплакивать его смерть. Вероятно, среди них был и мальчик Тимофей. Когда они, убитые горем, стояли над телом, Павел вдруг начал пода-

жить признаки жизни. С помощью друзей он поднялся на ноги, и под покровом темноты его отвели в дом. Раны оказались неопасными, и на следующее утро Павел смог покинуть город. Вместе с Варнавой они отправились на юго-восток, в соседний город Дервию.

Апостола вдохновляла мысль, что он пострадал за Христа, как двенадцать лет назад — эллинист Стефан. Быть может, раны Христовы, которые он носил и о которых говорил впоследствии, были следами листрийского избиения?

В Дервии преследователи оставили Павла в живых, видимо думая, что он мертв. Там он основал еще одну общину, состоявшую, как и в Листре, почти из одних язычников. Приобретя в городке «достаточно учеников» (Деян 14:21), миссионеры собирались идти дальше по римскому тракту до Тарса, где могли бы отдохнуть и затем пешим путем добраться до Сирии, до Антиохии Сирийской.

Но внезапно возникло новое препятствие. С апостолом случился припадок тяжелой болезни, которая время от времени к нему возвращалась. Сам он считал, что этот недуг послан ему для наказания. «Дано мне, — пишет он, — жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не преклонился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его, но Господь сказал мне: “достаточно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершенна в немощи”» (2 Кор 12:7–9).

Что это была за болезнь, — узнать невозможно. Ясно только, что она периодически повторялась. Некоторые биографы считают, что, подобно другим великим людям истории, например Цезарю и Наполеону, Павел страдал приступами падучей болезни. Другие склоняются к мысли, что «жало в плоть» — это малярия, которой Павел заболел в болотистых низинах Памфилии.

Как бы то ни было, от возвращения восточным путем миссионеры отказались. Вероятно, в этом решении сыграла роль не только болезнь Павла. Апостол чутко прислушивался к внутреннему голосу: он постоянно ощущал Христа как теньственного Спутника его апостольских трудов. Вот и теперь что-то, о чем умалчивает Лука,

заставило его решиться на рискованный шаг: не взирая на опасность, возвращаться прежней дорогой, чтобы утвердить молодые общины.

Пока Павел был еще слаб после болезни, миссионеры оставались в Дервии, где братья окружили его трогательной заботой. Когда апостол окреп, миссионеры тронулись в обратный путь: опять через Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую. Надолго задерживаться в городах они не могли — приходили и уходили, избегая посторонних глаз. И все же в главном они преуспели: не только поддержали дух христиан, но поставили им старейшин, пресвитеров.

Этот акт означал новый этап в их апостольстве. С него начинается история дальнейшего укоренения Церкви на языческой почве.

Пресвитер во времена Павла не был руководителем Церкви, он стал таковым позднее; его главное служение заключалось в том, что он возглавлял священную Трапезу. Пресвитеры с самого начала не были выборными лицами — их поставляли апостолы, подобно тому, как Сам Христос выделил для Себя Двенадцать.

Таким образом, считалось, что апостолы передали пресвитерам, возглавлявшим священную Трапезу, тот дар, который они, в свою очередь, получили от Самого Христа. Другие служения внутри братства определялись способностями — харизмами: одни становились пророками, другие — учителями, третьи — благовестниками; но, в сущности, все были равноправны. Такое сочетание духа братства и апостольского авторитета обеспечивало церквам жизнеспособность.

Из Писидии апостолы, пройдя к морю, достигли порта Атталии и оттуда отплыли на корабле прямо в Сирию. Так кончилось их первое, пробное, путешествие.

Вернулись они с триумфом победителей. Все благодарили Бога за то, что Он открыл сердца язычников для Евангелия. Это был великий праздник Антиохийской церкви и вместе с тем торжество молодого христианства.

СПОР О ЗАКОНЕ. «АПОСТОЛ НАРОДОВ»

Сирия — Иудея — Малая Азия, 49 г.

Начало спора

Радость, воцарившаяся в Антиохийской церкви, была вскоре омрачена. На одном из молитвенных собраний появились братья из Иудеи и своими речами привели всех в замешательство. Выступая как блюстители чистоты правоверия, они заявили крещеным из язычников: если вы не обрежетесь по обычаю Моисея, вы не можете спастись. Другими словами, каждый, кто хочет стать полноценным христианином, должен прежде войти в лоно иудейства.

Их мнение не было голословным утверждением или просто предрассудком: из Писания ясно вытекало, что обряды ветхозаветной Церкви заповеданы свыше и притом — «на вечные времена». Сам Господь Иисус выполнял их и учил, что каждая буква Закона имеет смысл и Его приход не упраздняет Торы.

Возражать против таких веских аргументов было трудно. Но поколебать св. Павла они не могли. Миссионеру было ведомо нечто большее, чем буква Закона. Формальной правоте ортодоксов он смело противопоставил откровение, внутренняя достоверность которого была для апостола бесспорной. Оно говорило, что единение с Богом во Христе уже не требует как обязательного условия старых знаков причастности к народу Божию, тем более для неевреев.

Павлу было необычайно важно, как отнесется к его словам Варнава, поскольку его друг принадлежал к числу самых уважаемых членов Церкви-матери. Иосиф, видимо, не без колебаний поддерживал его. Однако прочие иерусалимляне продолжали настаивать на своем; дискуссия неизбежно превращалась в распрю. Верующие были растеряны и обескуражены: с одной стороны, слово Иерусалима пользовалось уже высоким авторитетом, а с другой — успехи миссионеров в Галатии доказывали, что Бог благословил их начинания. Ни старейшины, ни новообращенные Антиохии не считали себя способными разобраться в сложном богословском споре. Естествен-

но, возникла мысль отправить в Иудею посланцев Церкви, чтобы там они получили окончательное разъяснение.

Всем, конечно, хотелось включить в делегацию Варнаву и Павла, но Тарсянин не знал, стоит ли ему принимать участие в этом щекотливом деле. Впоследствии он сам подчеркивал, что дал согласие только «по откровению» (Гал 2:2). В качестве представителя от крещеных «эллинов» взяли некоего Тита, ставшего потом помощником апостола.

По дороге на юг они посетили общины в Финикии и Самарии, основанные эллинистами четырнадцать лет назад; повсюду их встречали с почетом.

Но что ждало посланцев в Иерусалиме? Едва ли они надеялись найти там такой же прием. А Павлу и Варнаве нетрудно было догадаться, какой отпор они получат в столице Иудеи.

Иерусалимская церковь. Святой Иаков Праведный

За годы, истекшие со дня памятной Пятидесятницы, у общины Иерусалима сложились собственные прочные традиции. Две волны преследований не сломили ее; к тому же после смерти царя Агриппы I положение назарян намного улучшилось. Во главе фарисеев находился тогда либерально настроенный учитель Иоханан бен Закай. Он был человеком терпимым и считал, что даже язычники могут быть спасены добрыми делами. Иоханан сторонился экстремистов, призывавших к войне с Римом; своей главной задачей он считал укрепление веры и благочестия. Девизом его были слова: «Служи Всевышнему не из страха, а из любви». То обстоятельство, что многие фарисеи сблизились с назарянами, а некоторые даже приняли крещение, отчасти объясняется влиянием Иоханана. Сближению также немало способствовал Иаков, Брат Господень.

С тех пор как в начале 40-х гг. Петр и другие апостолы покинули город, престиж назаретской семьи сильно возрос. Члены ее, особенно Иаков, были настоящими образцами древнего отеческого благочестия. Его считали чуть ли не тринадцатым апостолом, которому Христос открыл

некие тайны наравне с Кифой и сыновьями Зеведеевыми. Брата Господня называли Цадиком, Праведным, и Облиамом, оплотом народа. Уже при жизни он стал легендарным. Говорили, что этот почтенный старец — живое олицетворение Закона, ради которого созданы небо и земля. Он был назиритом, посвященным Богу от рождения: не пил вина, не стриг волос, воздерживался от мяса. Когда Иаков проходил по улицам, его приветствовали, как первосвященника; он якобы и надевался, как архиерей, в льняной эфод и имел право входить в Свята Святых. Такого человека фарисеи не могли ни в чем упрекнуть. Он единствен «превозмошел их в праведности» (Мф 5:20). Его строгое соблюдение Торы было в глазах ревнителей серьезным аргументом в пользу учения назарян.

Следуя примеру Иакова Праведного, верные, собиравшиеся вокруг него, по-прежнему называли дома своих молитвенных собраний синагогами, как и раньше, они пунктуально выполняли все обряды, хранили субботу и ограничивались лишь дозволенной Законом пищей. Как и в первые дни, они рассчитывали на скорое обращение всего народа, который из грешного Израиля должен будет превратиться в «Израиль Божий».

Огромным преимуществом церкви св. Иакова было то, что она хранила подлинные предания об евангельских событиях. В этой среде хорошо знали притчи и изречения Иисуса; именно оттуда выйдут в мир первые рассказы и записи, которые составят основу Евангелий.

Тем не менее приверженность к обрядовому благочестию невольно отдаляла церковь св. Иакова от духа Христовой свободы. Можно сказать, что, сохранив бесценное евангельское богатство, она куда меньше проникла в его сущность, чем апостол Павел. Жители Иерусалима слишком дорожили культовой оболочкой веры, формой, в которой крылась опасность застоя.

Легко вообразить, как огорчило этих набожных людей известие из Антиохии. У них в сознании не укладывалось, что есть где-то целая община собратьев по вере, которые пренебрегают Законом Божиим. Кроме христиан из фарисеев, больше всех, вероятно, негодовали те, что называ-

ли себя эбионитами, бедняками. Они не откололись от Церкви и выражали тенденцию крайнего законничества. Эбиониты хотели сохранить порядки первых дней общины: отказывались от частной собственности, жили на подаяние.

Ядро эбионитов образовалось, видимо, из обращенных в христианство ессеев, которые принесли с собой склонность к суровому аскетизму. Естественно, что антиохийцы, отказавшиеся от обрезания, были для ревнителей Закона вольнодумцами и вероотступниками.

Обо всем этом с тревогой думал Павел, когда за холмами показались стены Иерусалима.

«Апостольский собор»

Прибыв в город, посланцы решили повидаться с наиболее влиятельными братьями, которых почитали столпами Церкви. К счастью, в Иерусалим в это время приехали Петр и Иоанн Зеведеев.

Итак, Павел второй раз встретился с Кифой, но теперь не как вчерашний враг и новичок, а как проповедник и пастырь, немало потрудившийся для дела Божия. В беседе также приняли участие апостол Иоанн и Иаков Праведный.

Тарсянин рассказал им о чудесных явлениях благодати в Сирии и Галатийской провинции, о том, как они с Варнавой открыли дверь веры иноплеменикам, а под конец, употребив свое любимое выражение, спросил: «не напрасно ли я подвизаюсь?» (Гал 2:2).

Рассказ его произвел сильное впечатление. Однако частной беседой, которую Павел считал решающей, ограничиться не удалось. Поборники традиции не желали соглашаться с тем, что считали вредным новшеством. Кто хочет войти в Церковь Нового Завета, твердили они, обязан сначала принять знак первого Завета — Моисеева. Они, в частности, потребовали этого и от Тита.

Павел сопротивлялся всеми силами. В Послании к галатам апостол позднее писал, что они с Варнавой «ни на час не уступили и не покорились» этим «вкравшимся лжебратьям», как он с горечью называл своих бывших сотоварищей по фарисейству, «приходившим подсмотреть за нашею свободою, — писал он, — которую мы име-

Евангелист Лука.

Миниатюра из Евангелия Карла Великого.
781–783 гг.

ем во Христе Иисусе» (Гал 2:4–5). Всегда готовый идти навстречу в том, что считал второстепенным, Павел в данном случае проявил непреклонность.

Чтобы дело не зашло в тупик, пришлось созвать общий совет старейшин Иерусалимской церкви, возглавляемый тремя столпами. Вероятно, число собравшихся было невелико, так как они разместились в одном доме. Это собрание и вошло в историю под названием «Апостольского собора».

Началось собрание с острой полемики. Лука упоминает о нем вскользь, говоря лишь о «долгом рассуждении» (Деян 15:7), но мы уже знаем, какие доводы должны были приводить оппоненты антиохийцев и что опровергнуть их было непросто:

то: за ними стояла буква Библии и ссылка на Самого Христа. Правoverные могли указать и на пример месопотамского царя из Адиабены, мать которого недавно посетила Иерусалим: уверовав в единого Бога, он принял и обрезание, несмотря на то, что либеральные иудеи его отговаривали. Разве не будет этот человек служить живым укором для язычников, принявших христианство?

Нас не должно удивлять, что первый серьезный кризис в Церкви возник в связи с обрядами. Людям легче отказаться от убеждений, чем от обычаев: это объясняется законами психологии. Хотя обряд есть то русло, по которому чаще всего текут реки духовной жизни, проще сохранять ритуалы, чем верность духу. Так, русские старообрядцы предпочли идти на костры и в застенки, лишь бы удержать двоеперстие и семь просфор. А в памяти Израиля, в том числе и христиан, еще свежи были воспоминания о мучениках маккавейской эпохи, которые погибли за Закон.

По прошествии многих столетий кажется, что спор, разделивший Церковь, мог бы быть предотвращен, если бы Христос точно определил место Закона в Своем учении. Но, вспомнив, что Он проповедовал исключительно среди иудеев, для которых Тора была аксиомой, мы поймем, почему Он не мог высказаться до конца. Сначала Господь говорил о том, что пришел «восполнить» Закон, затем определил новое отношение к мести и клятве, запретной пище и разводу и, наконец, указал на две главные заповеди в Торе. Все это уже содержало предпосылку для пересмотра Моисеева Закона.

Закон был дан Богом, и только Бог может изменять и тем более отменять его. В таком случае именно Мессия, Сын Небесного Отца, имеет эту власть: «А Я говорю вам...». Дальнейшее конкретное переосмысление Ветхого Завета в свете Нового Христос предоставил ученикам, которым обещал содействие Святого Духа.

На иерусалимском собрании в 49 г. со всей очевидностью была явлена эта небесная помощь.

Произошло чудо, когда слово взял Симон бар-Иона, чья приверженность традиции ни у кого не вызывала сомнений. Ожидали, что первый среди апостолов поддержит ортодоксов, но вместо этого

Петр высказался в пользу свободной практики обрезания. Он напомнил, как крестил в Кесарии необрезанных и Дух Божий почил на них в его присутствии. Это доказывало, что воля Господня — принимать в Церковь даже тех, кто не соблюдает иудейских обрядов. Согласие с Кифой выказал и апостол Иоанн.

Затем Павел повторил — уже для всех сошлись — свой рассказ о миссии, и старейшины невольно умолкли, слушая его.

Среди историков бытует мнение, что на этом «собрании» завершился. Полагают, что Лука присоединил к его описанию отчет о другой встрече старейшин в Иерусалиме. Но эта гипотеза сомнительна, поскольку игнорирует важную практическую проблему, которая несомненно должна была быть поднята: если можно крестить иноплемеников, не требуя от них обрезания и подзащитной жизни, то как в этом случае им общаться со своими братьями-евреями? Ведь каноны, которые регламентировали каждый шаг иудея, прежде всего обособляли верных от окружающего мира. Например, употреблять мясо, не выпустив из него кровь, было для иудеев столь же нечестно, как для христиан последующих поколений есть скромное в Великую Пятницу.

В конце концов св. Иаков предложил компромиссный вариант: еврейские христиане остаются при отеческих устоях, а прочих ограничить минимальными правилами.

— Полагаю, — сказал, поднявшись, Иаков, — не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от жертвенного идолами, от блуда, удавленины и крови (Деян 15:19–20).

Это был, в сущности, вполне традиционный вывод из положения. Подобные упрощенные заповеди назывались *Ноевыми*, и издавна считалось, что, соблюдая их, уверовавший иноплеменник может быть спасен.

Таким образом, Брат Господень, а с ним весь «совет» положили начало первой национальной Церкви, в данном случае — израильской. Этот шаг включал в себе как большие перспективы, так и немалый риск. Плодотворной была готовность Церкви учитывать религиозные и культур-

✚ КСА ООЛІК НІСІ ТОЛІІ КФЕХБІ ФІС ЧЛОІВІНІ

Апостол Иаков.
Миниатюра. XIII в.

ные особенности просвещаемых ею народов, но одновременно возникала угроза самозамыкания общин. Правда, пока существовала империя, эта опасность была незначительной: в пределах державы все народы сплачивала единая греко-римская культура. Однако позднее угроза возросла. Большинство церковных расколов, порой принимавших обличье ересей, выражало центробежные тенденции поместных церквей.

Вероятно, апостолы, предчувствуя опасность разделений, предложили узаконить обычай, который стал бы залогом церковного единства. «Узнавши о благодати, данной мне, — вспоминал потом ап. Павел, — Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им — к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» (Гал 2:9–10). Попечение о нуждах матери-Церкви, особенно о ее членах, избравших добровольную нищету, стало актом, закрепившим связи между ней и новыми общинами.

Было составлено послание, которое Павлу и Варнаве поручили отвезти в Антиохию.

В иерусалимской встрече лично для Павла оказалось важным то, что столпы открыто и перед всеми признали его право благовестника народов. «Подать руку общения» — означало в древности заключить договор; тем самым статус Тарсянина и Варнавы был утвержден и одобрен, роли распределены. Иаков оставался главой иерусалимских христиан, Кифа и сын Зеведеев продолжали свою проповедь среди иудеев, а Павел с Варнавой направлялись на обращение язычников.

«Апостол народов»

В Сирию посланцы вернулись с чувством глубокого облегчения. Вынужденное отступление ортодоксов было большой победой учеников Иисуса, ставшей поворотным пунктом в истории молодого христианства: Господь указал новые пути, о которых иные не подозревали, а иные их даже страшились.

Апостол Андрей.
Мозаика. XI в.

Апостол Фома.
Мозаика. 546–548 гг.

Пророки еврейской общины Иуда Варсава и Сильван, часто называемый сокращенно Силой, подкрепили своим авторитетом изложенное в послании. Они молились и проповедовали среди антиохийцев, а затем отбыли на родину. Кажется, все споры утихли.

Вскоре Сильван вторично посетил Антиохию: по-видимому, он почувствовал большое расположение к Павлу. Пророк пришел вместе с ап. Петром, начинавшим новый обход иудейских общин. Братская атмосфера Антиохийской церкви покорила Кифу. Рыбак вошел в ее жизнь со свойственной ему открытостью, а когда верные собирались для трапезы и Вечери Господней, он садился с ними за стол, не спрашивая, кто еврей, а кто грек. Однако неожиданно мир снова был нарушен.

Ортодоксы в Иерусалиме настояли на том, чтобы Иаков послал нескольких людей проверить, насколько строго проводится принцип двух церквей. Каково же было их смущение, когда они увидели, что сам Петр ест «нечистую» пищу вместе со всеми, забыв о долге правоверного иудея. Их косые взгляды и ропот, в свою очередь, смущали апостола. Опасаясь дальнейшего соблазна, он вообще перестал приходить на общие трапезы. Такую же тактику избрал и Варнава.

Павел был возмущен: нельзя допустить, чтобы обветшалые перегородки разделяли единых в Христе. За Трапезой Христа все различия должны быть забыты! Тарсянин и не пытался совместить это убеждение с установками «соборности»: он надеялся, что Господь скоро явится в мир, и все недоумения отпадут сами собой. Но он боялся, что поступок апост. Петра и Варнавы сведет на нет то ценное, что было достигнуто в Иерусалиме.

Стало очевидно, что собор оставил многие вопросы открытыми. Павла все это тяготило; его непреодолимо потянуло туда, где он смог бы начать все заново, не оглядываясь на старозаветных законодателей.

Он предложил Варнаве вторично посетить провинции, основанные ими в южной Галатии. Варнава, также огорченный происшедшим, рад был вернуться в Антиохию.

Начали собираться в дорогу. Иосиф пожелал взять с собой Иоанна Марка, который вместе с Петром и Сильваном недавно пришел в Антиохию. Но Павел наотрез отказался: он понимал, как молодой левит бросил их в самом начале путешествия, и считал Марка ненадежным участником. Но теперь Варнава предпочел Павлу Фаддея, заявив, что в таком случае они с Марком отправятся на Кипр. Едва ли им руководила практическая выгода; видимо, миролюбивый Иосиф боялся, что, оставшись с Павлом, он обречен участвовать в спорах и попадать в трудные положения.

Так разошлись пути двух замечательных людей. С этого времени Варнава исчезает из нашего поля зрения. Он продолжает трудиться для Евангелия, но уже без Павла; с годами ссора затихла, и апостол с большой теплотой отзывался об Иосифе и Марке. Однако ход событий уже нельзя было изменить. Тарсянин становился главной фигурой в миссии среди язычников.

От случившегося пострадали оба. Впрочем, Павел в какой-то мере утешил готовый отпрямиться вместе с ним Сильван. Это была неожиданная удача. Пророк Иерусалимской церкви мог вызвать подозрения ортодоксов; кроме того, Сильван, как и Павел, имел римское гражданство, что было чрезвычайно важно для путешествия по империи.

Апостол Петр остался в Антиохии. Пробыв там некоторое время, он последовал примеру Павла. В сопровождении жены и Иоанна Зеведеева он посетил ряд иудео-христианских общин за пределами Сирии, а позднее, вероятно, побывал даже в Греции. На Кипре он отыскал Марка, который стал служить апостолу в качестве переводчика: греческий язык Петр знал плохо.

Судьба же остальных из числа Двенадцати покрыта тайной. Лука ничего не говорит о том, где они жили после 42 г. Согласно поздним легендам, Андрей, брат Петра, проповедовал в Малой Азии и Причерноморье, Фома — в Парфянских странах и Индии, а Фаддей и Матфей — в Сирии. Сам факт апостольских путешествий не вызывает сомнений, но достоверность рассказов о них, заимствованных из гностических книг, весьма спорна.

Трудно объяснить, почему люди, бывшие живыми свидетелями земной жизни Спасителя, словно растворились в массе верующих и о них почти ничего не известно. Однако этот факт придает их судьбе особое величие: их участь — пример исполнения слов Христовых: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Для Павла же начинался период самостоятельных миссий. Последующие годы принесут ему много радости и горя. Порой ему будет казаться, что против него вооружился весь мир. Иудеи проклянут его как отступника от Закона, еврейские христиане будут смотреть на Тарсянина как на вольнодумца, язычники станут преследовать как возмутителя спокойствия. И даже после смерти «апостола народов» споры вокруг него не утихнут. Так неповторимо ярко образ этого человека, что «Павлов вопрос» останется навсегда одним из центральных вопросов христианской истории, источником вдохновения для всех, «камнем преткновения и камнем соблазна» для многих. Эти слова можно поставить эпиграфом ко всей жизни св. Павла.

Апостол Павел отправляется проповедовать.
Т. Лонгаретти

«Идти к язычникам»

Обдумывая новые, более широкие планы, св. Павел избрал пеший маршрут, который вел из Антиохии в Галатию через горные перевалы. Покинув столицу Сирии, они с Сильваном прошли вдоль побережья, посетили родину апостола, а оттуда двинулись в горы. Хороший римский тракт позволил им благополучно миновать утрюмые ущелья Киликии. Спустившись в долину, они свернули на запад и добрались до Ликаонии. Там Павла ждала радость: его церкви продолжали жить. В Листре он нашел молодого, полного сил помощника. Тимофей, сын Эвники, которого он обратил еще в первый свой приход, вырос и стал любимцем всей общины. Услышав о нем много хороших отзывов, апостол захотел взять его с собой.

Он крестил Тимофея и, вероятно по совету Сильвана, согласился, чтобы тот прошел через обряд обрезания, который был совершен в соответствии с Законом, определяющим национальность человека по матери. Этим шагом Павел хотел продемонстрировать свою верность «собору» и защититься от нареканий.

Когда биографы говорят, что апостол Павел был немощным, слабым человеком, они забывают, каких невероятных усилий требовал от него труд благовестника. Пересекая страну, они с Сильваном и Тимофеем покрыли за сравнительно короткий срок такое же расстояние, какое отделяет Москву от Кавказа. За скупыми строками Деяний надо суметь увидеть бесконечные пыльные дороги среди холмов и плоскогорий, на которых они порой изнывали от зноя, а ночами дрожали от холода под каким-нибудь деревом, если не успевали отыскать придорожную гостиницу.

Но с каждым шагом утомительного пути Павел убеждался, что его ведет нездешняя сила, что Дух Христов как бы соединяется с его духом. «Все могу в укрепляющем меня Христе», — говорил он (Флп 4:13). Это переживание нельзя было сравнить с сухим изучением деталей Закона. Тогда Бог переживался как грозный Отец, повелевающий и взыскающий, а теперь через Своего Сына Он изливает силу, спасение и любовь. Точно Сам Воскресший живет и действует в Своих посланниках.

Наконец, после изнуряющей жары среди сосен у горы Иды потянуло благодатной свежестью; в небе показались чайки. Впереди на высоком холме появился укрепленный римский городок Трояда. Под его стенами и улицами спала вечным сном знаменитая Троя Гомера. Выйдя на прибрежный песок к искрящимся лазурным водам Эгейского моря, трое путников могли видеть вдали очертания островов, которые служили мостом между Азией и Европой. Не настало ли время воспользоваться им? Не для того ли привел их Господь сюда, на Илионское побережье?

Миссионеры остались в Трояде надолго. Но вот Павлу снится сон, яркий, как сама реальность. С ним заговорил человек в македонской одежде

Ваал

... настойчиво просить: «Приди в Македонию и помоги нам» (Деян 16:9). Значит, конец путешествия. Именно эта страна ждет их за широкими морскими просторами.

Лето 49 г. было на исходе, когда путешественники нашли корабль, отплывавший на Балканы. Теперь их уже четверо: в Троаде они встретили греческого врача Луку, который взялся проводить их в Македонию. Христианин, крещенный, вероисповедник в Антиохии, он не раз бывал здесь по делам, связанным с его профессией: в древности странствия были обязательны для ученых мужей.

Лука оказался для Павла счастливым приобретением. Он был нужен не только как врач-искусник, что апостола мучили приступы болезни, но и не просто как проводник; в нем Тарсянин нашел надежного помощника и друга.

Обладая легким характером и добрым сердцем, Лука оказался незаменимым спутником. Быть

может, он не всегда понимал Павла — такой была участь большинства знавших его, — но он искренне к нему привязался. В книге Деяний его любовь к апостолу чувствуется в каждой строке, посвященной Павлу. Благодаря этой книге мы обладаем более точными сведениями о последующей миссии Павла: Лука описывает ее уже как очевидец и участник.

Странствия апостола не были легкой прогулкой, и корабль, на который они взошли, не походил на современные комфортабельные суда. Пассажиры теснились на крошечной палубе среди тюков, канатов, огромных глиняных кувшинов, в которых перевозили зерно, оливковое масло, вино. В открытом море такие парусники были не очень надежны, поэтому капитаны предпочитали каботажное плавание, боясь потерять берег из виду. Впрочем, путь предстоял недолгий.

ПАВЕЛ НАЧИНАЕТ ПРОПОВЕДЬ В ЕВРОПЕ

Балканские страны, 49–52 гг.

В тот же вечер, идя при попутном ветре, корабль достиг скалистого острова Самофракии, где бросил якорь, а на следующий день он уже входил в гавань македонского порта Неаполиса. Но останавливаться в этом перевалочном пункте Павел не захотел, предпочитая города с более стабильным населением, в которых легче было бы устроить опорный центр для миссии. Поэтому, сойдя на берег, они двинулись дальше, поднимаясь в горы, и через несколько часов вышли на Эгнатийскую военно-почтовую дорогу, соединявшую Причерноморье с Адриатикой. Она пересекала область, где сейчас сходятся границы Югославии, Болгарии и Греции и где еще не было ни одного христианина.

Македонские церкви

Македония сильно отличалась от засушливых земель Эллады или Иудеи с их голыми ландшафтами. Широкая дорога вела миссионеров через тенистые дубовые и хвойные леса, через речушки и луга, а над всем этим в сизой дымке парила вершина Пандея, на которой были уже заметны

первые полосы снега. На прилегавших к ней землях жили пастухи и земледельцы, известные своей выносливостью, спокойным нравом и здравомыслием.

Через несколько часов спустились в долину и вошли в Филиппы. При отце Александра Великого здесь селились золотоискатели, а потом Август расширил поселок, предоставив его своим ветеранам, и дал ему статус имперской колонии в память о победе над республиканцами.

После того как Лука позаботился о ночлеге, стали обдумывать план дальнейших действий. Собираясь проповедовать язычникам, Павел не думал отступать от прежней тактики: идти сначала к иудеям. Однако выяснилось, что в Филиппах их почти нет. Не насчитывалось и десятка мужчин, которые были необходимы для основания синагоги. Лишь ничтожная горстка лиц, исповедовавших иудейство, собиралась для молитвы за городскими воротами у ручья.

Дождавшись субботы, миссионеры отправились к указанному месту. На берегу они нашли нескольких женщин, — почти все они были замужем за язычниками. Павел подсел к ним и, расспрашивая каждую о ее жизни, постепенно перешел к тому главному, ради чего прибыл в Филиппы. Он говорил о Мессии, о прощении грехов, о благодати и о скором пришествии Спасителя в мир.

Так, под открытым небом, среди прибрежных ив и камней, под тихий плеск воды прозвучало евангельское слово, первое, которое услышали жители восточной Европы.

Особенно полюбилась Павлу Лидия, прозелитка из малоазийского города Фиатир. Она первая приняла крещение во имя Иисуса; «Господь, — пишет Лука, — отверз сердце ее» (Деян 16:14). Лидия сразу же вызвалась помочь миссионерам и заставила их поселиться в ее доме. Нарушив свой принцип, Павел не только согласился принять это гостеприимство, но и в дальнейшем пользовался материальной поддержкой Лидии. Она торговала пурпурной тканью, которая тогда ценилась очень высоко, и ей было необременительно давать кров и пищу четверем путешественникам. Павел смело принимал ее

помощь, потому что был уверен в бескорыстии и душевной доброте Лидии.

Через некоторое время обратилось и несколько мужчин: Эпафрас, Климент и другие. Они проявили такую же веру и преданность апостолу, как и женщины. Среди филиппийцев Павел смог наконец по-настоящему отдохнуть: он чувствовал себя, как в родном доме. И в дальнейшем эта церковь редко причиняла ему серьезные огорчения. Где бы он ни странствовал, воспоминания о филиппийских христианах согревали его душу, наполняя нежной признательностью. Поистине они были подарком для пастыря, которому предстояло выдержать еще столько мытарств, обид и терзаний.

Апостол Павел не принадлежал к числу людей, умеющих своей проповедью зажигать массы, подобно Лютеру, не был он и популярным святым, о котором народ складывает легенды. Его таланты более всего раскрывались в личном контакте или в кругу небольшой общины. Тогда его природная застенчивость исчезала, и он становился мудрым наставником, другом, отцом.

Обстановка в Филиппах более всего этому способствовала. К тому же дух гражданской сплоченности и порядка, царивший там, облегчал его задачи. За несколько месяцев Павел создал крепкую общину и поставил для нее блюстителей: епископов и диаконов.

Однако не всегда проповедническая деятельность Павла и Сильвана в Филиппах протекала мирно. Два обращения были связаны с бурными событиями, в результате которых миссионерам пришлось покинуть город.

Все началось с того, что каждый раз, когда Павел и его спутники шли к ручью, где по-прежнему собирались верные, за ними увязывалась девушка, рабыня одного римлянина. Она возбужденно кричала:

— Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения! (Деян 16:17)

Апостол, видя, что она одержимая, некоторое время не обращал на нее внимания, но постепенно его стало тревожить, как бы подобный странный эскорт не вызвал недовольства горожан и не

Гонения на апостола Павла и Силу.
Фреска. 1700 г. Фрагмент

...открыл бы их против христианской общины. В конце концов терпение его истощилось. Однажды, услышав за собой знакомые вопли, он резко обернулся и именем Иисуса велел безумной замолчать. Сила его слов произвела немедленное целебное действие: рабыня утихла, пришла в себя и послушно вернулась в дом своих хозяев. Но тут-то обнаружилось самое неприятное: оказывалось, в Филиппах многие принимали бессвязное бормотание больной за пифийские пророчества. Девушке задавали вопросы и платили за гаданье деньги, которые шли в карман ее владельцев. Заметив в ней явные признаки выздоровления,

они поняли, что лишились дарового дохода и задумали расквитаться с проповедниками.

Подбив нескольких соседей, они подстерегли Павла и Сильвана на улице и силой потащили на городскую площадь к преторам, в местную магистратуру. Луку и Тимофея не тронули, приняв их, видимо, за слуг. Владельцы рабыни умолчали перед преторами о своей главной претензии, боясь, что их поднимут на смех, и поэтому просто заявили:

— Сии люди, будучи иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять (Деян 16:20–21).

Преторы, видя воинственное настроение собравшейся толпы, не потрудились выслушать чужеземцев: они велели тут же сорвать с них одежду, привязать к столбам и бить палками. После чего, обессиленных и окровавленных, их бросили в городской каземат, причем для большего устрашения их ноги забили в колодки.

Придя в себя в темноте среди арестантов, миссионеры не упали духом. Пострадать за Господа было для них честью. Когда они стали молиться и петь, люди в камере были поражены поведением новых заключенных.

В полночь тюремщик проснулся от подземного толчка. Землетрясения — большие и малые — в тех местах не редкость, и в первую очередь он подумал о камерах, за которые отвечал. Прибыв на место, римлянин, несмотря на темноту, сразу же понял, что двери открыты. Значит, узники разбежались. Законы предусматривали смертную казнь охраннику, если он упустит заключенных. Не желая кончить дни с позором, тюремщик выхватил было меч, но его остановил голос из темноты:

— Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь! (Деян 16: 28). — Это крикнул Павел, который угадал намерение сторожа.

Принесли факелы, и, действительно, оказалось, что арестанты на месте. Римлянин понял, что эти чужеземцы остались, чтобы не ставить его под удар. Это так подействовало на тюремщика, что он, низко поклонившись Павлу и Сильвану, освободил их от колодок, вывел из камеры и привел в

Фессалоники

свое жилище. Там он как мог омыл и перевязал раны чужеземцев, а затем стал их распрашивать. Он уже слышал, что они возвещают о каком-то спасении, и спросил, как его достигнуть. Снова зазвучали слова о Христе, но уже не у тихой речки, а в полутемной комнате. Здесь собралась семья охранника, и здесь она была крещена. Филиппийская церковь обрела еще несколько душ.

Колебания почвы больше не повторялись. Наутро преторы, считая, что достаточно проучили чужаков, прислали приказ отпустить их. Это значило: «инцидент исчерпан, можете убраться восвояси». Но Павел понял, что, если дело кончится таким образом, на филиппийских христиан падет тень: их наставники уйдут с пятном бесчестия. А в римской среде с этим нельзя было не считаться. Поэтому он с возмущением заявил *ликторам*, которые принесли приказ:

— Нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас! (Деян 16:37)

Слова *civis Romanus sum, я — римский гражданин*, имели как бы магическую власть во всех концах империи, тем более в колониальном городе, этом Риме в миниатюре. Наказать имеющего римское гражданство можно было только после судебного разбирательства. Преторы понимали, какую допустили оплошность, не вникнув в это дело. Им ничего не оставалось, как лично

прийти к арестованным, извиниться и вежливо попросить покинуть город.

Миссионеры вернулись в дом Лидии, где их уже не чаяли скоро увидеть, и после прощальной беседы тронулись в путь. Луку Павел оставил в Филиппах, чтобы он помог общине утвердиться в вере.

Снова выйдя на Эгнатийский тракт, Павел, Сильван и Тимофей пошли лесами, а затем вдоль побережья на запад. Дней через пять они спустились к бухте залива, где раскинулся город Фессалоники, большой порт, столица одной из македонских областей. Жи-

тели его занимались торговлей, а пригород был цветущим, плодородным, истинным раем для крестьян. Именно тут апостол и решил продолжить дело благовестия.

Еврейское население Фессалоник было многочисленным. Павел почти месяц беспрепятственно вел с евреями беседы. Как пишет Лука, он «открывал и доказывал» (Деян 17:3) им, что Мессия должен был пострадать за грехи людей и что этот Мессия есть Иисус, распятый в Иерусалиме и воскресший. «И некоторые из них уверовали, и присоединились к Павлу и Силе, как из еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало» (Деян 17:4).

В результате образовалась большая община, в которой преобладали греко-македонцы. В основном это были земледельцы, портовые рабочие, ремесленники и мелкие торговцы. Особое впечатление на неофитов произвело пророчество о скором пришествии Спасителя. Они готовы были сами включиться в проповедь Евангелия, чтобы спасти и других. Фессалоникийская церковь стала первой церковью-проповедницей. Впоследствии македонцы, главным образом из этой общины, часто будут сопровождать Павла в его странствиях. Года два спустя апостол с удовлетворением писал, что его приход в Фессалоники «был не бездейственный» (1 Фес 2:1), что братство тамошних христиан стало «образцом для всех верующих в Македонии и Ахании» (1 Фес 1:7).

Привлечение в Афинах

Естественно, в Македонии апостол был взволнован встречей с новым для него латинским миром, но Афины, куда он пришел поздней осенью 50 г., должны были поразить его еще больше. Он увидел истинную Элладу, без признаков чужеземности: занятию, гордую своим великим прошлым. Греция, пора ее расцвета осталась далеко позади. Накладу сшибцы и нашествия завоевателей разорили страну, население поредело и обнищало.

В центре города буквально на каждом шагу Павел видел статуи богов и героев, покрытых уже потускневшей краской, но все еще величественных. Однако у апостола они не вызывали восторга, кроме возмущения. Никогда еще символы вечности не обступали его таким плотным кольцом. В довершение всего он ощущал приближение очередного приступа хронической болезни.

Тем не менее апостол не мог долго бездействовать и решил попытаться благовествовать в этом городе идолов.

Встреча с евреями в маленькой афинской общине прошла мирно, но бесплодно. Больше заинтересовала Павла агора, главная площадь Афин. Он наблюдал, как философы и ораторы, расположившись в тени портиков, собирали слушателей. Это был своего рода древний Гайдпарк, место свободного обмена мнениями.

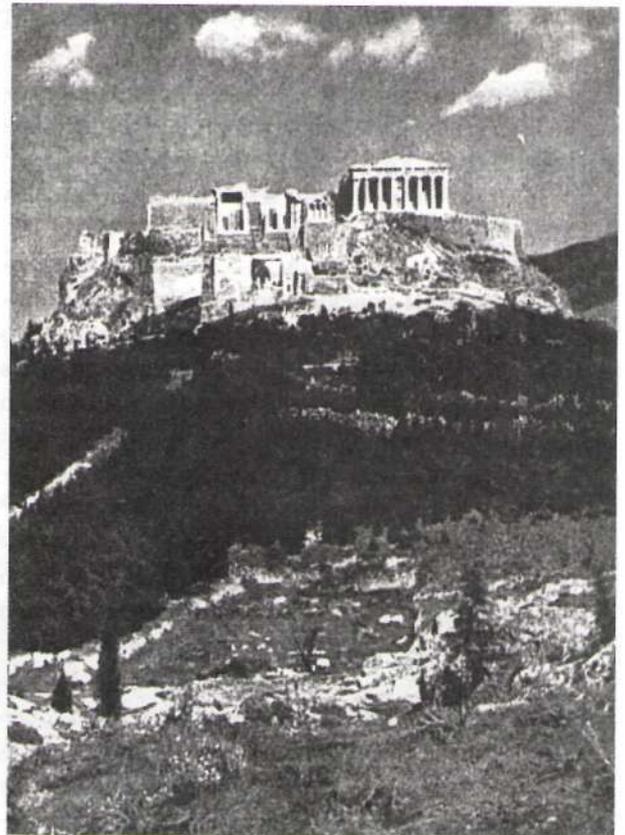
Хотя философский гений Афин к тому времени несколько померк, имена и книги великих мыслителей здесь не были забыты. Их наследие ценилось, и вокруг их идей велись споры.

Он без смущения отважился Павел войти в контакт с этой публикой, полной снобизма и склонной к язвительным шуткам. Сам того не подозревая, он последовал примеру Сократа: начал гулять по агоре и вступать в разговор со случайными людьми. Через несколько дней им заинтересовались преподаватели стоической и эпикурейской школы. Они заметили, что Павел знаком с некоторыми элементами их доктрин. Но дух его бесед оказался афинянам настолько странным, что они не могли взять в толк, чему он учит.

Отправной точкой своей речи он сделал алтарь, замеченный им в городе, алтарь, посвященный «неведомому богу» (Деян 17:23). Такие жертвенники народ ставил, когда не знал, какое божество благодарить или умилоустивить. В глазах Павла они были символом духовных поисков язычников. «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян 17:23), — сказал он афинянам.

Кто же этот таинственный Неведомый? Он есть, продолжал апостол, «Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет, и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание, и все; от одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли

Акрополь в Афинах

Проповедь Павла в Афинах.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра

Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17:24–28).

Полагая, что мост наведен, Тарсянин перешел к самому трудному.

— Итак, — сказал он, — Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых (Деян 17:30–31).

Тут Павла прервали. Одни откровенно смеялись: чего еще ждать от восточных суеверий? Другие уклончиво говорили: «Об этом послушаем тебя в другое время» (Деян 17:32). Они явно потеряли интерес к чужестранцу: выслушивать про какого-то воскресшего означало для них пустую трату времени.

Павел должен был признаться, что потерпел полное поражение. Надменность скептиков оказалась более непроницаемой, чем фанатизм ревнителей Закона. За исключением двух-трех об-

ращений, в том числе одного члена Ареопага, в Афинах Павел не имел никакого успеха. Уверовавших было так мало, что они не смогли образовать даже небольшой общины.

Тимофей приехал вовремя, чтобы ободрить своего наставника. Он рассказал о делах в Македонии, о гонениях и стойкости верных. Душа Тарсянина рвалась к ним, но состояние здоровья и угроза новых конфликтов остановили его. Он предпочел снова остаться один, отправив Тимофея назад к македонцам. Сам же апостол намеревался довести задуманное до конца: впереди его ждала южная Греция с главным городом Коринфом. Там Павел и условился о встрече с Тимофеем.

«Веселый Коринф»

Апостол был рад уйти из Афин. Простившись с любимым помощником, он шел один по дороге, глядя на золотистые скалы, холмы, изрезанные козьими тропами, на чахлые оливковые деревья. Здесь все напоминало о событиях эллинской ис-

твом. Но Павел думал о другом: что ждет его в Коринфе? Он чувствовал себя уставшим, больным и подавленным. Никаких иллюзий относительно этого города он не питал. Всем было известно, каков он, «веселый Коринф», куда приходили продавать, покупать и сорить деньгами. Расположенный на перешейке между двумя морями, город издавна был прибежищем для всякого сброда. В отличие от тихих Афин, грезивших о белом, он достиг при римлянах прежнего процветания.

У Истмийских ворот посетители Коринфа могли видеть памятник Диогену, вид которого мог лишь усилить мрачные предчувствия Павла. Ведь именно этот мудрец ходил среди белого дня с фонарем по Коринфу, утверждая, что ищет, но не находит человека. Однако все обернулось неожиданным образом, и апостолу повезло больше, чем в Афинах. Именно в Коринфе Павел был вознагражден за провал в Афинах.

Первый сюрприз ожидал миссионера на одной из иудейских улиц. Там он познакомился с Акилой и его женой Прискиллой. Оба оказались христианами.

Курьенцы Причерноморья, супруги попали в Коринф после долгих скитаний. Прежде у них была мастерская в Риме, но недавно цезарь Клавдий приказал иудеям покинуть столицу, и Акила с Прискиллой нашли пристанище в Коринфе. Здесь они занялись своим ремеслом, изготовлением палаток. Для апостола эта встреча была большой удачей. Теперь он мог спокойно работать вместе с новыми братьями.

Узнал он и других обитателей еврейской колонии, но, наученный горьким опытом, действовал с большой осторожностью. Коринфская синагога считалась одной из знаменитых в провинции Ахайе, и ее членами пользовались немалым влиянием. Павел сделал все от него зависящее, чтобы прежде времени не вступать в конфликт. Только когда, наконец, прибыл Сильван с Тимофеем, он почувствовал себя увереннее и стал наоткрытую говорить об Иисусе

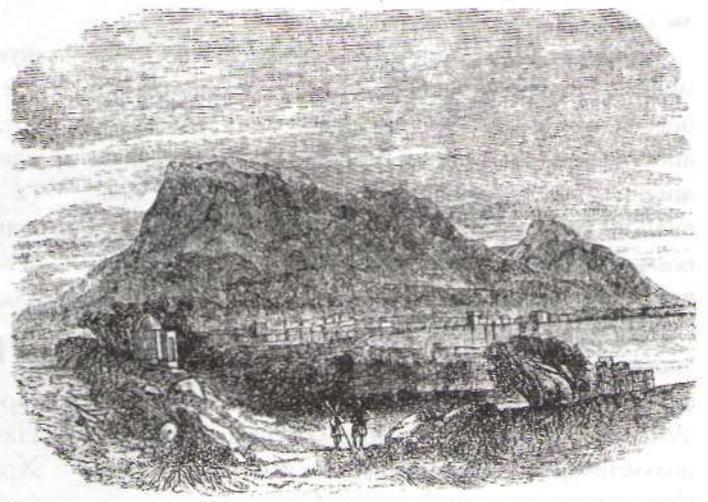
как о Мессии, Который в уничиженном виде предварил Свой последний приход. Эффект превзошел все ожидания. Крестился сам начальник синагоги Крисп с семьей. На радостях Павел, вопреки своему правилу, лично совершил над ним таинство. Принял христианство и уважаемый член общины Юст, в доме которого рядом с синагогой Павел гостил. Но все это не избавило Тарсянина от нападков врагов. Под их давлением Криспа отстранили от должности, заменив неким Сосфеном, и началась кампания травли миссионеров.

Тогда Павел продолжил свою проповедь в доме римлянина по имени Гай. В знак начала нового этапа миссии он сам крестил его, а также Стефанаса, первого грека, обращенного в Коринфе. Последнего Павел назначил руководителем молодой церкви.

Итак, налицо был парадокс: в беспутном и легкомысленном Коринфе нашлось больше душ, искавших веры и спасения, чем где бы то ни было прежде. Убедившись в этом, апостол решил остаться в городе подольше. Число христиан быстро увеличивалось, и они нуждались в более продолжительном попечении.

Полтора года прожил Павел в Коринфе, где его пастырский дар развернулся в полную силу. Он трудился с огромным напряжением, отдавая всего себя делу евангелизации. Позади были сотни километров пути и десять общин, основанных им

Коринф

лично, от Малой Азии до Балкан. Почти в одиночку он совершил невозможное и знал, что в этом проявилась ощутимая помощь свыше. В Коринфе работа с людьми была нелегкой, но он слышал голос Христа: «Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у меня много людей в этом городе» (Деян 18:9–10).

Не забывал апостол о своих «детях». Он не смог побывать за это время в Македонии, но еще раз послал туда неутомимого Тимофея. Юноша выполнил поручение, после чего Павел принялся за дело, важнейшее в его жизни и бесконечно важное для всей Церкви. Он сел писать послание фессалоникийским христианам — быть может, первое из своих посланий.

ПАСТЫРЬ ЦЕРКВЕЙ И БЛАГОВЕСТНИК СВОБОДЫ

Коринф — Эфес — Иерусалим — Антиохия, 51–54 гг.

Послание святого Павла

Еще у ветхозаветных общин, разбросанных по миру, вошло в обычай обмениваться посланиями. Поскольку в римскую эпоху регулярная почта служила лишь государственным нуждам, личные письма развозили нарочные. У Павла в таких людях недостатка не было: Тимофей, Тит и другие помощники в любой момент готовы были отправиться с драгоценным свитком туда, где их ждали с надеждой и нетерпением.

Письма Павла составляли как бы часть его миссионерской проповеди, хотя в основном они преследовали пастырские цели: с их помощью апостол на расстоянии продолжал руководить жизнью новообращенных. Он взял себе за правило обращаться не к старейшинам церквей, а ко всем верующим, чем подчеркивал их общую ответственность за дело Божие.

Четыре Евангелия сложились уже на исходе апостольского века, поэтому наследие Павла — самое раннее из известных нам письменных документов Церкви. Письмо в Фессалоники было получено христианами, жившими всего через двадцать лет после земной жизни Спасителя.

Тимофей, не медля, отвез письмо в Македонию. Но едва он возвратился оттуда, Павел вынужден был снова писать фессалоникийцам. От своего верного ученика он узнал, что кто-то распространил в общине текст пророчества о скором наступлении конца мира. Пророчество приписывали самому Павлу. Нужно было как можно скорее пресечь соблазн, успокоить людей, привести необходимые разъяснения.

Во втором послании апостол, говоря о конце мира, несомненно, имел в виду как ветхозаветные предсказания, так и слова Иисуса. Он разъяснил смысл этих пророчеств, где говорилось о временном торжестве врагов Божиих, которые будут попираť удел Его. Выражаясь современным языком, эти пророчества указывали на рост демонического полюса истории по мере приближения Суда. Напоминая библейское учение о царстве лжемессии, Антихриста, Павел сдерживал нетерпение тех, кому казалось, будто плод уже созрел.

Павел ясно дал понять, что время Антихриста еще впереди.

Отвергая бесплодные гадания фессалоникийцев, он настоятельно просил их не отходить от того, что им было проповедано. Он даже не боялся ради этого употребить фарисейский термин. «Стойте и держите предания, — писал он, — которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Верность изначальной благовестию должна служить для них ориентиром, лекарством от иллюзий.

Особенно подчеркивал Павел оздоровляющую роль трудовой жизни, поскольку хорошо знал презрительное отношение к ней в греко-римской среде: на труд смотрели как на унижительную повинность, недостойную благородных людей (2 Фес 3:6–13). Апостол категорически отверг попытки оправдать этот взгляд наступлением последних времен. Он сам всегда трудился, не покладая рук, и к этому же звал своих учеников.

В Иерусалим через Эфес

Прошло уже восемнадцать месяцев с тех пор, как Павел поселился в суетливом шумном Коринфе. Христиан здесь было теперь больше, чем в любом другом городе, где апостол проповедовал.

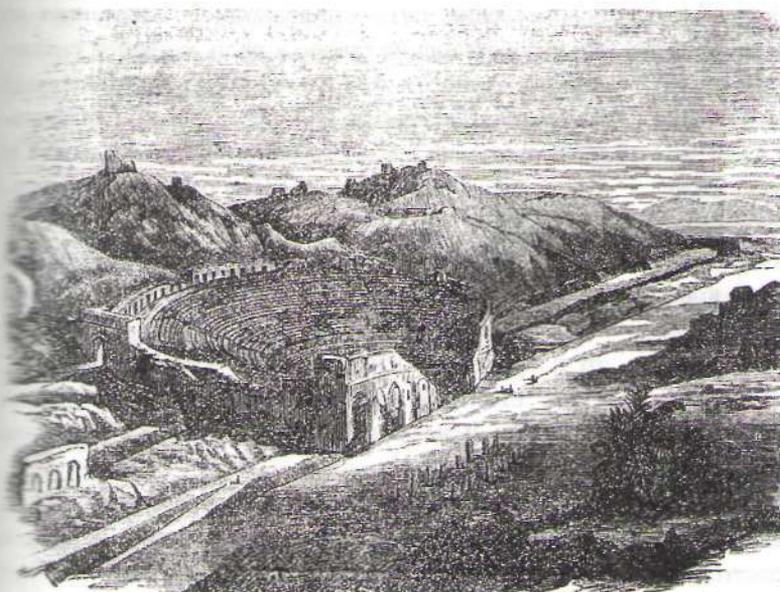
Прежде. После стычки с синагогальным начальством он все теснее сближался с греко-римским язычеством. Далеким сном казались теперь страны Сирии и древний Иерусалим. Однако Тарсий не намеревался создавать изолированную Эфесскую церковь. Он не забывал о долге сохранить единство всех верных. Этот долг и заставил его разлучиться с коринфянами, среди которых он столь успешно трудился, и снова вернуться на Восток.

Летом 52 г., когда навигация была уже в разгаре, он отправился в Кенхрей, порт Коринфа, захватив с собой Акилу и Прискиллу; Сильвана и Тимофея он оставил в городе продолжать дело евангелизации.

Прежде чем плыть в Иудею, апостол, однако, хотел хоть ненадолго побывать в городе своей мечты, Эфесе. Целую неделю плыл парусник, лавируя среди островов архипелага, пока не приблизился к берегам Азии. Из гавани Павел и его спутники добрались до Эфеса.

После прохладного морского ветра жара и дулота города казались особенно гнетущими. Повсюду стояли тучи пыли, поднимаемые веревками повозок. Эфес поражал всех, кто впервые оказывался на его улицах среди леса колонн,

Театр в Эфесе

Иерусалим.

Старый город с Дамасскими воротами

пышных памятников и статуй. Утонченность Афин, коммерческий дух Коринфа, размах многоязычной Азии — все соединялось здесь подле гигантского святилища Артемиды, одного из семи чудес света. Толпы паломников, купцов, погонщиков мулов, моряков теснились вокруг лавок. Праздники в честь Артемиды уже миновали, город жил обычной деловой жизнью.

Еврейский квартал Эфеса находился под непосредственным покровительством Рима; он был обширным и процветающим. Вопреки ожиданиям, миссионеров здесь встретили очень радушно; Павел уже отвык от столь почтительного отношения со стороны соплеменников. Его беседа в синагоге произвела хорошее впечатление (наветы врагов сюда еще не дошли). Павла даже просили остаться в Эфесе подольше, но он объяснил, что связан обетом посетить Иерусалим на праздник Пятидесятницы и принести в Храме жертву; только после этого он снова может приехать в Азию.

Оставив вместо себя Акилу с женой, чтобы те исподволь го-

товили почву для проповеди, Павел на лодке вернулся в гавань и оттуда отплыл в Иудею.

Лука говорит о дальнейшем его путешествии очень кратко. По словам евангелиста, «побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию» (Деян 18:22). Такое нежелание вдаваться в подробности кажется странным: ведь встреча с Иаковом и иерусалимскими христианами была важным событием в жизни Тарсянина. Видимо, Лука, избегавший описания конфликтов, умолчал о прохладном приеме, оказанном его учителю в церкви Иакова. Сам Брат Господень не мог отказаться от общения с Павлом, хотя последний уже прослыл хулителем Закона, но нашлись, наверное, и такие, кто усмотрел в его приезде открытый вызов древнему благочестию. Не пора ли поставить на место этого вольнодумца, вместо того чтобы мирно беседовать с ним, как делает Иаков? По какому праву он, не знавший Иисуса, осмеливается идти против вековых устоев? Почему он не стал смиренным учеником истинных апостолов? Тарсянин утверждает, что Сам Иисус являлся ему, но разве этого достаточно? Может ли он равняться с теми, кто жил рядом с Мессией? Скорее всего, этот лжефарисей и лжеапостол — замаскированный враг Церкви.

Перешептываниями за спиной Павла христиане-законники не ограничились, а задумали принять против него серьезные меры. Едва Павел, удрученный и опечаленный, отбыл в Антиохию, они начали действовать. Иаков, памятуя о «соборе», вряд ли одобрял фанатиков, но старец был уже не в состоянии удержать их. Они поспешно отправились в те города, где проповедовал Павел, начиная с Галатии, и всюду убеждали новокрещеных эллинов, что Тарсянин обманул их, — для спасения недостаточно только креститься, а надо принять и Закон Моисеев.

Благовестник свободы

Ничего не подозревавший апостол, окруженный друзьями, уже почти год жил в Сирии, когда, точно гром среди ясного неба, на него обрушилось известие из Галатии: верные ему люди сообщали, что его дело — на грани развала. Простодуш-

ные галаты поддались увещаниям противников Павла, отреклись от своего учителя и поспешили принять обрезание.

Новость эта больно ранила апостола. Что делать? Отменить обещанную поездку в Эфес и вместо этого торопиться в Галатию? Но прежде следует написать послание своим первенцам, которые, увы, оказались такими нестойкими. Потрясенный известием, обиженный и раздосадованный, он садится диктовать.

Поначалу может показаться, что задето самолюбие проповедника. Но дело не в этом: он вынужден отстаивать свой авторитет не ради себя, а ради открытой ему Истины. Несмотря на охватившие его чувства, он не отрицает, что соперники проповедуют Благую Весть; апостол лишь указывает, что в их устах она получает превратный смысл. Наиболее резкий отпор дает Павел методам *лжебратии*, которая, пользуясь его отсутствием, желает очернить его. Он трудится не для себя, а для Бога, его послали не люди, а Сам Христос, служителем Которого он избран от утробы матери. Павел еще раз подчеркивает, что учение, которое он возвещал галатам, — не человеческая доктрина, а Откровение Божие.

Порицатели Павла напоминали, что и Сам Христос соблюдал Тору. Да, отвечает апостол, Христос подчинился Закону, но одновременно возвысился над ним. Как Человек Он прошел человеческий путь «подзаконной жизни», но не ради порабощения букве, а ради любящей сыновней покорности Отцу. Он — единственный Избранник, истинный Сын, посланный, униженный, отдавший Себя служению Отцу, поэтому Он дарует всем верующим в Него радость Богоусыновления.

А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего вопиющего: «Авва Отче!» Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа... Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства (Гал 4:6–7; 5:1).

Рабством апостол называет сведение веры к системе, канону, формальному правилу, то есть к тому, что было всего доступнее людям. Но этот

непоколебимый вид веры отжил свой век. Бог начал начало новому миру. Он здесь, сейчас...

Снова отправив послание с доверенным иереем, апостол и сам собирается в дорогу, чтобы личным присутствием залечить раны, нанесенные неверием душам. Тем не менее эфесский план остается в силе. Павел идет туда пешком — через весь полуостров, с намерением посетить город Эфес.

В третий раз пробирается он знакомой дорогой, петляющей среди гор и ущелий по бесконечной извилистой стране.

Какие конкретно общины посетил Павел, мы точно не знаем, как не знаем, насколько он преуспел. С тех пор он больше не встречался с галатами и, видимо, не писал им. Единственный наглядный результат его прихода можно найти во втором послании к коринфянам, где Павел говорит о пожертвованиях галатийских церквей в пользу Иерусалима (1 Кор 16:1). В то же время есть свидетельства, что ортодоксальное направление осталось господствующим в Малой Азии вплоть до конца I в. Это видно из Апокалипсиса, в котором послание ап. Петра, обращенное к христианам Понта, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии, показывает, что тамошние христиане уже считали учителем одного Павла.

Не потому ли у него пропало желание заходить в Дервию, Иконию и Листру? Во всяком случае, он не останавливаясь, пересек земли внутренней Галатии и Фригии, а оттуда повернул на запад к побережью.

Снова 54 г. он уже снова в Эфесе — основной цели своего третьего путешествия.

ЭФЕССКИЙ ЦЕНТР. СМУТЫ В КОРИНФЕ

Малая Азия — Греция, 54–57 гг.

Павел и Аполлос

В Эфесе Павел первым делом поторопился увидеть Акилу и Прискиллу, своих верных соратников. Долгожданное свидание с друзьями было особенно приятно после огорчений, споров, а также изнурительного путешествия. За это время

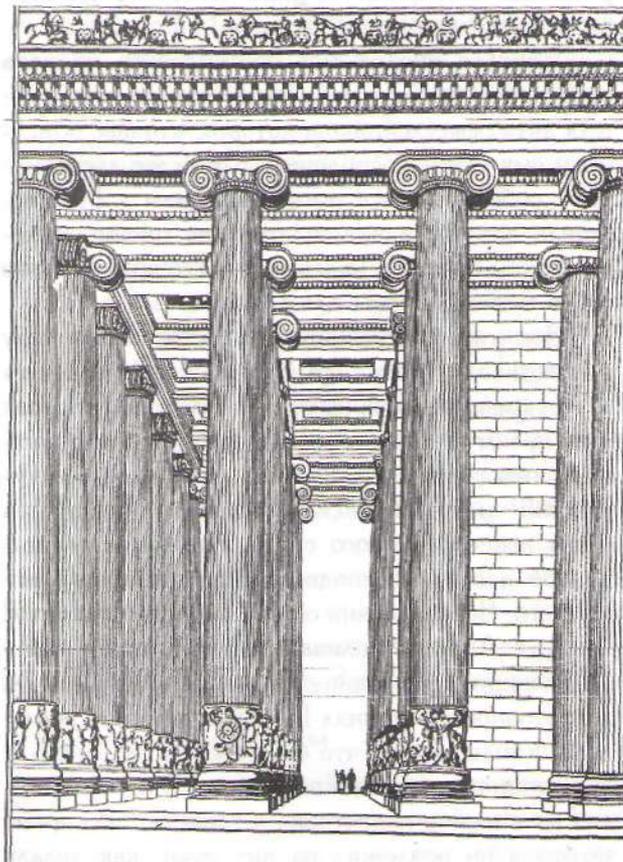
супруги вполне освоились в асийской столице, однако без апостола не предпринимали дальнейших шагов в деле проповеди. Было, впрочем, одно исключение. Посещая по субботам синагогу, они встретили там удивительного человека, еврея из Александрии по имени Аполлос. Блестящий знаток Библии и философии, он покорял всех своим красноречием и начитанностью. По сути дела, Аполлос был уже христианином. Он воспринял начатки Евангелия, по-видимому от уверовавших во Христа ессеев, и с тех пор проникся миссионерским рвением неопита. Быть может, Аполлос застал еще в живых своего великого земляка Филона, который применял искусный метод аллегорического толкования священных книг. Этот метод, позднее усвоенный многими Отцами Церкви, помог ему яснее увидеть связь между двумя Заветами. В Эфесе вокруг Аполлоса сгруппировалась небольшая община человек в двенадцать, разделявшая его взгляды.

Аполлос вполне мог претендовать на роль учителя, но он с благородным смирением выслушал двух ремесленников, которые «точнее объяснили ему Путь Господень». Когда же александриец собрался ехать по своим делам в Грецию, Акила дал ему рекомендательное письмо к коринфским братьям, надеясь, что его знания и дар слова будут полезны для Церкви.

Выслушав рассказ друзей, апостол Павел сразу почувствовал, что в лице Аполлоса найдет ценного единомышленника, который в чем-то имеет перед ним преимущество. Александриец гораздо лучше понимал мир эллинов, чем сам Павел, получивший чисто раввинское образование. Апостол стоял выше ревнивого соперничества, и неожиданное появление сподвижника только порадовало его. Впоследствии он писал коринфянам: «Я насадил, Аполлос поливал... Насаждающий же и поливающий суть одно» (1 Кор 3:6,8). С такой же готовностью принял Павел и учеников Аполлоса. Узнав от них, что они никогда не слышали об истинном крещении в Святом Духе, он наставил их в вере и подготовил к таинству. Во время молитвы он возложил на них руки, как делали первые апостолы, и все новокрещенные «стали говорить иными языками и пророчествовать». Они

словно родились заново, обретя то, чего им не хватало в учении Аполлоса.

Вернувшись из Коринфа, Аполлос, конечно, сразу же захотел увидеть знаменитого просветителя народов. Закутанный в льняной египетский плащ, он входит в ворота мастерской Акилы. Двор завален тюками и связками веревок. Гостю приходится перешагивать через них, пробираясь к затененному углу двора. Там на циновке сидит лысый маленький человек средних лет в рабочей одежде. На голове вязаная ермолка; горбатый нос, седеющая борода; руки, привычные к труду, быстро перебирают и скручивают черную шерсть, которая предназначена для походных палаток. Отдельно сложены узлы готовой ткани. Человек поднимает покрасневшие от напряжения глаза и смотрит на Аполлоса.

Храм Артемиды в Эфесе.
Реконструкция

Аполлос и раньше слышал, что Тарсянин неказист с виду, но все же был невольно поражен этой обиденной картиной и этим странным лицом. Из дома выходит Акила и знакомит их. Но едва завязывается разговор, Павел мгновенно преобразается. Теперь уже нет сомнений: перед Аполлосом тот самый неутомимый путешественник, муж Духа, который прошел через моря и земли, твердой рукой разбрасывая повсюду семена Царства Божия.

С этого дня Аполлос активно включается в труды апостола. В многолюдном Эфесе, население которого достигало тогда четверти миллиона, не считая приезжих, жатвы и в самом деле много. Здесь легко затеряться, а именно это и нужно. Власти «вольного города» давно привыкли к потокам богомольцев, бродячим проповедникам, представителям самых разных культов. Отцы же синагоги, хотя и охладели к Павлу, особой враждебности пока не проявляли.

Куда опаснее могли быть взрывы языческого фанатизма, характерные для мест массового паломничества. Весной в Эфесе устраивали пышные праздники в честь богини Артемиды. Они сопровождалась конскими бегами, спортивными состязаниями, выступлениями певцов и поэтов. Торжественные процессии проходили по центральному проспекту у подножия огромного театра, направляясь в храм, расположенный в северном пригороде.

Сам идол Артемиды, которую чтили по всей стране, был скрыт от народа стенами и оградой из 120 высоких колонн. Говорили, что он упал прямо с неба. Был ли то метеорит или архаический фетиш, но традиционный облик богини был всем хорошо известен: ее фигурки продавались в дни праздников на всех углах. Чем-то они походили на кисть винограда, поскольку мать-кормилица представляла со множеством грудей, казалось, готовых напитать весь мир. Несметные богатства накапливались в сокровищницах ее храма. Римляне это знали, но смотрели на Эфес как на свою казну, хотя оставляли за столицей Азии видимость автономии.

Первые эфесские христиане не могли не видеть, как ревниво относится народ к своему наци-

малейшему культу. Малейшее его оскорбление могло привести к кровавым погромам. Но Павел сознательно и последовательно старался не задевать чувств язычников, что позволяло ему жить и работать в безопасности.

На вершине успеха

Тогда еще Павел не пользовался такой популярностью, как в эти три года пребывания в Эфесе, и здесь с такой силой не проявлялся его дар врачевания. За ним постоянно ходили толпы, как тысячи века назад — за Иисусом. Порой достаточно было приложить к больному платок или кусок простыни, как наступало выздоровление.

Но была во всем этом и теневая сторона. Эфес, разносившая по городу славу Тарсянина, развивала суеверные страсти. Надо сказать, что Эфес издавна был средоточием оккультизма и магии. На его улицах повсюду можно было видеть объявления знахарей, астрологов и толкователей снов, приглашавших всех, кто хочет узнать будущее или добиться удачи в делах. Существовала даже особая литература по ворожбе, известная «Эфесскими писаниями». Шарлатанство и игра на легковерии были здесь обычным занятием.

Рано или поздно знатоки магии должны были увидеть в Павле опасного конкурента. Некоторые страждущие иудейские знахари пытались, прибегая к нему, лечить именем Иисуса. Однажды такие эксперименты кончились плачевно: какой-то дерзкий бросился на злополучных целителей с криком: «Иисуса я знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» — и сильно избил их (см. Деян. 19:15).

Как мы уже знаем, под руководством Павла собрался целый отряд самоотверженных миссионеров. Кроме Акилы, его жены и Аполлоса, а также старых друзей Тита и Тимофея, прибывавшего в Коринфа, источники называют многих лиц из разных стран империи.

Полагаясь на их поддержку, Павел вернулся к своему давно выношенному плану: снова обойти западные страны: Асию, Македонию, Ахайю, затем отправив в Иерусалим денежную помощь, через Грецию достиг западной границы цивилизованного

Артемиды.

Роспись. IV в. до Р.Х. Фрагмент

мира — Испании. Путешествие в римскую Африку и Египет Павел, видимо, отложил на самый конец миссии, чтобы таким образом завершить полный круг по *экумене*¹. Если бы это намерение удалось, то все Средиземноморье услышало бы скоро весть об Иисусе.

¹ Экумена, или ойкумена (греч.), в античных представлениях — обитаемые части земного круга.

Кризис в Коринфе

Осуществление столь далеко идущего замысла Павел начал с того, что послал впереди себя Тимофея и Эраста в Македонию, назначив им встречу в Коринфе. Коринфская церковь внушала ему наибольшую озабоченность. Сильван по

Павел прощается с эфесянами.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра

какой-то причине покинул город (позднее он присоединился к ап. Петру); новообращенные были предоставлены сами себе. Павел написал им письмо, которое до наших дней не сохранилось, но содержание его известно. В нем он строго приказывал бойкотировать тех членов общины, которые предавались распутству, пьянству или участвовали в языческих праздниках. О возможности подобных явлений он мог легко догадываться, памятуя о нравах «веселого Коринфа».

Братья были смущены посланием, вообразив, что учитель велит им вообще порвать любые контакты с внешним миром. Но Павел потом разъяснил, что он лишь боялся проникновения в церковь

«коринфской заразы». А к «внешним», по его мнению, приложимы иные мерки. «Ибо что мне судить и внешних?.. — писал он. — Внешних же судит Бог» (1 Кор 5:12–13).

Тревога апостола не была напрасной. Когда ранней весной 57 г. он уже собирался в Македонию, из Коринфа приехали слуги богатой христианки по имени Хлоя. Они рассказали, что в общине неблагополучно. Один брат взял в жены свою мачеху, несмотря на то, что и еврейские, и римские законы осуждали такой брак как кровосмешение. В Коринфе же на это смотрели сквозь пальцы. Ослабление нравственных устоев сказалось и на братских вечерах. Богатые люди, при-

и к столам больше других, спешили сами напиться, а иной раз возвращались домой пьяными. Мало того, среди верующих вспыхнули споры, приведшие к образованию настоящих фракций в общине. Кое-кому настолько полюбились толпы и проповеди Аполлоса, что они объявили себя его последователями. А с тех пор как в Коринфе побывали ученики Петра (или, быть может, сам апостол), некоторые отшатнулись от Павла и стали именоваться *Кифиными*. Смотришь, творили они, Тарсянин не смел брать у нас пример, как Петр и прочие апостолы, значит, он им признает, что они выше него. И вообще Павла некая погань: то он идет против Закона, то сочиняет еврейские обычаи. Свободу и миссионерскую гибкость Павла они расценивали как недостаток.

Сам апостол Петр, если и побывал в Коринфе, вряд ли был повинен в подрыве авторитета Павла. Смиренный и добрый, он не любил преисподней над другими, поэтому действия *Кифиных* были целиком на их совести. Разногласия привели еще одну группу христиан к отказу называть себя с именем любого апостола; они назвали себя просто *Христовыми*.

Эти новости расстроили Павла гораздо больше, чем смуты в галатийской глухомани. Разрушительные силы поколебали многочисленную, по-прежнему надеждою церковь. Хотя большинство коринфян сохранили верность своему наставнику, этот раскол сам по себе был печальным симптомом. Павел увидел в нем не только посягательство лично на него, но и измену чему-то несравненно более важному — духу Церкви. Христос давно поборол свойственную ему неустойчивость, но теперь он должен был проявить личное самообладание и такт, чтобы справиться с неожиданной бедой. Поездка в Македонию была на время отложена.

Пока Павел размышлял, как поступить, и ждал, когда Господь укажет ему путь, в Эфес приплыли на корабле трое старейшин Коринфской церкви: Стефанос, Фортунат и Ахаик, горячо преданные апостолу. Им удалось развеять его горькие думы и сообщить, что смута — не более чем болезнь роста, вызванная беспокойным характером коринфян.

Итак, в Грецию все же можно было не спешить, а сначала идти — как запланировано — через македонские земли. За это время безотказный Тимофей, со свойственными ему мягкостью и чуткостью, сможет подготовить его посещение Коринфа.

Павел хотел, чтобы Аполлос, которого коринфяне настойчиво звали к себе, принял их приглашение; это было бы жестом доброй воли. Но александриец, смущенный тем, что невольно подал повод к смуте, предпочел остаться в Эфесе.

Прощаясь с посланцами Коринфа, апостол вручил им письмо ко всей общине, в котором высказал свое отношение к расколу, а также ответил на недоуменные вопросы верующих. Коринфяне волновало многое: каким должен быть евангельский взгляд на супружество? Допустимо ли есть пищу, взятую от трапезы в честь богов? Кто важнее в Церкви — апостолы, пророки или учителя? Действительно ли мертвые оживут в День Суда, или это надо понимать иначе?

Вместить все эти проблемы в одно послание было непросто; поэтому оно получилось очень длинным, почти целой книгой; в Новом Завете — это Первое послание к коринфянам.

Истинное основание Церкви

Призывая в письме к единомыслию, апостол Павел отнюдь не желал сковывать свободу коринфян жестким догматизмом. «Ибо надлежит быть, — писал он, — и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11:19).

Не навязанные аргументы (будь то чудо или голос рассудка), а свободная любовь к Тому, Кто умер за людей, закладывает основу веры. В Иисусе, пригвожденном к позорному столбу, нет ничего, что влекло бы к себе людей принудительно; ведь человека обычно прельщают либо физическая сила, либо сила разума, а на Голгофе мы видим предел унижения. Но именно так явил Себя озлобленному миру Сын Божий.

К тому же апостол не помышлял об изменении существующих порядков в мире. Его вообще мало волновало то, что совершалось среди неверных. Так или иначе, дни «века сего» сочтены. Каждому лучше оставаться в том положении,

в каком он был. Еврей ли он, иноплеменник, свободный или раб, — все это уже не имеет значения. Важно только одно: «пусть каждый пребывает перед Богом».

Читая Тацита, Светония или Иосифа Флавия, поражаешься, насколько древний мир был похож на наш, сколько в людях было злобы, цинизма, равнодушия, бесчеловечности. И на этом фоне Павел кажется вестником, пришедшим из иного мира. Даже рядом с писаниями просвещенных и гуманных литераторов и философов тех дней слова ремесленника из Тарса кажутся чудом. Не за «смягчение нравов» или изменение социальных установлений ратует он, а провозглашает Истину, которая воспринималась как неуместная, почти безумная. Он называет любовь единственным выходом для заблудившегося мира. Любовь выше сверхъестественных знамений, выше подвигов и экстазов. Говоря о ней, Павел становится не только пророком, но и поэтом.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает. Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Но мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу... А теперь пребывает сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор 13:1–10, 12–13).

Этот гимн — вершина благовестия Павла. Он вылился из недр его существа на одном дыхании. В его словах слышатся восторг открытия

и удары молота, сокрушающего все, что заслоняет суть Благой Вести. Диктуя эти строки о любви, Павел, возможно, впервые поднялся на одну высоту с евангелистами.

ТЕРНИИ ПАСТЫРСТВА

Малая Азия — Македония — Греция, 57–58 гг.

Конфликт с коринфянами

Заканчивая большое послание, ап. Павел просил коринфян позаботиться о сборе средств для бедных Иерусалима. Он советовал, чтобы они, по примеру галатов, откладывали, кто сколько сможет, каждый первый день недели. Эти деньги он намеревался отправить в Иудею вместе с сопроводительным письмом или же отвезти их лично.

Но все сложилось не так, как думал апостол. Побывав в Коринфе, Тимофей привез плохие вести. Ни его приход, ни послание Павла не утихомирили раздоры. Апостол понял, что придется ехать самому, и притом немедленно. Не дождавшись Пятидесятницы, он отправился морем прямо в Коринф.

Путешествие не было удачным: у архипелага корабль попал в бурю. Это казалось недобрый предзнаменованием. Действительно, встреча в Коринфе оказалась более тяжелой и мучительной, чем можно было предположить. Лука вообще умалчивает о ней.

Еще раньше Павел спрашивал коринфян: «Чего вы хотите: с железом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?» То, что он узнал от Тимофея и что сам увидел, заставило его высказаться со всей суровостью. Результат был плачевный. Община в целом осталась глухой к его упрекам, а один из братьев даже оскорбил апостола. Неизвестно, что больше всего послужило причиной ссоры, но Павел покинул город в самом мрачном состоянии духа, с чувством напрасно проделанного труда.

Вернувшись в Эфес, он написал коринфянам письмо, полное горечи, и попросил Тита отвезти его. Теперь он снова укрепился в первоначальном намерении — идти к македонцам. Тимофей и Эраста он послал впереди себя, а Титу назна-

встречу в Троаде, в том самом городе, откуда начал путешествие в Европу.

Пятидесятницы — своего любимого праздника — он так и не смог провести в Эфесе. Главные события понудили его ускорить отъезд.

Бунт эфесских ремесленников

Пятидесятное лето 57 г., и люди со всех концов провинции наводнили Эфес, привлеченные праздниками в честь Артемиды. В такое время легко было вызвать беспорядки, чем и воспользовались люди Павла.

По рассказу св. Луки, некто Димитрий, серебряный мастер, собрал своих товарищей на площадь и предостерег их от опасности, которая исходила из училища Тиранна, где проповедует Павел, который уже «совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими иконы суть боги». А ведь они, мастера, только и занимались изготовлением статуэток Артемиды, изготавливая для паломников статуэтки в виде храма или богини. Если так будет продолжаться дальше, они останутся без заработка.

Это было, конечно, преувеличением, причем преувеличением. В сравнении с сотнями тысяч язычников, христиан в Эфесе насчитывалась жалкая горсть. Очевидно, Димитрия подкупили или обманули люди, видевшие в Павле соперника, — драмы и знахари, которые уже не раз пытались помешать его со своей дороги.

Речь Димитрия подействовала на его слушателей, как огонь на солому. Ремесленники шумной толпой высыпали на улицу, выкрикивая традиционный эфесский лозунг: «Велика Артемида Эфесская!» К ним мгновенно присоединились люди фрижжан, всегда готовых к бурным демонстрациям. Кто-то пытался найти Павла, но дома его не оказалось. Тогда схватили Гая и Аристарха и потащили их силой в театр. Скамьи, рассчитанные на 20 тысяч человек, сразу же заполнились: воцарился хаос. «Одни кричали одно, а другие другое, — пишет Лука, — ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знала, зачем собрались».

Услышав рев толпы и узнав, что друзья подвержены опасности, Павел поспешил в театр, го-

товый отдать себя на самосуд толпы. Однако по дороге его заметили члены городской управы, с которыми он был дружен, и уговорили не подвергать себя смертельной опасности. Они обещали собственными мерами предотвратить мятеж и спасти Гая и Аристарха.

В театре тем временем творилось нечто невообразимое. Иудейская община, боясь, что ярость язычников, как это не раз бывало, обрушится на нее, отправила некоего Александра заявить, что Павел и его единоверцы не имеют к ней никакого отношения. Поднявшись на трибуну, Александр сделал знак рукой, желая говорить, но едва узнав, что это еврей, все снова стали оглушительно скандировать: «Велика Артемида Эфесская!» Крик этот продолжался почти два часа, и, когда люди уже выдохлись, на помост вышел эфесский «секретарь», своего рода греческий мэр города.

Он начал говорить спокойно, объясняя, что на Артемиду и храм никто не посягал. Приведенные два человека не оскорбляли богиню и не совершали никакого кощунства. А если у чеканщиков есть жалоба на кого-нибудь, они должны подать ее в суд законным порядком. Затем он перешел к прямой угрозе. Эфес — вольный город, но он подчиняется Риму. Если демонстрация не прекратится, говорил он, «мы находимся в опасности — за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое собрание» (Деян 19:40).

Эта здравая речь утихомирила народ. Постепенно все стали расходиться по домам. Гая и Аристарха отпустили.

С души Павла свалился камень, но все же он не был спокоен. Ему стало ясно, что из Эфеса нужно уходить немедленно.

Апостол в Македонии

Все эти события: происки врагов, споры в Коринфе, неудачная поездка туда, буйство толпы в Эфесе — вконец измотали Павла. Печальный, он расстался с учениками и пешком отправился вдоль побережья на север в Троаду, надеясь, что Тит уже в городе.

Император Диоклетиан.
III в.

Но его ждало разочарование. Верного помощника в Троаде не оказалось. Это еще больше расстроило Павла, нуждавшегося в дружеском слове. «Плоть наша, — писал он потом об этих днях, — не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне — нападения, внутри — страхи» (2 Кор 7:5). Он даже не нашел в себе сил для проповеди и общения с братьями Троады, ради чего собственно и прибыл в город, а, торопливо простившись с ними, отплыл на корабле в Македонию.

Морской переход, дорога среди гор и лесов, — и наконец он снова в милых сердцу Филиппах. Здесь, в тихом городке, он нашел людей, всегда понимавших и любивших его, а главное — тут были Тимофей, Эраст (быть может, Лука) и Тит, подоспевший из Коринфа с радостной новостью. Письмо, написанное *в слезах*, пробудило совесть братьев. Они просили прощения и выражали надежду, что еще раз увидят у себя апостола.

Обрадованный Павел готов был забыть все, однако отложил поездку до осени. Ему хотелось, чтобы коринфяне глубже ощутили свою вину, да и сам он еще не вполне успокоился.

Лето апостол провел в странствиях по Македонии и проповедовал даже в соседней Илли-

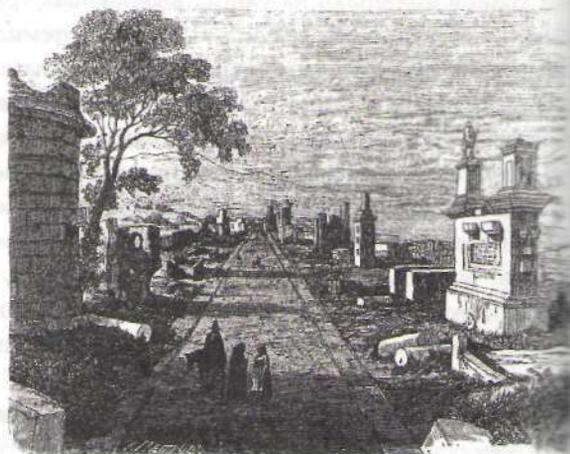
рийской земле (нынешней Албании). Однако мысли его постоянно были заняты Коринфом. Тем же летом он написал туда послание, которое Тит охотно взялся отвезти (в Новом Завете это Второе послание к коринфянам). Он был очень расположен к коринфским братьям и всеми силами стремился послужить их примирению с учителем.

Послание явилось не только апологией апостола, но также и разъяснением миссии благовестника. В нем Тарсянин как никогда подробно описывает свои злоключения, трудности и опасности, которые постоянно сопровождали его. Сколько раз он был на волосок от гибели! И тем более грустно ему видеть неблагодарность своих чад. Он медлит идти к ним, только «щадя» их.

Нигде с такой глубиной не открывается таинство священства, как в этом послании. С одной стороны, немощный страдающий человек, а с другой — власть Духа Божия, которая делает посланца соратником Христа Спасителя. Оправдание и примирение совершаются через пастыря душ как через орудие Господне. Именно сейчас в апостольской проповеди осуществляется высшее предназначение: «Вот теперь время благоприятное, вот день спасения». Сам Христос повелевает Павлу стать выше буквы и учить о свободе детей Божиих.

Апостол в который раз возвращается к дням своего призвания, вспоминает о видениях, которые

Аппиева дорога в Риме

Император Нерон.

сать словами, о помощи свыше, которая зенно в момент болезни или неудач. **гмошен**, то я силен», — говорит он. И МЮКС, а реальность его жизни, знал свою особенность: в личном об- «ягче, чем когда пишет. Поэтому он не з предыдущем письме был так резок, печалил вас посланием, не жалею, хотя было; ибо вижу, что послание то опе- зпрочем на время. Теперь я радуюсь что вы опечалились, но что вы опеча- окаянию» (2 Кор 7:9). Достаточно и это — четвертое по счету пись- Е тде в нем преобладает надежда на зды его суровости. А Тит, со своей •крепил его в мысли, что пришло нако- гоувать у коринфян лично. -вступала зима и корабли не ходили, же решил больше не откладывать аае. Поэтому он отправился пешком, как) .-13. минуя Афины.

Письма и время сделали свое дело. Прими- рение было полным.

Три месяца прожил апостол в Коринфе. Когда же приблизилась весна 58 г., он смог, не торопясь, подвести итоги. Пройдены эгейские берега, и не один раз, собраны пожертвования. Пришла пора, посетив Иерусалим, начать проповедь в западных областях империи. Разумеется, нельзя было ми- новать Рим, который Павел давно хотел посе- тить. Однако в Риме уже существовала большая община, основанная другими миссионерами, а Павел предпочитал трудиться там, где люди еще не слышали Благой Вести. Ввиду этого он счел своим долгом написать христианам Рима, чтобы изложить им свое Евангелие.

Гонения

В Послании к коринфянам Павел говорил о бессилии человека, неспособного выполнить За- кон Божий, о спасающей вере в Иисуса Христа, которая дает человеку оправдание перед Богом. «Как мы умерли во Христе, — писал Павел, — так и воскреснем с Ним».

Весной 58 г. апостол двинулся из Коринфа в обратный путь и пришел в Иерусалим. В этом городе у него было слишком много врагов. Когда он находился в Храме, кто-то крикнул: «Этот че- ловек нарушил запрет и ввел язычников в святое место!»

Возбужденная толпа, скорая на расправу, тут же напала на апостола. Услышав шум, начальник гарнизона послал солдат, и они вырвали Павла из рук черни. Для разбирательства инцидента Пав- ла как римского гражданина решено было ото- слать в Кесарию к прокуратору Феликсу. Узнав, что арестованного хотят на пути отбить и умерт- вить, трибун отправил с ним отряд солдат. Про- куратор убедился, что Павел не виновен перед римскими законами, и разрешил ему жить свобод- но, но не выпускал из своей резиденции, надеясь получить за него выкуп от единомышленников. Вскоре сменивший Феликса прокуратор вынес Павлу оправдательный приговор. Однако апостол, втай- не надеясь попасть в Рим, потребовал император- ского суда. По такому требованию любого римс-

кого гражданина обязаны были доставить в столицу на суд цезаря.

Осенью 60 г. Павел, Лука и другие его друзья в сопровождении конвоя отбыли из Кесарии в Италию. Плавание затянулось, и только весной апостолы впервые вступили на итальянскую землю. По Аппиевой дороге Павел пришел в Рим. Целых два года он жил в столице, проповедуя Царство Божие.

В 63 г. Павел был, по-видимому, оправдан и уехал из Рима. Он вновь посетил церкви в Греции и Малой Азии и, наконец, побывал на западной границе империи — в Испании.

Тем временем Римскую церковь постигло большое испытание. Летом 64 г. в столице вспыхнул страшный пожар, из четырнадцати районов города уцелело только четыре, тысячи людей погибли или лишились крова. Народная молва обвинила в поджоге цезаря Нерона; его жестокость и сумасбродство были известны всем. Говорили, что он хотел сжечь Рим, чтобы на пепелище построить новый город Неронополь. Устрашившись, император стал искать способ успокоить ярость римлян. Зная, что в городе есть сектанты, именуемые христианами, он объявил их виновни-

ками бедствия. Начались массовые аресты и пытки верующих.

Незадолго до этого в Рим прибыл апостол Петр. Опасаясь за его жизнь, христиане умолили его бежать из города. Но, как рассказывает предание, на Аппиевой дороге он увидел Самого Христа и на вопрос апостола: «Куда Ты идешь, Господи?» Христос ответил: «Иду в Рим, чтобы Меня распяли во второй раз». Петр вернулся и вскоре был схвачен. Казни христиан Нерон превратил в кровавое развлечение для народа. Осужденных бросали на арену цирка на растерзание зверям, сжигали и распинали.

Исполнилось пророчество Христа: пастырь Церкви — Симон Петр — был связан и отведен на место казни, где был распят вниз головой.

За два года до смерти Петра фанатики убили Иакова, брата Господня. Один за другим уходили из жизни очевидцы евангельских событий. Но именно в это время земная жизнь Иисуса была описана учеником Петра и Павла — Марком. Он собрал в своем Евангелии рассказы Петра и предания Иерусалимской церкви.

Люди на Востоке умеют хранить устную традицию в течение долгого времени, поэтому слова

Прибытие Павла в Рим.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Распятие Петра.
Микеланджело.

Фреска. 1542–1550 гг. Фрагмент

Жизнь и события Его жизни были донесены первым поколением христиан в их первоначальной чистоте. Вслед за Евангелием Марка появились и другие Евангелия. Этим маленьким книжкам предстояло покорить народ и разнести по всему миру Благою Весть о Спасителе.

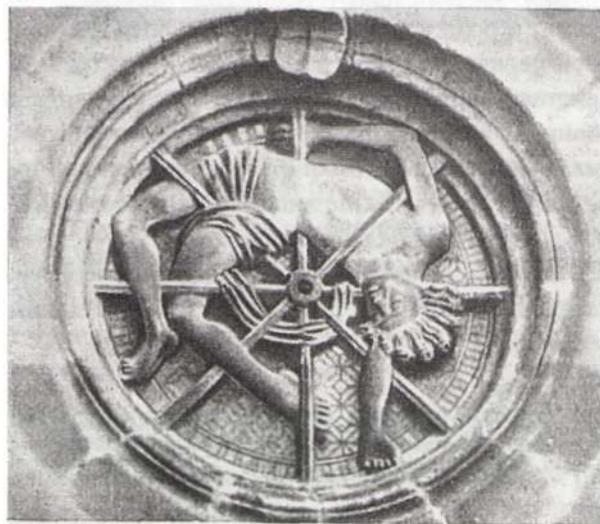
В 66 г. Иудея восстала против Рима. Началась ее четырехлетняя борьба с могущественной империей. По-видимому, в это самое время апостол Павел снова приехал в Рим. В связи с войной к иудеям и христианам стали относиться с презрением. Вскоре апостола арестовали и отбросили в ту же тюрьму, где незадолго до этого находился Петр. Поскольку Павел имел римское гражданство, над ним велось следствие. Нам неизвестно, в чем его обвиняли, но Павел знал, что

дни его сочтены. Всеми покинутый, он ждал смерти. Римская церковь была разгромлена. Никто не выступил в его защиту. Только врач Лука оставался с ним до конца. Однако апостол не пал духом. «Я знаю, в Кого уверовал, — писал он в Эфес Тимофею. — Я уже становлюсь жертвой... Подвигом добрым я подвизался... Веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды...».

За воротами Рима апостол язычников, благовестник любви и свободы, взшел на эшафот. Но преградить путь благовестию было уже невозможно.

Гонения при Нероне были первым серьезным столкновением римской власти с христианами. Впоследствии преследования христиан то переходили в настоящие массовые репрессии, то угасали. К примеру, в начале II в. император Траян рекомендовал не разыскивать последователей нового учения специально, но непременно наказывать их, если они попадают. Языческая власть боролась с христианством, карая преимущественно не рядовых верующих, а руководителей церквей. Одним из мучеников стал епископ Антиохийской церкви Игнатий (ок. 35 — ок. 107 гг.), за которым закрепилось прозвище *Богослова*¹. Сохранилось несколько его посланий к

Казнь св. Георгия.
Рельеф. XIII в.

Петр Александрийский.
Фреска. Новгород. 1199 г.

церквам различных городов: Игнатий написал их во время этапа, когда его под конвоем везли в Рим. Он писал о единстве Церкви, распространившейся к тому времени по всему Средиземноморью; о центре христианской жизни — Евхаристии, связывающей всех верующих невидимыми узлами; о роли епископа как предстоятеля поместной церкви. На пути в Рим Игнатия встречали христиане, которых пытались устрашить зрелищем казни их лидера. Они хотели освободить Игнатия, подкупив солдат или отбив его у них, но Игнатий удержал их: «Не лишайте меня возможности разделить страдания с Христом».

В Риме Игнатий был осужден на смертную казнь. Его бросили в цирк на растерзание диким зверям.

¹ Согласно преданию, св. Игнатий был в числе детей, окружавших Христа, Который благословил его, взяв на руки.

Слово Божие росло и распространялось

Казалось, такая расправа над христианами должна была сломить их дух. Но события развивались совершенно иначе: число христиан увеличивалось, общины возникали во многих городах империи. Среди деятелей Церкви наряду с простыми людьми были и высокообразованные представители античной культуры. Таким был Иустин Философ (ок. 100 — ок. 165 гг.), происходивший из богатой сирийской семьи и получивший хорошее эллинское образование. Освоив греческую философию, Иустин продолжал искать Истину и обрел ее, обратившись к чтению Ветхого Завета и Евангелий. Но, став христианином, он всерьез

Григорий Чудотворец,
епископ Неокесарийский.
Икона. XII в.

испытывая над тем, как отнестись к той могучей цивилизации, которая шумела вокруг, — к Риму с его наукой, техникой, политической системой, правом, философией, искусством. Проблема соотношения христианства и античной культуры волновала тогда многих христиан и решалась по-разному. Многие, подобно выдающемуся церковному писателю Тертуллиану (ок. 160 — ок. 220 г.), полностью отрицали языческое наследие. Напротив, Иустин видел в древней культуре Греции и Рима предвозвещение Евангелия, находил в ней много важного и ценного. Он не считал возможным отбрасывать без оглядки все, что было прежде создано человеком. Однако такое отношение не мешало Иустину вести полемику с языческими философами. В конце концов один из его оппонентов нашел легкий способ утвердиться в споре: он попросту донес на Иустина императора, и Иустин был арестован. Правивший тогда Марк Аврелий, хотя и был человеком выдающихся нравственных качеств, тем не менее считал христиан темной сектой и поэтому санкционировал их преследование.

Иустина вызывают в суд. Диалог между ним и судьей лаконичен:

- Какую философию ты преподаешь?
- Я преподаю новую философию — философию Христа.
- Это запрещенное учение. Одумайся, или тебе будет наказан.
- Мне обдумывать нечего. Выполняй свой долг.

Судья выносит приговор. Вместе с Иустиним за смерть пошли и его ученики.

Не погасить репрессиями искру новой философии уже невозможно. В Церковь приходит все большее число образованных людей. В конце II в. в Александрии, в одном из крупнейших городов империи, где в тесном соседстве жили египтяне (копты), евреи и греки, создаются школы подготовки кандидатов, предназначенные для подготовки новообращенных к крещению. Первым катехизатором был Пантен, впоследствии отправившийся миссионером в Индию. Его преемником был Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215 г.), получивший блестящее языческое образование в

Евангелист Иоанн.

Мозаика церкви Сан Клементе. Рим

Афинах и воспитанный на античной философии. Подобно Иустину, Климент пишет о синтезе Откровения и античной культуры, о соотношении веры и знания, о гармонии сердца и разума. Он напоминает христианам, что разум дан человеку Богом и только трусливые души могут бояться познания.

Постепенно в Александрийской церкви складывается богословская традиция, во многом определившая дальнейшее развитие христианской

мысли на Востоке и на Западе. Среди значительных ее представителей — Ориген (ок. 185 — ок. 254 гг.), ученик Климента. Когда Ориген начал преподавать в катехизаторской школе, он не имел еще духовного сана, однако на его беседы собирались толпы народа. В своих многочисленных богословских трудах Ориген проявил себя свободным мыслителем: догматы веры, по его представлению, давали ему возможность и право искать самые различные истолкования. Не случайно впоследствии не все в наследии Оригена было принято Церковью. Тем не менее во все века христианские богословы различных направлений обращались к нему как к одному из авторитетнейших авторов. Ориген первым в истории Церкви составил подробное изложение христианского вероучения. Помимо этого он положил основание изучению Священного Писания, разработав методики толкования Библии. Понимая многослойность ее текста, он предполагал и многоплановость интерпретации.

Увеличение численности христиан во всех провинциях Римской империи, сопровождавшееся возрастающей способностью новой религии противостоять господствовавшей идеологии, не могло оставить равнодушными тех, в чьих руках была сосредоточена государственная власть. Поэтому римские императоры периодически ужесточали преследования христиан, стремясь уничтожить Церковь или по меньшей мере приостановить ее рост. Первоначально гонения имели более или менее локальный характер. Это были эпизодические массовые репрессии в тех провинциях, где деятельность христиан вступала в явное противоречие с политикой властей, как, например, в Лионе в 177 г.

Попытка поголовного истребления христиан в масштабах всей страны была впервые предпринята в 249 г. императором Децием, который затеял проверку всех граждан на лояльность: каждый должен был публично принести языческое жертвоприношение — бросить крупицу ладана в курильницу перед статуей божества. Для христи-

анина совершение такого обряда было невыносимо: любое поклонение иному божеству означало измену Христу. Результатом стали массовые казни христиан. Наступило время сурового испытания веры. Многие приняли тогда мученическую кончину, кто-то отрекался, иные же скрывались, стремясь не только сохранить собственную жизнь, но и спасти Церковь от полного уничтожения. Однако гонения не только не сломили христиан, но даже не разрушили их единства.

Известно, например, что вынужденно оказавшийся на чужбине карфагенский епископ Киприан, известный церковный писатель, продолжал руководить Карфагенской церковью, существовавшей в условиях полной конспирации. Через два года, когда волна репрессий начала спадать, Киприан вернулся в Карфаген, где в 258 г. принял мученический венец: он был казнен во время очередного гонения при императоре Валериане, который после безрезультатного запрета на массовые собрания христиан приказал уничтожить все духовенство, а также знатных мирян. Приказ императора не был исполнен до конца, хотя многим церковным деятелям стоил жизни.

Короткий период относительного затишья был прерван в 303 г. эдиктом императора Диоклетиана, решившего, что сохранить разваливающуюся империю можно путем подавления инакомыслия. Эдикт предписывал повсеместное разрушение христианских храмов и сожжение рукописей Священного Писания. В 304 г. новым эдиктом император потребовал физического уничтожения всех христиан. Начались массовые казни, иногда оборачивавшиеся истреблением целых городов. Однако умирающее языческое государство не в силах было потопить в крови живую веру. Энтузиазм мучеников лишь способствовал популярности христианства.

С отречением Диоклетиана от престола в 305 г. репрессии ослабевают. Вскоре наступает перелом в истории Церкви. Во главе Римского государства становится Константин, в прошлом соправитель Диоклетиана.

II. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

ПЕРВАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Константин Великий (ок. 274—337)

В 313 г. в Милане был опубликован «эдикт», свидетельствующий об изменении религиозной политики Рима. В этом документе, подписанном

правителями империи Константином и Цезарем (ок. 265—337 г.), говорилось о признании христианства наряду с другими религиями. Христиане получили право свободно исповедовать свою веру, а конфискации у них во время прежних гонений имущество возвращалось или возмещалась его стоимость. Государство предоставляло Церкви материальную помощь. В дальнейшем, одержав победу над Лицинием в борьбе за трон и став в 324 г. единодержавным правителем Рима, Константин последовательно проводил христианскую политику. В условиях конкуренции религий имперские Церкви

значительно окрепло, и, хотя количество христиан в империи не превышало еще и десятой части населения, они стали играть в ее жизни не последнюю роль. До сих пор ведутся споры о том, был ли император Константин верующим человеком или же его благожелательное отношение к Церкви определялось политическими соображениями. Покровительствуя христианам, император проявлял терпимость и к язычникам: так, в 324 г. он выпустил монеты с чеканкой по языческим мотивам. Крестился Константин незадолго до смерти в 337 г., сохранив при этом титул Великого Понтифика — верховного языческого жреца империи. Вместе с тем как римский император он понимал, что ему нужна государственная религия,

Император Константин.
Константинополь.
Фреска. X в.

До сих пор ведутся споры о том, был ли император Константин верующим человеком или же его благожелательное отношение к Церкви определялось политическими соображениями. Покровительствуя христианам, император проявлял терпимость и к язычникам: так, в 324 г. он выпустил монеты с чеканкой по языческим мотивам. Крестился Константин незадолго до смерти в 337 г., сохранив при этом титул Великого Понтифика — верховного языческого жреца империи. Вместе с тем как римский император он понимал, что ему нужна государственная религия,

которая может стать объединяющей силой империи. Такой религией он хотел сделать христианство.

Император щедро одаривал духовенство, освобождал его от повинностей, восстанавливал разрушенные храмы и строил новые. Это вызывало у христиан восхищение. Император, покровительствующий Церкви, — чего еще можно желать? Историк Евсевий, современник и первый биограф Константина, говорит об этом времени, как о самых счастливых днях, до которых дожила Церковь. Однако христиане порой не замечали, что при внешнем благополучии в Церкви идет процесс разрушения подлинно христианского сознания и нравственности.

Быстрая христианизация римского общества часто носила формальный характер. Многие крестились в угоду императору, под влиянием моды

Император Константин.

Рим.

Скульптура. V в.

или просто из корыстных побуждений, когда, по словам русского философа А.Хомякова (1804—1860), «христиан-мучеников заменили христиане-льстецы». Духовенство почувствовало себя на положении жрецов, стало стремиться к почестям, богатству, власти. Деньги из императорской казны широким потоком текли в церковную кассу, и это еще больше разжигало алчность духовенства. Христианская жизнь, которая ранее столь резко отличалась от языческой, стала постепенно сама походить на языческую. Любители кровавых зрелищ, цирка и после перехода в христианство не оставляли своих привычек.

В 330 г. император Константин на месте Византии основал новую столицу. Константинополь быстро стал центром религиозно-политической жизни Востока, а с захватом Рима в V в. германскими племенами — и единственным оплотом греко-римской культуры. Древний и преиспещенный Рим все более хирел и развращался. Перенос столицы на восток только усилил этот процесс. На фоне нравственного разложения империи быстро росло число приверженцев христианства и усиливался авторитет Церкви. Используя эти обстоятельства в своих целях, сыновья Константина стали еще больше благоприятствовать Церкви, запретив посещение языческих храмов и принесение жертв. Одновременно император стал считать себя вправе свободно вмешиваться во внутрицерковную жизнь, направляя ее в выгодное для себя русло. Над христианством нависла угроза порабощения государством. Так начала создаваться государственная церковь, которая впоследствии стала инструментом политической власти и использовалась властителями, в частности, для организации гонений на инакомыслящих.

В 361 г. на императорский трон взошел император Юлиан, прозванный «Отступником». Человек образованный, но склонный скорее к неоплатонизму, чем к христианству, Юлиан лишил христианскую Церковь привилегий и восстановил свободу всех религий, в том числе и языческих культов. Но правление его продолжалось всего три года, да и ход истории уже был необратим. Последующие императоры восстановили

полнометрии Церкви, а император Феодосий I в 451 г. окончательно придал христианству статус государственной религии. Константинопольским указом 392 г. язычество было запрещено.

Таким образом, с первых же веков путь христианской Церкви имел как положительные, так и отрицательные черты, которым суждено было развиваться в последующие века. И все же самому духу христианства были чужды отрицательные тенденции, коренящиеся в греховной природе человека. Истина Христова, положенная в основу Церкви, помогала ей преодолевать опасности и соблазны на ее пути. В итоге даже процесс обмирщения Церкви, приведший ко многим печальным последствиям, вместе с тем служил главной целью христианского благовестия — освящению мира именем Христовым. Впервые языческое государство и общество были подчинены канонату единой и всеобъемлющей Истины, которая медленно, но неуклонно занимала свое место в мире. И хотя грешный человек порой воспринимал Истину только внешне, а внутренне христианство сопротивлялся ей и искажал ее, мир обрел возможность преобразиться. «Христианство... — писал русский философ Вл. Соловьев, — не было и не могло быть для людей готовым законченным порядком вещей, к которому им оставалось присоединиться... Христианство поставило перед человеком его абсолютный идеал, дало ему значительную задачу для его собственной жизни». В этом и состоял главный итог эпохи Константина.

Символ веры

Новая эпоха, наступившая с объявлением христианства государственной религией, поставила перед Церковью и новые проблемы. Ведь с самого начала существования христианство представляли различные течения, часто не во всем согласные, а порой и конфликтующие. Но если во времена становления эти течения объединялись, чтобы выстоять в трудной борьбе с общим врагом, то теперь объединяющее начало исчезло. Поэтому Церкви пришлось сконцентрировать свое внимание не столько на вопросах нравственных (в морализме и аскетизме соперничали почти все христианские

течения), сколько на вопросах собственно христианского вероучения как стройной философской системы; христианство вышло за тесные рамки кружков и школ, и богословие стало достоянием широких масс. При этом не только язык эллинской философии стал языком христианского богословия, но и сам эллинский дух с присущим ему полемическим задором и неодолимой тягой к систематизации нашел себя в христианстве. Подобно тому как в Греции на площадях происходили оживленные споры и столкновения различных партий, так и новая христианская догматика стала предметом ожесточенной борьбы. Словопрения и идейные схватки между представителями различных христианских течений разгорались вокруг вопросов воплощения, триединства, искупления, тайны Церкви и других основополагающих понятий христианства.

Перед Церковью встал вопрос: какое из течений христианства действительно представляет неискаженную Истину Христову? Где истинное православие, а где ересь?¹

Ответы на эти вопросы и составляли главное содержание последующей эпохи церковной истории — эпохи Вселенских Соборов (IV—VIII вв.). В борьбе с различными отклонениями от христианской истины Церковь разрабатывала понятийный аппарат христианского богословия, с помощью которого излагала и уточняла положения христианского вероучения. Эти положения суммировались и закреплялись в кратких формулах или символах веры.

Первым и серьезнейшим испытанием для внутрицерковной жизни явилась арианская смута, буквально потрясшая христианский мир.

¹ Православие (греч. *ортодоксия*) — правильное учение Церкви; ересь (особое вероучение) — отклонение от правильного учения Церкви. Поскольку всякая ересь прежде всего объявляет себя истинной верой, вопрос о ересь в истории Церкви всегда решался Соборами, а не отдельными богословами. При этом следует помнить, что под *православием* здесь подразумевается не нынешнее вероисповедание Восточной Церкви, отличное от католического, а общее вероучение Церкви эпохи Вселенских Соборов. В этом смысле вероучение древней Западной Церкви вполне можно называть *православным*.

Арианский баптистерий.
Равенна.
Начало VI в.

Арианство и первые Вселенские Соборы

В 318 г. Александр, епископ Александрийский, прочел местным пресвитерам проповедь о тайне Святой Троицы. Ему стал возражать ученый-аскет и известный проповедник пресвитер Арий. Стремясь подчеркнуть абсолютное единство Бога, Арий учил, что Сын был не предвечен, а сотворен Отцом, из чего следовало, что Сын Божий отличен от Отца и не обладает полнотой Божественности. Подходы Ария к решению христологических вопросов¹ коренились в греческой философии и носили сугубо рационалистический характер. Подобные взгляды решительно противоречили складывавшемуся учению Церкви, которое отстаивали богословы Рима и Александрии.

Талантливый проповедник и поэт, Арий стал страстно пропагандировать свои идеи. Между его сторонниками и противниками разгорелась напряженная борьба. Дело доходило до уличных столкновений. Волнение охватило всю Церковь, в связи с чем появилась необходимость общецерковного решения возникших проблем.

Летом 325 г. император Константин за государственный счет созвал в городе Никее всеимперский съезд представителей Церкви. Съезд этот и вошел в историю как Первый Вселенский Собор.

На Соборе впервые сошлись воедино императорская и епископская власти. Ученый и историк Евсевий Кесарийский и испанский епископ Осий возглавляли Собор вместе с императором. Среди присутствовавших были свидетели прежних времен, пострадавшие от гонений исповедники веры, суровые отшельники и осторожные придворные богословы. На Собор съехались не менее 200–300 епископов, среди них и Арий с группой поддерживавших его епископов во главе с Евсевием Никомидийским. Сторонникам Ария противостояло большое число епископов во главе с Александром и его секретарем Афанасием, молодым талантливым архидиаконом, впоследствии патриархом Александрийским. Наибольшее число участников Собора занимали компромиссную позицию; их возглавлял Евсевий Кесарийский.

Афанасий показал себя самым решительным противником взглядов Ария. Прежде всего он отверг положение о рациональной познаваемости Бога, заложенное в арианстве. Не уступая Арию в образованности и умении аргументировать свои выводы текстами из Священного Писания, Афанасий обрушивался на своих оппонентов, которые, по его словам, «хотят достичь невозможного, предаваясь пытливости и желая исследовать глубины Божии, которых никто не знает, кроме унижаемого ими Духа Божьего». Но из этого не следует, утверждал Афанасий, что Бог совершенно скрыл свое лицо. Оно открыто для истинного разума, который воспринимает Откровение. Основное же внимание Афанасий уделил христологическому вопросу: опровергая заблуждения Ария, он утверждал равенство, предвечность и единосущность Христа с Отцом.

Второй Вселенский Собор.
Дионисий.
Фреска. 1500 г.

В результате многочисленных дискуссий на соборе был выработан Символ веры. В нем говорилось о Боге-Вседержителе — Творце вселенной, о Сыне Божием, воплотившемся в Иисусе Христе.

Церковная истина нашла здесь свое полное выражение. Христос был признан *Единосушным* Отцу и одновременно Человеком, жившим в определенный период истории (поэтому в Символе веры и вошло имя иудейского прокуратора Пилата). В тексте Символа веры была зафиксирована, хотя и кратко, вера в Святого Духа.

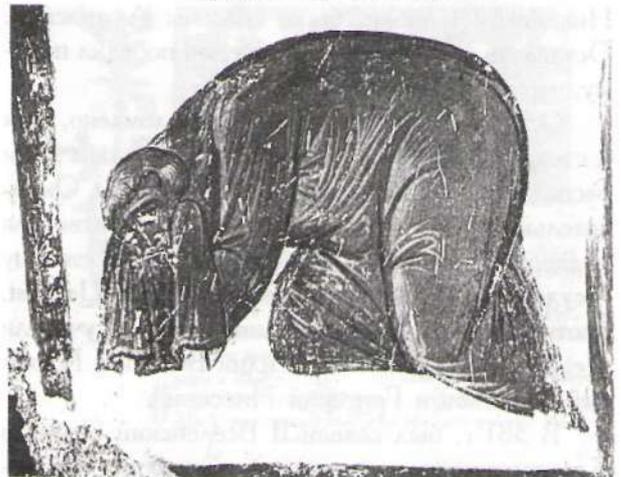
Наиболее решительное сражение произошло с введением в текст Символа слова *единосущный*. Для Ария, а также Евсевия Никомидийского и других представителей партии ариан соглашались с этим было бы равносильно признанию Христа равным по сущности Богу. Этого они

сделать не могли. Участники Собора стали обсуждать возможность замены нового понятия.

Евсевий Кесарийский и его сторонники предложили заменить слово *единосущный* на *подобосущный*, но Осий и Александр при поддержке Афанасия были непоколебимы. Они понимали, что на них ложится ответственность за сохранение истинного христианского учения. И они победили. Истина как будто восторжествовала, но император Константин совершил трагическую ошибку, в очередной раз подменив суд Церкви судом императорским. Увидев, что большинство членов Собора склонилось на сторону нового Символа, Константин отправил в ссылку непокорных арианских вождей. Собор был закрыт. Но оказалось, что это только начало борьбы.

Через некоторое время арианство стало опять набирать силу и вскоре почти повсеместно одержало победу. Успеху арианства содействовало ближайшее окружение Константина. Сыграли свою роль и интриги арианского духовенства, и ошибки православных. В течение почти полувека ортодоксия была гонима государством и ее защитников можно было пересчитать по пальцам. Огромную роль в отстаивании христианской истины сыграл Афанасий, избранный предстоятелем Александрийской кафедры. Опираясь на авторитет своего сана, он занялся активной

Арий.
Мануил Евгеник.
Фреска. 1384–1396 гг.

Василий Великий.
Киев.
Мозаика. 1043–1046 гг.

проповеднической и литературной деятельностью, за которую ему пришлось немало пострадать в период господства ариан.

Собственно, принципы, провозглашенные на Никейском Соборе, были спасены Афанасием. Оставаясь почти в одиночестве, он победил потому, что отстаивал Истину.

Однако арианство еще не было сломлено, хотя и стояло на пороге своей гибели, с каждым днем распадаясь на бесконечные группы и секты. Окончательному угасанию арианства препятствовала поддержка его правящей династией. По-прежнему государство активно вмешивалось в дела Церкви, против чего вели борьбу великие Отцы и учителя Церкви, прежде всего Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский.

В 381 г. был созван II Вселенский Собор в Константинополе, на котором император Феодо-

сий I утвердил Никейский Символ веры. Там же, на Константинопольском Соборе, Никейский Символ был дополнен определением о Святом Духе. Таким образом, православное понимание веры в единую и нераздельную Троицу было окончательно сформулировано. Кроме того, в Символе веры нашло отражение православное понимание Церкви, веры христиан в спасительную силу крещения и спасение через искупительную смерть Христа. Этот Символ веры, получивший название Никео-Константинопольского, был утвержден на Халкидонском Соборе в 451 г. и с тех пор является официальным Символом веры нынешней православной Церкви (а также в слегка измененном виде — католической Церкви). И сегодня он читается верующими на каждой литургии — основной церковной службе.

В переводе на русский язык Никео-Константинопольский Символ веры звучит следующим образом:

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного с Отцом, Им же все было сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося. Распятого же за нас при Понтии Пилате и страдавшего и погребенного. И воскресшего в третий день по Писанию. И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца. И снова грядущего со славою судить живых и мертвых, Его же царству не будет конца. И в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца исходящего; Ему с Отцом и Сыном воздаем поклонение и славу. Он же вещал через пророков. И в единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение и оставление грехов. Ожидаю воскресения мертвых. И жизни будущего века. Аминь».

¹ Христологические вопросы связаны с личностью Иисуса Христа и соотношением в Нем Божественной и человеческой природ.

Василий Великий.
Мозаика. XI в.

Василий Великий (ок. 330—379)

Культурный мир раннего Средневековья представлял собой, если воспользоваться образами пророка Исаяи, «волнующееся море, которое не может успокоиться и воды которого выбрасывают грязь и ил». На фоне хаотической жизни, где христиане смешались с сектантами, а государи диктовали вероучительные формулы, где по поводу метафизических тонкостей на базарных площадях шли настоящие бои, а язычники всеми силами старались взять реванш, выделяется величественная фигура Василия, епископа Кесарийского, названного Церковью Великим.

Его судьба как продолжателя дела Афанасия Александрийского была тесно связана с судьбой друга юности Григория, который впоследствии занял патриаршую кафедру Византии. Вместе штудировали они эллинскую премудрость в Афинах, где с ними учился и будущий император Юлиан, вместе проходили школу отшельнической жизни в гористых лесах Понта.

Но уже тогда стала проявляться разница в характерах и устремлениях. Василий был энергичной деятельной натурой. Глубокий государственный ум, благородный облик и блестящее красноречие позволили ему не только долгое время продержаться на кафедре одного из крупнейших центров Востока, столицы Каппадокии, но и активно отстаивать православие от многочисленных

языческих и еретических соблазнов. Когда язычник Юлиан стал императором, Василий, бывший тогда еще пресвитером, оказывал ему вместе с отцом Григория открытое противодействие. Чтобы заручиться поддержкой христиан, Василий обещал поселения монахов в Египте и Сирии. Результаты поездки оказались весьма успешными: строгая аскетическая жизнь самого Василия производила впечатление даже на монахов. При всей своей кипучей энергии он высоко ценил плоды монашеской жизни, недаром значительную часть своего времени он посвящал разработке правил монастырского общежития, в которых гармонично сочетались созерцательная, молитвенная жизнь с совместным трудом, благотворительностью и воспитательной деятельностью.

Когда Василий стал архиепископом Кесарийским, христианский мир был буквально раздираем спорами и интригами. Соборы и богословские съезды следовали один за другим. На соборах многочисленные противоборствующие стороны осуждали, проклинали друг друга, спорили, зачас-

Кончина Василия Великого.
Миниатюра. XII в.

тую забывая даже о предмете спора. Национальная, политическая, культурная, религиозная и догматическая рознь превращала христиан в «овец без пастыря». Неудивительно, что в этих условиях не просто было отстоять в борьбе со сторонниками Ария единственно верный путь для Церкви.

Василий был воспитан в твердых никейских традициях и с самого начала своего епископства повел литературную борьбу с арианством. В своем учении о Троице он твердо отстаивал православную традицию, хотя порой, пытаясь примирить различные течения в самом православии, проявлял непоследовательность. Главная заслуга Василия Великого состоит в том, что он окончательно определил богословскую терминологию, принятую Церковью.

Правивший в это время император Валент (328–364), покровительствуя арианству, начал административно насаждать его на Востоке, особенно среди варваров. Встретив сопротивление Василия в Малой Азии, он решил арестовать кесарийского архиепископа. Но восставший народ освободил Василия, и Валент не решился подписать приговор о его изгнании.

Между тем Василий, чтобы показать свою полную независимость от императора, выстроил в окрестностях города госпитали и училища, которые разрослись в большое поселение, названное *Василиадой*. Архиепископ обращался к народу с пламенными речами, поддерживал православие во всех его центрах, поощрял молодых христиан. Вдохновенное служение литургии принесло Василию широкую известность. Стоя перед престолом, он весь отдавался молитве. Именно Василий Кесарийский одним из первых установил строгую последовательность литургических священнодействий.

Религиозный гений епископа Кесарии не уступал широте его ума, но настоящей его стихией была борьба с лжеучителями, а также административно-церковная деятельность. Чтобы укрепить свою епархию в сложных условиях борьбы с арианами, он рукополагал в епископы ближайших сподвижников. Так, когда потребовалось заместить вновь учрежденную епископскую кафедру

в местечке Сасимы, выбор Василия пал на друга юности Григория.

Григорий Богослов (330–389)

Григорий Назианзин, более известный в истории Церкви под именем Григория Богослова, родился в семье епископа из каппадокийского города Назианза. По характеру Григорий был человеком, диаметрально противоположным Василию Кесарийскому. Если великий кесариец любил пустыню лишь как место молитвенного отдохновения, то Григорий в уединенном созерцательном монашестве видел идеальный для себя образ жизни. Разностороннее образование и блестящий поэтический дар ставили его вровень с талантливейшими писателями того времени. Тонкий психолог, он обладал способностью улавливать и анализировать самые глубокие душевные переживания своих современников.

Григорий Богослов.

Фреска. XIV в.

Григорий Назианзин

Поэзия Григория переносит нас с шумных улиц Византии и Александрии в совершенно иной мир — мир тишины и умиротворения. Высшую радость и обретение сердечного покоя он находит только во Христе, в молитве и монашеском подвиге. Григорий страстно любил природу, и она часто была для него источником поэтического вдохновения и философских размышлений. В атмосфере ожесточенной политической и религиозной полемики, которой заполнены страницы книг того времени, тихий свет поэзии Григория Назианзина подобен дуновению свежего ветра.

Однако Григорий вовсе не стремился скрыться от мира, отгородиться от волнующих его современников проблем в монашеской келье. Даже в уединении горькие думы о судьбах Церкви не оставляли его.

Водоворот событий втянул Григория в поток церковно-политической жизни, что было для него непростым испытанием. «Лучше мне было бы бежать к диким зверям!» — в отчаянье писал он. Кроткий молитвенник вынужден был выйти на поле боя. В самые тяжелые минуты Григорий обращал свой взор ко Христу, у Которого находил поддержку и утешение.

Сочинения Григория делятся на три группы: собрание стихотворений, письма и богословские произведения. Особенно важными для Церкви стали «Пять слов о богословии», названные так самим автором и давшие ему имя Богослова. В них Григорий защищал православное учение о Троице, выступая против ариан и других еретиков.

Сцена пахоты.

Миниатюра из рукописи «Слов» Григория Богослова. XI в.

По существу, учение о Троице Григория тождественно учению Василия Великого, но отличается большей последовательностью. Помимо тричного богословия, Григорий внес значительный вклад в христологию. В своих построениях он считал возможным постичь Божественное только через Откровение: будучи тонким знатоком античной философии, он допускал крайне ограниченное использование логически-рациональных методов познания. В целом отношение его к философии было критическим; Григорий сокрушался, что эллинистическая мысль глубоко проникает в христианство.

В 379 г. Григорий был поставлен патриархом Константинополя. Но положение его было непрочным. Распри и интриги, захлестнувшие восточное христианство, усугублялись растущей подозрительностью к Западу. Поскольку Григорий продолжал дело Василия Великого и искал примирения с Западом, он пришелся не ко двору. После Собора 381 г., созванного императором Феодосием I, он был вынужден покинуть столичную кафедру и умер в 389 г. вблизи Назианза.

ХРИСТИАНСТВО И МИР

«Берегитесь закваски фарисейской» — как показывает дальнейший путь Церкви, это предостережение Христа стало пророческим.

Христианство, которое входило в мир, но не стремилось преобразить его, стало рабом общества, рабом мира. Сам же мир на рубеже Средневековья испытывал глубочайший кризис и упадок. Наряду с зарождением феодальных отношений, давших толчок развитию материальной цивилизации, оживлению экономической жизни, бурному росту городов, культура роковым образом угасала. Язычество изжило себя: его представления о мире выродились в крайние формы скептицизма и в дикие суеверия. Церковь, казалось, была призвана спасти культуру, но компромисс, который она заключила со старым миром, определил ей иную судьбу. Процесс разложения не миновал и Церковь: священнослужители в своей деятельности руководствовались исключительно

Троица Ветхозаветная.
Тихон Филатов.
Икона. XIV в.

честолюбивыми помыслами, миряне же напоминали скорее толпу фанатиков, чем членов Церкви Христовой. Те же, кто свято оберегал в душе огонь Истины, были зачастую бессильны остановить этот процесс.

Христианству было суждено выстрадать и пережить гордыню князей Церкви, горькое унижение и бессилие перед лицом мировой истории. Такая судьба постигла Церковь как жестокая кара за грех исторического христианства, пропитавшегося языческим духом, но одновременно она стала великим уроком для будущих поколений христиан.

Григорий Назианзин первым увидел пропасть, которая разделяла историческую церковь и подлинную Церковь как Тело Христово. Антагонизм между церковными кафедрами Запада и Востока все более обострялся. Рим был суров, правоверен, но настаивал на своем главенстве. Александрия от благородной и просветленной христианской свободы скатывалась к суеверию и нетерпимости и наряду с Антиохией соперничала

Римом за первенство в христианском мире. Константинополь объявил себя вторым Римом, но вскоре погряз в богословских спорах и церковных интригах. Падение нравов в Византии было ужасно: повсюду царили коррупция и разврат.

Вынужденно покидая II Вселенский Собор в 451 г. и отрекаясь от патриаршества, Григорий Великий предостерегал: «Восток и Запад разделились на две противные стороны, и есть опасность, что они составят разные уделы по своему разумству во мнениях».

Все происходящее, по словам Григория, есть результат смещения Евангельской Вести со старым языческим образом жизни: общество ищет не царей, не созидателей душ, а копителей богатств, не жрецов чистых, а могущественных представителей.

Константинопольский Собор положил начало окончательному духовному разделению Церкви на Восточную и Западную.

Западное христианство

Римской церкви поначалу удавалось активно навязывать христианскую идею среди народов Западной империи, но в итоге папский престол сам наполнился мирским духом.

Папы стремились утвердить свое первенство в христианском мире, основывая свои притязания на предании об основании Римской церкви апос-

толом Петром. Кроме того, немаловажное значение имел и статус Рима как столицы некогда могущественной Римской империи: епископ царственного города должен был обладать и царским достоинством. Именно эти причины лежали в основе притязаний Рима на первенство.

В своей церковной деятельности папы опирались на силу государства, но, постепенно обретая могущество, начинали ставить себя выше светской власти — тем более, что Западная империя была сильно ослаблена.

Ярким выразителем идеи папства в IV в. был папа Дамас. Современник Григория Богослова и Василия Великого, он занимал папский престол с 366 по 384 г. В конкурентах у него недостатка не было: кафедра св. Петра очень рано стала почетным и доходным местом. Один языческий чиновник даже заявлял: «Я перейду в христианство, если меня сделают римским епископом». Об образе жизни некоторых римских первосвященников с возмущением отзывался Григорий Назианзин. Клирики, по его словам, вступали «в соревнование с консулами, губернаторами и знаменитыми полководцами, которые не знают, куда расточить свое богатство и роскошествуют из достояния бедных».

Таким образом, получить папскую тиару Дамасу было нелегко. Не останавливаясь на подробностях его возвышения, упомянем только, что столкновения между его сторонниками и партией его конкурента Урсина завершились настоящим побоищем и штурмом собора, где засел Урсин. На месте побоища, по свидетельству историка Аммиана Марцелина, осталось около 150 трупов.

В итоге Дамас взошел на папский престол, то есть, по словам того же историка, «стал получать доходы, обеспеченные щедростью матрон, выезжать на колеснице, одеваться в пышные одежды и давать банкеты, превосходящие пищею императорский стол».

Могли ли римские христиане спокойно взирать на происходящее? Во время понтификата (пребывания на папском престоле) Дамаса с суровым обличением нравов, царящих в империи, выступили виднейший проповедник Амвросий, епископ Миланский, и знаменитый аскет, писа-

Древняя библиотека

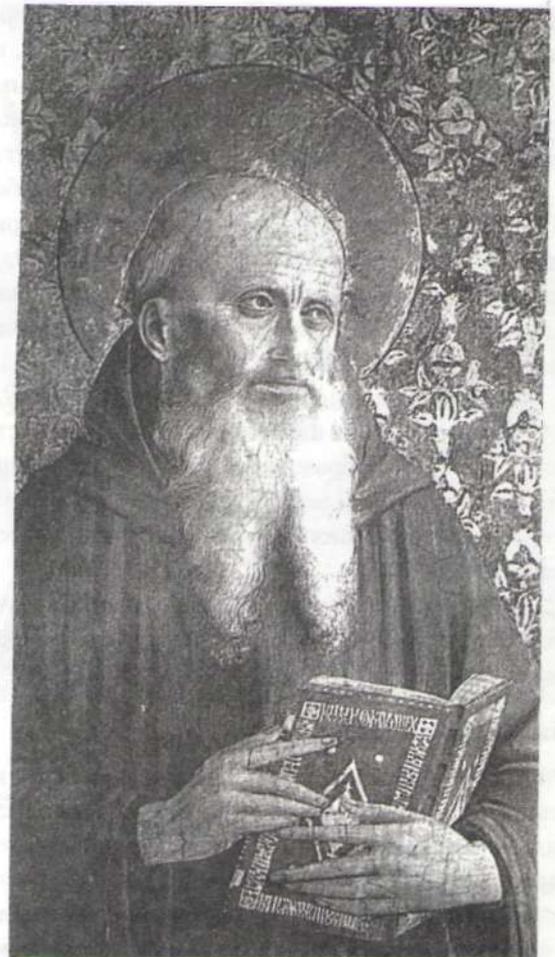
тель и ученый Иероним из Стридона, причисленный Церковью к лику «блаженных».

Амвросий Медиоланский (340–397)

Происходя из знатного римского рода, Амвросий получил прекрасное образование и стал имперским губернатором Миланской области. В 374 г. он по настоянию народа занял место епископа Миланского, проявив себя выдающимся церковным деятелем и бесстрашным проповедником. Амвросий был не только известным богословом, но и прекрасным дипломатом, — он умело отстаивал православные ценности перед властями, часто находившимися под влиянием ариан. В то же время в принципиальных вопросах он бывал бескомпромиссен: так, Амвросий бесстрашно поднимал свой голос против бесчинств императорской власти.

Амвросий был главным борцом против умирающего язычества. Он твердо отстаивал Никейский Символ, написав несколько трактатов в защиту православия. Прекрасный знаток античного наследия, Амвросий в своих проповедях и письменных трудах широко использовал понятия

Св. Амвросий, епископ Милана.
Миниатюра. XII в.

Св. Иероним.
Фра Анджелико.
Фреска. 1440-е гг.

греческой философии. Амвросий был сторонником аллегорического метода толкования библейских текстов и написал многочисленные комментарии к Священному Писанию. Учение Амвросия о Святом Духе считается значительным вкладом в христианское богословие. Ему принадлежит книга «Об обязанностях священнослужителей» — по существу, первое руководство по христианской этике.

Огромный вклад Амвросий Медиоланский внес и в церковное пение. Он переработал музыкальную систему греков и ввел так называемые *антифоны* (попеременное пение двух хоров).

Святой Иероним (ок. 348 — ок. 420)

Святой Иероним, не лучший из римских первосвященников по образу жизни, был человеком либеральным и образованным. Виднейшие епископы на Востоке, и прежде всего Василий Кесарийский, считались, что Дамас, пользовавшийся широким влиянием, поможет им победить арианскую ересь. Решения в известной мере оправдались: так, Дамас помог преодолеть раскол в Антиохии, вызванный арианскими спорами. В 382 г. папа Дамас вознамерился подготовить новый перевод Библии на латинский язык.

Прослышав об энциклопедических познаниях священника Иеронима из Стридона, а также о широком знании им языков, папа вызвал его в Рим, сделал своим секретарем и поручил подготовить новый перевод Священного Писания. Перевод, сделанный Иеронимом, получил название *Вульгата* и до сих пор является авторитетным и признанным в Западной Церкви. Кроме того, Иероним составил множество толкований по Библии; он написал знаменитое сочинение «О жизни мужей» по модели античных жизнеописаний, где привел сведения о христианских писателях апостольских времен и их основных сочинениях.

Однако научные и литературные занятия не могли заставить Иеронима относиться равнодушно к окружающей обстановке. Общество и церковь восточной столицы произвели самое отталкивающее впечатление на молодого ученого. В своих язвительных письмах он с необычайной резкостью критиковал римское общество, по остроте сарказма и историческому дару не уступая Свифту. Неудивительно, что клирики возненавидели Иеронима, он быстро нажил себе врагов.

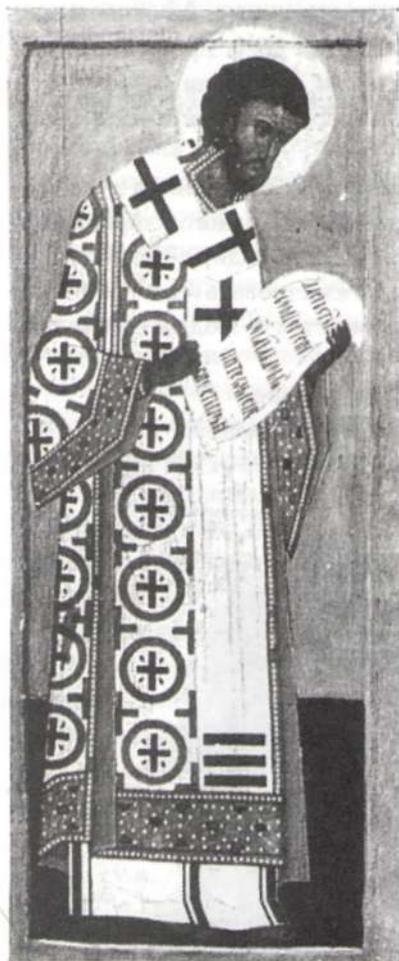
Иероним беспощадно издевался над восточной роскошью, проникшей в Рим. Яркими красками он рисовал римских патрициев, щеголявших в пышных одеждах, подобно персидским сатрапам. «Бедные» матроны, лишенные возможности носить роскошные платья с вышивками, изображали сцены из мифологии, выходили из покровов, по словам Иеронима, заменив сатиров и

вакханок евангельскими святыми. Мужчины же, пишет Иероним, весь свой досуг проводили в кабаках и за игрой в кости. Пирыв сопровождался такими же безумными оргиями, как и во времена Нерона.

Особенно доставалось от Иеронима духовенству. Описывая образ жизни одного клирика, писатель рассказывает: «Он выходит с рассветом из дома, чтобы засвидетельствовать свое почтение богачам, и почти врывается к людям, когда они

Св. Иероним.
Школа Боттичелли.
Около 1495–1498 гг.

Иоанн Златоуст.
Икона. XVI в.

еще в кроватях. Увидев подушку или изящный платок, или какой-нибудь предмет домашней утвари, берет его в руки и восхищается им, сожалея, что у него нет ничего подобного, пока они не вынуждены будут отдать ему эту вещь, так как каждый боится обидеть этого разносчика сплетен. Он ненавидит целомудрие и пост, за обедом, имея самые изысканные яства, передает с варварским акцентом ходячие скандалы и рассказывает анекдоты, и при этом всюду попевает и всегда знает последние новости».

Однако, обличая недостойные стороны общественной и церковной жизни, Иероним сам впал в крайность, прославляя, к примеру, в своих

трудах чрезмерный аскетизм. Причины, которыми Иероним объяснял создавшееся положение, были весьма вески. С одной стороны, он видел, что общество по-настоящему не усвоило христианства, а с другой — что напряжение и упадок общественной жизни в немалой степени зависели от вопиющей неравномерности в распределении материальных благ. Поэтому Иероним выдвинул свое знаменитое положение: «Богатство и землевладение есть ограбление бедных».

Литературное наследие блж. Иеронима огромно. Помимо перевода Библии, это — библейские комментарии, переводы других книг, исторические трактаты, богословские эссе. Энциклопедические познания блж. Иеронима, широкие сведения из истории, географии и других наук, использованные им в комментариях к Священному Писанию, делают его предвестником и отцом библейской критики¹ в ее современном понимании. Многие работы Иеронима посвящены апологетике и защищают учение Церкви как от язычества, так и от еретических учений: пелагианства, оригенизма. Одним из первых Иероним написал трактат о христианском монашестве.

¹ Библейская критика (библейстика) занимается историко-филологическими исследованиями библейских текстов, в частности проблемами происхождения библейских книг, их авторства и датировки.

Восточное христианство

В то время как в Риме возрастающее влияние папского престола приводило к обмирщению Церкви, на Востоке Церковь практически замкнулась в себе, предоставив миру идти своим путем. Императоры исходили из политических соображений, принимая ту или иную сторону противоборствующих церковных течений. Фактически они проводили религиозную политику теми же средствами, что и языческие государи. После последней попытки объединения империи во время правления Феодосия при константинопольском дворе восторжествовало православие.

Однако, как ни странно, это повлекло за собой события, не имеющие ничего общего с духом

христианской любви и терпимости. Так, искоренение остатков ереси, а также отношение к иудеям, упорно не желавшим уверовать во Христа, приняли совсем не христианские формы. Кроме того, духовенство православной империи стало считать своим долгом вмешиваться в политическую жизнь — и часто не для того, чтобы отстаивать христианские принципы, а из чисто корыстных интересов.

Всего лишь три года спустя после II Вселенского Собора, в 384 г., правитель Максим, стремясь подчеркнуть свое православие, по навету врагов обвинил епископа Прискиллиана в ереси и казнил его. Против казни Прискиллиана решительно протестовали Амвросий и монах Мартин, который пользовался огромной популярностью на Востоке. Но все было тщетно: Прискиллиан погиб из-за своих убеждений от рук христианского палача.

Как мы помним, в 392 г. император Феодосий окончательно запретил язычество. За отправление языческого культа как в храмах, так и в частном порядке были назначены штрафы и конфискации. Хотя при самом Феодосии эти законы применялись редко, позже они сыграли свою важную роль.

Особенно остро стоял вопрос о языческих храмах. Разрушение и закрытие храмов вызывало сильное возмущение народа, который был христианизирован еще в очень малой степени. Знаменитый софист-язычник Либаний писал императору письма в защиту храмов, часто представлявших собой великолепные памятники искусства. При этом он не без оснований замечал: «За счет чужих бедствий роскошествуют те, которые, как они утверждают, угождают своему Богу бедностью».

Но все выступления оставались без ответа, как и протесты Мартина, заветы Григория Назианзина и громовые проповеди Иеронима. Более того, в Александрии началась ожесточенная кампания исключительного искоренения язычества. Последним прибежищем старых культов был грандиозный храм Сераписа, при котором имелась знаменитая библиотека.

Феодосий, обеспокоенный процветанием этого центра языческой жизни, отдал распоряжение

разрушить его. За дело взялся александрийский епископ Феофил — одна из самых зловещих личностей в истории средневекового христианства, яркий пример фанатизма и нетерпимости в тогдашней государственной церкви. Его грубые издевательства над египетской религией привели в Александрии к открытому столкновению между христианами и язычниками, в ходе которых были многочисленные жертвы с обеих сторон. Христианские фанатики разрушили храм Сераписа и сожгли Александрийскую библиотеку — крупнейшую сокровищницу мировой культуры. Феофил торжествовал, выставляя на всеобщее обозрение статуи поверженных языческих богов.

И наконец, в союзе с византийским двором Феофил организовал бешеную травлю нового патриарха восточной столицы Иоанна Златоуста, роль которого в церковной жизни Византии сравнима с ролью блж. Иеронима в Риме.

Иоанн Златоуст.

Киев.

Мозаика. 1042–1046 гг.

Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Иоанн родился в аристократической семье в Антиохии, где и провел большую часть жизни. Воспитанный благочестивой матерью, он рано полюбил уединение. Курс наук Иоанн проходил у знаменитого Либания, бывшего также учителем Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Юлиана Отступника. Благодаря ясности мысли, остроте ума, железной логике Иоанн стал любимым учеником Либания, который видел в нем своего преемника. Однако талантливый юноша избрал иной путь. Крестившись в 21 год, он стал монахом.

Поначалу пламя веры увлекло Иоанна в пустынную местность, где он жил, добровольно перенося самые суровые лишения. Однако со временем его взгляды претерпели некоторые изменения. Иоанн понял, что чрезмерный аскетизм нередко превращается в самоцель; впоследствии он писал: «Не говори мне: столько-то дней постился, того-то и того-то не ел, вина не пил, ходил в рубище. Но скажи нам, переменился ли твой сварливый нрав на незлобивый и твое бесчувствие на сострадание? Ибо когда душа полна злобою, что пользы в истощении тела?»

В Антиохию Иоанн вернулся в 381 г. с подорванным здоровьем. Но годы отшельничества не прошли для него даром. Он пришел в мир окрыленный, с несокрушимой волей, неспособной

на компромиссы. И это внутреннее горение определяло в дальнейшем весь ход его жизни.

В Антиохии на Иоанна быстро обратили внимание и стали прочить ему блестящую духовную карьеру. Однако Иоанн, чувствуя, что еще недостаточно подготовлен к священническому сану, всячески сопротивлялся. Свои взгляды на роль пастыря в Церкви он изложил в сочинении

«О священстве», где говорит о величайшей ответственности перед Богом, которая ложится на плечи иерея. Священник «должен знать все житейское и вместе с тем должен быть свободен от всего более иноков, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, которые имеют жен, воспитывают детей, владеют слугами, обладают большими богатствами, исполняют общественные должности и облечены властью, то он (священник) должен быть разносторонен. Разносторонен, говорю, но не лукав, не льстец, не лицемер; должен иметь полную свободу и смелость, однако же, когда потребуют обстоятельства, должен уметь и

приножаться с пользою». Когда в 386 г. Златоуст стал антиохийским пресвитером, он строго следовал этим правилам.

Великий проповедник, за что он и был прозван Златоустом, Иоанн главным образом толковал послания апостола Павла. Сохранилось около 640 проповедей на тему библейских рассказов, в которых особое внимание он уделял нравственным проблемам.

Иоанн Златоуст.
Киев.

Мозаика. 1042–1046. Фрагмент.

Златоуст обладал необычайным даром владеть колоссальной аудиторией. Именно этот дар, соединенный с глубокой верой и твердыми нравственными принципами, в значительной степени обусловил возведение его на престол Константинопольского патриарха в 397 г. Однако даже Иоанн Златоуст, великий деятель Церкви, был такой же свободен от безрассудного гнева и несправедливости. Так, ему приписывается ряд проповедей, направленных против евреев, где он жестоко и несправедливо говорит о них и их вере. Эти проповеди сыграли немалую роль в будущей антиеврейской церковной политике, не имеющей ничего общего с учением Иисуса.

Тем временем против Иоанна, без устали обвинявшего несправедливость и коррупцию императорского двора и клира, ополчились буквально все высшие слои общества. Особенно усердствовали императрица Евдоксия и александрийский патриарх Феофил. В 403 г. они собрали церковный собор, который осудил Иоанна Златоуста в ереси, и его отправили в ссылку. Через некоторое время Златоуста вернули из ссылки, но вскоре он вновь лишился епископской кафедры и был снова сослан; через три года Иоанн Златоуст умер.

К началу V в. империя окончательно распалась на Западную и Восточную. Христианский мир и сама Церковь пребывали в тяжелейшем кризисе, погрязнув в роскоши, интригах, коррупции. Епископ Феофил продолжал творить беззачетные злодеяния до своей кончины в 412 г. Его преемник Кирилл унаследовал от дяди слепой завистью, ненависть к памяти Златоуста и злобу к неверным. По его инициативе были закрыты церкви сторонников обвиненного в ереси римского епископа Новациана, а сами они были изгнаны из города. Кирилл лично руководил избиением еретиков в Александрии и разрушением их храмов. И наконец, он запятнал себя тем, что направлял толпу на убийство женщины-философа Гипатии: по свидетельству очевидцев, эту блестящую и талантливую девушку, которая преподавала греческую философию в Александрии, схватили и обнаженной поволокли по городу, после чего зверски убили.

Казалось, Евангельская Весть окончательно оказалась погребенной под тяжестью людских грехов, и страстный голос немногочисленных подвижников Церкви не находил отклика в сердцах толпы. Но это только казалось. Дух Божий незримо делал свое дело, и Слово Спасителя пробивало путь сквозь мерзость и мрак.

МОНАШЕСТВО

Восточное монашество

При общем упадке религиозно-нравственной жизни в IV в. монашество явилось той средой, которая сохраняла неповрежденным учение Христово; из монашеских обителей, словно из благодатного источника, исходил евангельский свет, озаряя погрязший в грехах мир. Чтобы увидеть эти обители, мы снова должны обратиться к истории Египта. Эта древняя земля даровала миру удивительные откровения и великие проявления человеческого духа. Здесь, в пустынной Фиваиде, на севере Египта, появились первые монахи.

Что же послужило непосредственной причиной возникновения монашества? Прежде всего, печальное состояние общества и Церкви, о чем уже было сказано. Официальная церковь больше не казалась верующим якорем спасения, — без разветвленной церковной структуры обойтись было нельзя, — с другой стороны, такая структура казалась очень далекой от Царства Божия. Верующий христианин в рамках официальной церкви неизбежно испытывал чувство трагической неудовлетворенности своим бытием.

Многих христиан, особенно остро ощущавших греховность общества, которое называло себя христианским, охватило желание покинуть его. Люди жаждали снова обратиться к Евангелию, души их вновь просили «хлеба жизни», а не суетных мирских благ.

Немаловажную роль в этом играл и сам ход исторического и экономического развития. Христианские церкви все больше стали заполняться варварами, принесшими с собой полуязыческие обряды, которые были невыносимы для особо благочестивых христиан. Роскошь жизни на Во-

стоке вызывала стремление к простоте, к аскетизму:

Приводило людей в пустыню и глубокое раскаяние, чему можно найти множество примеров в агиографической литературе (житиях святых). Например, знаменитый пустынный Моисей Мурин (Мавр) был когда-то невольником, затем бежал от своего хозяина и стал предводителем разбойничьей шайки. После того как его кровавая слава разнеслась по окрестностям, Моисей внезапно уверовал в Господа, удалился в монастырь и посвятил остаток своей жизни подвигам аскетизма и покаяния. Та горячность, которая когда-то сделала Моисея грозой караванов, теперь превратилась в неутолимую жажду духовного очищения.

Отшельнической жизни, погруженности в молитву способствовали и климатические условия Ближнего Востока. Сухой теплый воздух и большое количество пещер в горах освобождали

Базилика св. Антония
Падуя

Интерьер базилики св. Антония.
Падуя

от забот по строительству жилища, а богатые рыбой воды Нила и росшие в изобилии плодовые деревья позволяли без труда добывать пищу и целиком отдаваться молитвенному созерцанию.

Основателем монашества считается св. Антоний Египетский, которого церковная традиция именуется также Антонием Великим.

Антоний Великий (ок. 250–356)

Св. Антоний происходил из зажиточной александрийской семьи. Он с ранней юности стремился к духовной жизни. Житейские заботы вызывали у него отвращение. После мучительных колебаний, раздумий и поисков он сделал свой выбор. Услышанные в храме евангельские слова «раздай все» определили его дальнейшую судьбу.

Продав имение и раздав деньги нищим, Антоний покинул город и удалился к старцу-отшельнику. Но, стремясь к полному уединению, Антоний поселился в пустой гробнице, в отдаленной

ности, где стал проводить дни в молитве, посте и размышлениях. Однако не следует полагать, что жизнь Антония ограничивалась молитвой. По словам современников, он «праздники провести не мог и работа не выходила из его рук почти весь день». Антоний считал труд составной частью монашеского подвига, и друзьям, которые два раза в год приносили ему хлеб, он взамен отдавал сделанные им корзины.

Но путь в Царство Божие был для Антония непростым. Его одолевали сомнения и сожаления об оставленном мире, видения и демоны искушали его, обещая мирские наслаждения. В холодные звездные ночи Антония охватывал ужас. Ему казалось, что враг наступает на него, давит со всех сторон. Дикий вой шакалов в ночном мраке, казалось, исходил от самого дьявола. От страшных звуков, образов, картин, представлявшихся его взору, он не раз терял сознание, и порой лишь приходившей порой приводил его в чувство. Иногда в душе возникало искушение: не покинуть ли эту ужасную пустыню, эту суровую обитель, полную таинственных звуков и странных призраков? Ведь в пустыне его ждали люди, он мог дать им утешение и избавиться от духовной пытки. Но святой не поддавался. Антоний полагал, что остановка на полпути будет означать победу тьмы. Постепенно он продвигался в духовной жизни, и искушения перестали мучить его.

Слова о необыкновенном отшельнике стала распространяться по всему Египту. К нему начали приходить ученики из самых дальних краев, а некоторые пожелали поселиться неподалеку, чтобы под его руководством вести отшельническую жизнь. Так, в 305 г. вокруг Антония образовалась первая монашеская община.

Антоний не оставил подробных наставлений о монашеской жизни, но всей своей жизнью заставлял учеников отречься от земных благ, полностью предаться воле Божьей, посвящать каждый день труду и молитве. К Антонию стали приходить за советом люди всех сословий, даже римляне желали получить от него наставления. Обращаясь к нему и сам император Константин.

Будучи человеком образованным, Антоний прекрасно знал проблемы мира и Церкви. Несколько

Искушения св. Антония.

М. Шонгауэр.

Гравюра. 1470—1475 гг.

раз он покидал пустыню: в 311 г., во время гонений за веру при императоре Максимине, он появился в Александрии, чтобы ободрить единоверцев, а в 351 г. — чтобы поддержать православных в борьбе с арианами. Таким образом, Антоний не замыкался целиком в отшельничестве, а делился обретенным духовным опытом с миром. Прожив в пустыне более 85 лет, Антоний мирно скончался в возрасте 105 лет.

Антоний Великий основал отшельническое (анахоретское) монашество. По установленному им порядку подвижники под руководством опытного наставника жили уединенной жизнью в отдельных хижинах или пещерах. Такие общины подвижников назывались *лаврами* (отсюда сохранившиеся до сих пор названия крупных православных монастырей — Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра и др.). Но еще при

жизни Антония появились общины другого типа — общежительные (киновийные).

Основателем общежительного монашества считается другой великий подвижник — Пахомий Великий.

Пахомий Великий (ок. 290—346)

Пахомий родился в семье язычников, в Фиваиде. Будучи солдатом, он познакомился с христианами, которые произвели на него глубокое впечатление. По окончании военной службы в возрасте 20 лет Пахомий крестился. Слава египетских подвижников разбудила в нем желание отшельнической жизни, и он поселился в уединенном месте близ Нила. Вскоре к нему присоединился его брат Иоанн. Здесь же у Пахомия возник замысел основать монашескую общину — *монастырь* (греч. *киновия*), где монахи жили бы вместе, проводя свои дни в молитве и труде. В основе этого замысла лежало несколько обстоятельств:

Мария Египетская.
Фреска

Монастырь св. Екатерины.
Синай.
VIII в.

совместный труд был намного эффективнее, вместе было легче противостоять разбойникам, да и в духовной жизни можно было поддерживать друг друга.

К тому времени о Пахомии и его благочестивой жизни стало известно во всем Египте, и к нему примкнуло множество учеников. Жить в одном монастыре стало тесно, и Пахомий основал несколько монастырей на берегах Нила. Он организовал также первый женский монастырь, где настоятельницей стала сестра Пахомия Мария.

Пахомий первым ввел устав монашеской жизни, подчинив ее строгим правилам. В обязанности монахам вменялось проводить дни в труде и молитве, читать книги духовного содержания; последнее обстоятельство сыграло в дальнейшем огромную роль в деле сохранения монашеством культурного наследия. Монахи обязаны были следовать определенным правилам относительно одежды, пищи и сна, кроме того, им запрещалось покидать монастырь. Пахомий старался обособить монастыри от мира, обнеся домики-кельи стенами.

При Пахомии молитвенная жизнь монахов стала подчиняться четкому распорядку. Богослужение совершалось дважды в сутки, в первый и

последний дни недели совершалась литургия, и монахи причащались Святых Тайн. Настоятеля монастырей вели с братией беседы на духовные темы.

Монахи возделывали землю, работали в кузницах, на мельницах, плотничали, плели корзины и дротики. Им не позволялось иметь ничего собственного; пищу и одежду они получали из общих средств монастыря. Таким образом, Пахомий ввел монашескую жизнь твердый принцип, получивший в русской традиции название *нестяжательства*.

Не всем было легко выполнять строгие правила, и Пахомий установил для желающих вступить в общины годичное испытание. Однако тяга к жизни христиан к монашеской жизни была очень велика, и уже при Пахомии число монахов в основанных им монастырях достигло 7 тысяч человек.

Распространение монашества

Степенническое и общежительное монашество быстро распространялось по всему Египту, а потом и по другим странам. Современник св. Антония Аммоний основал монашескую общину в Синайских горах, в нескольких десятках километрах от Александрии.

Среди нитрийских монахов особенно знаменитым стал Макарий Египетский (ок. 300–380); как и св. Антония, его прозвали Великим. В отличие от пастуха, он обрел высочайшую мудрость и теоретически обосновал духовные предельности монашеского образа жизни. Идеи Макария стали фундаментом христианского понимания аскетизма. Произведения Макария, чуждые старомодной риторике и усложненным философским конструкциям, представляют собой замечательный образец ясного и прозрачного стиля. Его молитвы («Боже вечный» и др.) в полной мере отражают святость этого великого подвижника.

В первой половине IV в. любимый ученик св. Антония, Иларион, перенес монашество на свою родину, в Палестину, где основал первый монастырь школы Газы. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии, а в V в. —

40. Феодот Грек. Макарий Египетский. 1378. Церковь Св. Николая в Синае.

Макарий Египетский.
Феодот Грек.
Фреска. 1378 г.

по всему Востоку. Как мы уже знаем, Василий Великий, ознакомившись с жизнью монахов, написал монашеский устав, получивший всеобщее распространение.

Наивысшего расцвета, помимо Египта, монашество достигло в Сирии. Известно, что уже во времена Златоуста отшельники останавливали карательные отряды Феодосия на подступах к Антиохии. Школа учеников Иоанна Златоуста насаждала монастыри по всему сирийскому побережью.

У отрогов Синая звучали гимны отшельников. На том месте, где по преданию Моисей беседовал с Богом, небо казалось ближе. Зеленые

оазисы давали приют не только отдельным поселенцам, но и большим общинам. Как писал великий подвижник Нил Синайский, проживший здесь немало лет, «вид роции и приветное пение птиц и чистое веяние свежего ветра успокаивают меня подобно качающейся колыбели».

Не случайно монашеский аскетизм носил здесь несколько иной характер, чем в Египте. В писаниях сирийских подвижников больше поэзии, любви к природе и созерцания. В полной мере дух сирийского монашества выразила поэзия великого аскета Ефрема Сирина.

Ефрем Сирин (ок. 306 — ок. 373)

Ефрем родился в Низибии, на территории современной Турции. Родители его, по-видимому, были язычниками. По ложному доносу Ефрем попал в тюрьму, где ему было дано откровение, после чего он отправился к Иакову Низибийскому — знаменитому отшельнику, миссионеру и борцу за православие — и был рукоположен в диаконы. Возможно, Иаков в 325 г. брал с собой Ефрема на Никейский собор. Много лет Ефрем в горах вел подвижнический образ жизни, изучал Священное Писание. В 363 г., когда Низибия была взята персами, Ефрем поселился в Эдессе, где поучал народ и читал проповеди язычникам. Он оставил после себя множество толкований текстов Священного Писания и другие сочинения и, кроме того, — удивительной красоты молитвы и песнопения. Будучи высокообразованным богословом, он способствовал победе Церкви над многочисленными ересями, процветавшими в Сирии, так как эта страна находилась на стыке всех древневосточных миров и культура ее впитала самые разнообразные религиозные течения и верования.

Если египтяне удалялись от мира в пустыни и горы, Ефрем избрал себе иной, деятельный, образ жизни. Он был подвижником, который большую часть жизни посвятил общественному служению. В годы тяжелых бедствий, осады и голода сирийский пророк появлялся на стенах Эдессы и своими жаркими речами поднимал дух населения. Немалое влияние на призвание и характер

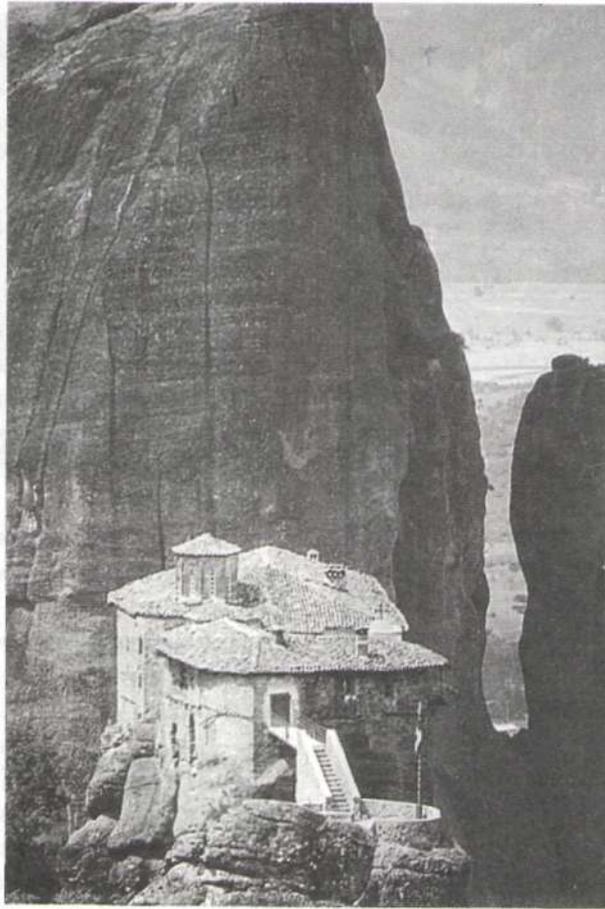
служения Ефрема Сирина оказали его переписка, а затем и личная встреча с великим святителем Василием Великим.

Возможно, Ефрему не довелось испытать той мучительной внутренней борьбы, которую переживали анахореты. Но зато он в полной мере ощутил всю глубину развращенности, царившей на Востоке. Не раз святой подвергался настоящим нападениям падших женщин. Но его душа была настолько чиста, что он мог обратиться на праведный путь даже самых последних грешников. Если Антоний был борцом с силами зла, терзавшими его в песках пустыни, то Ефрема можно назвать пророком покаяния, неустанно призывающим людей обратиться к Богу. По учению Ефрема, человек, живущий в мире, должен прежде всего отрезвиться, очнуться от дурного сна, провести полную переоценку своей жизни и покаяться. Проповеди покаяния, этой первой ступени на пути к Царству Божию, по существу, и посвятил св. Ефрем свою деятельность.

Подобно пророку Иеремии, он плакал о тех беззакониях, которые совершались вокруг него. Скорбь его была велика и наложила свой отпечаток на его творчество: он стал как бы совестью человечества перед Богом, и поэтому уже столько веков дивные строки Ефрема Сирина живут в сердцах людей.

Крайности аскетизма

Восточные монахи, удалившись от греховного мира, стремились очистить душу перед Богом, принести покаяние за себя и за всех людей. Они вели аскетическую жизнь, наполненную трудом и молитвой, и много времени уделяли изучению Священного Писания. Но многим из них этого казалось мало: в надежде обрести духовное прозрение и прощение у Господа, получить блаженство на небесах они по собственной воле подвергали себя «подвижничеству во славу Божию» — самым суровым лишениям и истязаниям. Некоторые монахи практиковали такие формы подвижничества, как почти полный отказ от пищи, ношение тяжелых цепей-вериг, отдавание себя на съедение гнусу и комарам и т.д. Часто такие самоистяза-

Монастырь в Метеоре.
Греция

не переходили все разумные пределы. Известный святой, аскет Симеон Столпник, несколько месяцев жил закопанным по шею в землю, а потом провел более 35 лет на верху восемнадцатиметровой колонны — столпа. Отшельник Амвросий известен тем, что с начала отшельничества никому не раздевался и не мылся. И хотя чувства и стремления этих подвижников можно понять, вряд ли подобное самоумерщвление плоти ведет к Божественной гармонии в человеке — гармонии, предполагающей единство души

Следует признать, что, хотя многие из учителей Церкви, даже самые выдающиеся, приветствовали такого рода крайний аскетизм, в целом он

был Церковью отвергнут. Жизнь духа и плоти должна подвергаться строгому контролю воли и разума и не выходить за разумные пределы. В противном случае чрезмерный аскетизм может привести, и зачастую приводил, к крайне негативным результатам. Основная цель аскетизма — очищение сердца, и подвижники только временно отгораживались от жизни, чтобы достичь ее. Извращение идей аскетизма, их абсолютизация возводили этот уход от жизни в постоянный принцип. Проклятия огульно обрушивались на все, что было ценного в духовном наследии прошлого и в мирской жизни настоящего. Не случайно крайний аскетизм часто практиковался христианами-фанатиками, которые порой не останавливались

Симеон Столпник-Дивногорец.
Феофан Грек.
Фреска. 1378 г.

ни перед чем, даже перед убийством людей, в которых им виделись враги Христа.

Такая нетерпимость и фанатизм совершенно чужды истинному духу Церкви. Жизнь во Христе возможна лишь там, где она открыта человеческой свободе и культуре. И все лучшее, что было создано человеком, Церковь призвана сохранить и пронести через тысячелетия.

Западное монашество

Традиционно считается, что монашество на Западе стал распространять Афанасий Александрийский во время своего изгнания. Западное

монашество значительно отличалось от восточного, хотя поначалу его организация на Западе строилась по египетскому и палестинскому образцам (в частности, огромное влияние оказала на Запад жизнь св. Антония). Холодный климат вынуждал монахов в гораздо большей степени, чем на Востоке, заботиться о жилище и запасах еды на зиму. В итоге западное монашество стало развиваться по более практичному пути, без крайностей аскетизма. Характерной для этого монашества чертой стало принятие монашеского пострига священством различных поместных церквей, в связи с чем литургическая жизнь, церковное служение, стали главным стержнем и основой жизни в монастырях.

Распространению монашества на Западе всечески содействовали блж. Иероним, Амвросий Медиоланский, позже — блж. Августин. Однако первым, кто разработал правила монашеской жизни на Западе, был Иоанн Кассиан.

Иоанн Кассиан (ок. 360–435)

Иоанн, скиф по происхождению, будучи еще совсем молодым, стал монахом. Сначала он поселился в Вифлееме, потом приобретал духовный опыт у египетских отшельников. Около 399 г. Иоанн переехал в Константинополь, где стал учеником Иоанна Златоуста. Уже рукоположенный в диаконы, Иоанн был направлен константинопольским священством в Рим, чтобы просить заступничества у папы Иннокентия I за Златоуста, который подвергался сильным притеснениям. В Риме Иоанна рукоположили в священники. В 415 г. он основал в Марселе монастырь св. Виктора, где был аббатом (настоятелем) до самой смерти.

Хорошо зная правила монашеской жизни Востока, Иоанн Кассиан осознавал необходимость их переработки применительно к особенностям западной религиозной жизни. В 417–429 гг. он написал свой основной труд, в котором подробно проанализировал и систематизировал как духовные, так и практические задачи монашества: организацию молитвенной жизни, бытового уклада монастырской общины; требования к питанию,

Райское дерево жизни.
Мозаика

между монахов. «Правила Кассиана», как их называли, сохраняли свое значение до IX в., наряду с установлениями Василия Великого и постановлениями св. Пахомия.

Иоанн Кассиан допускал возможность существования, как и на Востоке, двух типов монашества: анхоретского (отшельнического) и кинотического (монастырского). Однако фактически на Западе утвердился только второй тип — монастырский. Так, первые монахи в Италии и Галлии стремились совсем удалиться от мира, придавая большое значение евангелизации языческого населения и стараясь являть образцы христианской жизни среди развращенного мира. Помимо Иоанна Кассиана, выдающийся вклад в становление и организацию монашеской жизни внес св. Мартин Турский.

Мартин Турский (ок. 335—397)

Мартин Турский родился в языческой семье. Во время службы в армии ему было видение Христа. Вскоре он крестился, а затем стал вести монашескую жизнь. В 370 г. он основал первый монастырь в Галлии. В 372 г. Мартин становится епископом города Тура, но потом вместе с учениками вновь возвращается к монашеской жизни. Его усилиями монашество распространи-

лось по всей Галлии. Благодаря активной евангелизации, проводимой Мартином и его учениками, была создана епархиально-приходская система, оказавшаяся очень эффективной, особенно в сельской местности.

Помимо укрепления монашества, Мартин много сил и времени отдавал борьбе с еретическими движениями, проявляя при этом гуманность и терпимость. Так, когда император нарушил данное Мартину обещание не казнить обвиненного в ереси епископа Присциллиана, Мартин прервал все отношения с испанскими епископами, пока не получил новых заверений, что гонения не повторятся.

Будучи необыкновенно популярным в народе, Мартин Турский почитается как покровитель Франции.

Добрый Пастырь.
Равенна.
Мозаика. V в.

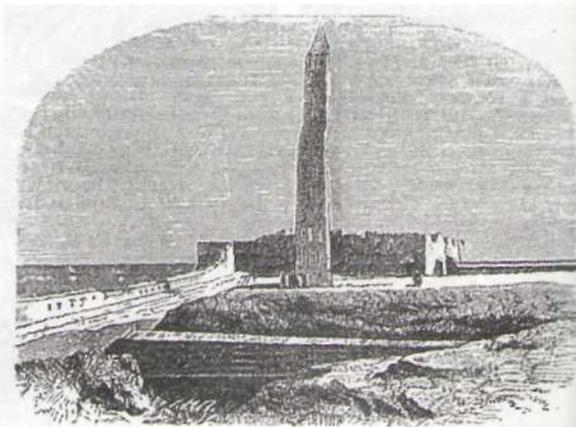
Значение монашества

«Возьмите иго Мое на себя», — учил Христос (Мф 11:29). Человек должен сам довершить дело своего спасения, и монашеское подвижничество осуществляло великую и благородную задачу, направляя этот процесс. Оно способствовало воплощению идеи, которая была средоточием Церкви — идеи Царства Божия. Достигая порой сверхчеловеческими усилиями истинного Богопознания, монахи несли свою миссию в мир. Это был величайший подвиг на пути к обновлению человека — подвиг, который требовал больших жертв и отречения от многих мирских благ. Такое отречение было необходимо монашеству как служителю человечества и провозвестнику Св. Духа. Порой оно принимало неоправданно крайние формы, приводившие к тяжким и не имеющим ничего общего с христианством последствиям. Но по духу своему и историческому значению монашество стало великой преобразующей силой. Оно создало очаги глубокой и страстной веры, которые будут веками питать Церковь.

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Мы уже знаем, что многие великие Отцы и учителя Церкви получили классическое образование и прекрасно знали эллинистическую литературу. Усвоив античную культуру, впитав в себя многовековые ценности, накопленные разными народами, Церковь принесла в мир новую культуру — христианскую. С самого начала она связывала элементы культуры Запада и Востока. В ней нашли место религиозная поэзия Израиля, платоновский идеализм и александрийская филология.

Но христианская культура не являлась простым конгломератом прежних культур, и не могла им быть. Языческие религии, античная философия, идеалы античного общества уже не удовлетворяли духовных потребностей многоязычной и многоликой ойкумены. Быстрое распространение новой веры, нашествие варваров, приближающийся крах империи создавали ощущение

Александрийский обелиск

нестабильности, отвращали людей от привычных статуй языческих богов, заставляли отказываться от традиционных представлений о красоте. И язычники, и христиане инстинктивно чувствовали неразрывную связь античной культуры с языческими культурами. Поэтому набравшая силу Церковь, и прежде всего ее монашеское крыло, отвергали наследие античного мира. При этом эмоции христиан, особенно необразованных и фанатичных, не знали меры. Прекрасные статуи, произведения искусства уничтожались, образованнейших язычников — ученых и поэтов — изгоняли, а то и лишали жизни.

Церковь Сан Витале.

Равенна.

VI в.

языческий мир и его культура, а тем более структура эллинистическая, которая давно приобрела самоценное значение, не могли быть уничтожены. Религиозная реформа Константина не привнесла за собой гибели язычества, которое лишь перешло в оборону и воспрянуло на короткий миг при императоре Юлиане Отступнике. Последние поборники язычества порой были не менее тверды в своих убеждениях, чем христиане. Величие древнего Рима, родовая гордость, характерный для языческой аристократии высокий уровень классического образования служили им опорой.

Важно отметить, что при победившем христианстве вся система образования, по существу, осталась языческой. В условиях общего упадка культуры на Западе, усиленного нашествием варваров, просвещенные язычники и христиане были заняты сохранением прежнего уровня образования. Школа стала связующим звеном между преко-римской культурой и новым христианским обществом. Аналогичная ситуация сложилась и на Востоке. Византия унаследовала от античного мира классическое образование. В VI в. там процветали высшие школы, сохранившие по античному образцу, где преподавались греческий, латинская грамматика, философия.

В свою очередь, Церковь не могла оставить за собой сферы своего влияния обширные области знания, где не угас античный дух. Ее усилиями создавались художественные, философско-литературные, музыкальные формы эллинистической культуры, наполнялись новым содержанием.

Постепенно побеждаемое язычество проникало в сферы нарождающейся христианской теологии, философии и в богослужебную практику. Так, синтез двух эпох, в борьбе, которая была сопряжена с великими достижениями и безвозвратными потерями, рождалась христианская культура.

Новая архитектура

Новые христиане еще в период гонений совершали богослужения в уединенных местах, катакомбах, частных домах. Со временем, когда появилась возможность исповедовать свою веру открыто, богослужения стали проводиться в ба-

Базилика Санта Мария Маджоре.
Интерьер. V в.

зиликах, или залах общественных собраний, которые ранее принадлежали состоятельным членам общины. Начиная с IV в. начали возводить и новые христианские церкви. Первыми строителями храмов, по преданию, являются Константин Великий и его мать Елена. Они построили много церквей на Святой Земле, затем в Константинополе.

Архитектурной основой возводимых церквей послужили все те же базилики. Они представляли собой вытянутые прямоугольники с двумя открытыми галереями-кораблями (нефами) по бокам. Нефы обрамлялись рядом стройных колонн. Там же находились комнаты для уединенной молитвы. По образцу Иерусалимского храма в передней (восточной) части базилики находилось алтарное пространство, перед которым возвышалась арка. Углубление за алтарем (апсида) было открытым или задергивалось завесой.

Евангелист Марк.

Мозаика церкви Успения Богоматери в Илнее.

XI в.

Центральную часть храма занимал неф, куда во время службы допускались крещенные, а в западной части (портике) находились оглашенные, то есть те, кто готовился принять таинство крещения. Крышу базилики венчали обычные гладкие скаты. Чаще всего форма такой базилики была крестообразной.

Кроме продолговатой, вытянутой формы, в христианской архитектуре рано утвердился тип храма круглой формы — ротонды, со сводчатым потолком и куполом сверху. Такая форма храма также являлась наследием античности; чаще всего ее использовали при строительстве баптистериев (крещален) и церквей-памятников на могилах христианских подвижников. Со временем форма круглого храма стала господствующей на Востоке; Запад же остался верен, главным образом, форме базилики.

Изобразительное искусство

Самые ранние произведения христианской живописи — это росписи стен в римских катакомбах. Молодое христианское искусство дышало страстным огнем веры, но не выработало еще своего стиля. Нередко на стенах можно было увидеть изображения как античных, так и христианских сюжетов, где рядом с Орфеем и Эротом предстают ветхозаветные и евангельские святые. Нередко новые христианские образы заменялись привычными языческими: Орфей символизирует Христа, Амур и Психея предстают как символы бессмертия души. Античный мотив пастуха превратился в исполненный глубокого христианского содержания сюжет «Добрый пастырь» — Христос, пасущий Свою паству.

Кроме сюжетных, появляются и отдельные изображения символического характера, полные тайных намеков и сложных ассоциаций: вино-

Евангелист Матфей.

Миниатюра

...мозаика означает кровь Христа, корзины с хлебом — вечность духовной жизни. Наиболее распространенным символом раннехристианского искусства становится рыба — буквы соответствующего греческого слова *ихтис* являются начальными буквами слов «Иисус Христос Бога Сын Спаситель».

...символизирует бессмертную душу, а венок — победу Христа над смертью. Символические изображения составляют декоративные узоры стен и потолков катакомб, а потом и церквей.

Впитывая и перерабатывая античные традиции, христианская церковь одновременно отталкивалась от иудейских представлений об искусстве. Почему Израиль так упорно отрицал изображение Бога? Для него эти изображения были слишком реалистичными, законченными, земного характера: для невыразимого, трансцендентного в них не оставалось места — и любое подобное изображение воспринималось как языческий кумир. Для христианства же как религии Богочеловечества, религии, которая учит о Боге, воплотившемся в мире, изобразительное искусство становится неотъемлемой частью.

Нав следуя Евангелию, искусство должно было изображать небесное такими земными средствами, которые отражали бы могущество первообраза. Как бы ни были прекрасны реалистические образы, они не в силах передать Божественную сущность, поэтому в христианском искусстве начинается поиск новых форм изображения.

Живописные композиции начинают упрощаться, стиль их грубеет, но зато они приобретают большую выразительность. Одновременно, как в силу своеобразия культурных традиций Запада и Востока, так и в результате все большего обособления Западной и Восточной империй, в изобразительном искусстве начинают проявляться различия.

В странах Западной Европы и Средиземноморья была глубоко укоренена античная культура, и новое христианское искусство строилось по единым античным образцам, с их многофигурными сценами и сложной композицией. На Востоке, в странах Малой Азии, где античные традиции мало привились, храмы были почти лишены скульптурных изображений — убранство храмов составляли кресты, орнаменты, изображения животных, причем выдержанные в стиле народных традиций данной местности. На стыке этих двух культур — сохраняя позднеэллинистические традиции и элементы искусства Египта, Сирии, Ирана, —

рождалось великое искусство Византии. Главные формы ранней византийской живописи — монументальная храмовая живопись (мозаика и фреска). Мелкие разноцветные кубики смальты, составлявшие мозаики, выкладывались под особым углом, чтобы они, отражая свет, мягко переливались, создавая торжественную и изысканную цветовую гамму. Живописные образы в мозаиках и на фресках отходят от принципа «похожести»,

Мадонна с Младенцем и святыми.

Чимабуэ.

Икона. XIV в.

«спиритуализируются» (одухотворяются). Античные пропорции постепенно нарушаются: на лицах появляются чрезмерно расширенные, неподвижные глаза; сами лица удлиняются. Изображения на фресках становятся как бы более «плоскими», усиливается контрастность цветов, схематичность изображения, смещается его перспектива. Эти изменения еще не слишком заметны, но они уже создают прочный фундамент для зарождения будущей абсолютно новой формы живописного искусства — иконописи.

Схожие изменения претерпевает скульптура. Для своих сюжетов, в частности изображений Христа и евангелистов, молодое христианское искусство использовало традиционные формы пластики: античной погрудной статуи, портрета-бюста. Для изображения христианских сюжетов

Иоанн Златоуст.
Фреска. 1040–1045 гг.

широко используются рельефы на саркофагах. Евангельские персонажи и сцены передаются, как в ранних мозаиках, в античном духе: Христос и апостолы похожи на античных героев с их красивыми и безмятежными лицами. Однако со временем рельефное изображение становится все более и более плоским, условным: фигуры уступают место символическим изображениям виноградной лозы, рыбы и т.д. Впоследствии скульптура больших форм постепенно перестает интересовать византийских мастеров, особенно опасавшихся ее «идольской» природы, и пластическое искусство продолжает развиваться главным образом в малых формах — прикладного и ювелирного искусства. В восточных православных церквях — преемницах Византии — церковная скульптура встречается очень редко. На Западе же традиционная скульптура крупных форм, составлявшая наряду с храмовой архитектурой основу античного искусства, неизменно занимает центральное место в убранстве католических храмов.

Церковная музыка

В жизни Церкви, особенно в богослужении, музыка очень рано стала играть важную роль. И это не случайно — язык звуков порой говорит гораздо больше слов. Он обращается не к рассудку, часто неокрепшему, а к тайникам души, ее скрытым струнам.

Музыка последних веков существования Римской империи была тесно связана с языческими культами. Она была неотъемлемой частью культуры, от которой христианство старалось отказаться. Поэтому Церковь искала новые музыкальные формы. Развитие западно-христианской музыкальной культуры отличалось от восточно-христианской: на Западе культовая, храмовая, музыка всегда противопоставлялась светской, в Византии же такого противопоставления не было. Церковные песнопения можно было услышать не только в храмах, но и на площадях, торжественных приемах, даже на ипподроме. Церковная музыка проникала в повседневную жизнь византийцев, а мирские музыкальные мотивы и жанры обогащали ее.

Практически все исследователи раннехристианской культуры сходятся во мнении, что свои первоначальные формы древняя Церковь заимствовала у еврейской синагогальной службы. Это несомненно, если помнить, что Церковь старалась отделиться от языческих музыкальных форм и что первые христианские общины сформировались в иудейской среде. Для публичного чтения текста Священного Писания в синагоге вырабатывался особый вид речитатива — соединение собственно чтения вслух с протяжно-распевной интонацией. Подобная манера чтения Псалмов называлась *псалмодией*. Поскольку Псалтирь стала наиболее популярной ветхозаветной книгой в христианском богослужении, то приемы псалмодии естественно закрепились в церковном пении древних христиан. Также Церковь усвоила от синагогальной практики пение *аллилуй* — вводных и заключительных частей молитвы. Как в синагогальных, так и в церковных песнопениях участвовали солист и община.

Во многих древних церквях пела вся община, но со временем из нее начали выделяться особые группы певцов — хоры. Важнейшим заимствованием ранней Церкви у синагоги является и утвердившееся в церковной практике попеременное пение двух хоров (антифонное пение), хотя история введения антифонного пения, да и сам термин слова *антифон*, как его понимали христи-

Апостолы Иоанн, Андрей, Петр.
Мозаика. XII в.

Апостол Иоанн.
Скульптура. XV в.

ане в первые века нашей эры, до сих пор не совсем ясны. По церковному преданию, на Западе антифонное пение ввел в богослужение Амвросий Медиоланский, а в греческой Церкви — Иоанн Златоуст, хотя и здесь исторические источники противоречивы. Сначала церковное пение было простым, более речитативным, но со временем мелодика начала все более усложняться. Как и в синагогальной службе, пение не сопровождалось игрой на музыкальных инструментах (традиция исключительно вокальной церковной музыки закрепились в православной Церкви). В первые века в песнопениях участвовали женщины, однако эта традиция опять же упрочилась только в Восточной Церкви; в римско-католической Церкви начиная с VI и до начала нашего века хоры составляли только мужчины и мальчики.

Тайная Вечеря.
Леонардо да Винчи.
Фреска. 1495–1497 г.

В формировании музыкальной культуры не последнюю роль играла борьба Церкви против ересей, в частности арианства. Прекрасно понимая важность музыки для восприятия религиозных идей, многие еретики сочиняли гимны, в ответ на которые слагались песнопения такими великими христианскими подвижниками, как Василий Великий, Григорий Назианзин, и многими другими. Выдающуюся роль в упорядочении структуры богослужения и соответственно в его музыкальной организации сыграл Иоанн Златоуст. Предание приписывает ему введение в литургический обиход акафистов (хвалебных песнопений, исполняемых молящимися стоя) и тропарей (песнопений, содержание которых связано с тем или иным праздником или событием). Мы уже знаем, какое исключительное значение для раннехристианской поэзии имеет творчество Ефрема Сирина. Согласно преданию, он сочинил более 10 тысяч гимнов.

Кроме синагогального богослужения, немалое влияние на раннецерковную музыку оказало античное музыкальное наследие. Некоторые жанры светской музыки нашли место в церковном богослужении, особенно — восточном. Важное место в культуре христианства занимало музыкознание, например ранневизантийские музыковедческие сочинения основывались целиком на положениях древнегреческой музыкальной теории. Даже ранние Отцы Церкви, резко отрицательно относившиеся к языческому искусству (например, Климент Александрийский), безоговорочно

признавали авторитет Аристотеля в музыкознании. Так на стыке еврейской и античной культур формировалось христианское музыкальное искусство, давшее миру произведения удивительной духовной глубины и красоты.

Церковное богослужение и таинства

В церковном богослужении находят свое законченное и гармоничное выражение все виды христианского искусства. Храмовая архитектура, музыка, поэзия, облачения священнослужителей — все посвящено единой цели — прославление Господа.

В предновозаветную эпоху у иудеев стали повсеместными молитвенные трапезы вне Храма, которые сопровождалось чтением Библии и беседами о вере. Главной частью трапезы было благословение хлеба и вина, а также благодарственная молитва. Подобные трапезы, получившие название *агапы* (вечери любви), проводили и первые христиане, но они уже имели ярко выраженный христологический характер: верующие вкушали хлеб и вино, вспоминая Тайную Вечерю, и произносили благодарственную молитву, посвященную искупительному служению Христа.

Агапы послужили основой раннехристианской литургии, центральные моменты которой не изменились и по сей день. Литургия — главное богослужение христиан, проводимое обычно по воскресеньям. Богослужение делится на две части: открытую для всех (литургию оглашенных) и закрытую, торжественную (литургию верных). Состоит литургия из библейских чтений, пение псалмов, проповеди, просительных и отпустительных молитв и Евхаристии. По завершении литургии оглашенных все не имеющие права присутствовать на второй части, в частности некрещеные, должны были покинуть Храм (до сих пор обе части литургии символически разделяются древним возгласом: «Двери, двери!», обращенным к оглашенным, хотя уже в VI в. две части литургии перестали разделяться). Центральной частью литургии верных является Евхаристия — таинство приготовления и освящения жертвенной трапезы, когда хлеб и вино под действием Святого Духа превращаются в Святые

Тело и Кровь Христовы. В конце Евхаристии верующие причащаются Святых Тел. Евхаристия служила и служит напоминанием о крестной жертве Христа, объединяя христиан в едином Теле Христовом — Церкви.

По существу, структура и основное содержание христианской литургии были едиными для всех древних церквей, хотя сами ритуалы, конкретные молитвы различались. Порядок евхаристических молитв, возможно, был впервые оформлен св. Григорием Кесарийским. Другой древний порядок (или порядок) литургии с объяснением ее значения оставил нам св. Кирилл Иерусалимский. На Западе господствующей стала римская литургия. Византийская литургия, которую предание приписывает св. Амвросию, близка восточным — иерусалимской, антиохийской и другим. Среди довольно многочисленных литургий на Востоке сохранились в Церкви и сохранились до настоящего времени прежде всего два константинопольских варианта — св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого (литургия Иоанна Златоуста является сокращенной и несколько измененной западной литургией Василия Великого).

Евхаристия является одним из важнейших христианских таинств, или священнодействий. К таинственным священнодействиям в разные эпохи причислялось разное количество христианских обрядов. Но уже на раннем этапе существования Церкви имели место семь обрядов, которые с течением времени (окончательно к XIII в. на Западе, а позже и на Востоке) получили в христианской Церкви статус таинств. Помимо Евхаристии, к таинствам причисляются:

крещение — знак вступления человека в Церковь. Проводится обычно после длительной (иногда года) подготовки;

брачный — освящение супружеской любви и семейной жизни Церковью;

покаяние — примирение грешника с Богом через исповедание и отпущение грехов;

миропомазание — помазание маслом в знак дарования Духа Божьего на члена Церкви;

рукоположение — возложение рук на христианина, который посвящается в священническое или епископское звание, тем самым осуществляя

преемственность церковного служения от апостолов Христа;

елеосвящение, или соборование, — помазание маслом больных в знак освящения их тела и души.

Участие в таинствах составляло раньше и составляет сегодня основу жизни христианина, освящая ее и наполняя духовной силой.

РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ

Классическая культура и Церковь

Св. Василий Великий в своем обращении к юношеству призвал изучать классическую поэзию и науку, но изучать критически. Так святой, а в его лице и вся Церковь, определили свое отношение к старой литературе: критерием ценности для христианина должно быть соответствие ее основным христианским принципам. «Не забывайте, — говорит Василий, — что и у роз есть шипы». Размышляя о великом древнегреческом поэте Гомере, Василий замечает, что, призывая к добродетели, поэт на самом деле подменяет истинное внутреннее благородство внешней красотой. Подобный же разлад он находит у Еврипида. Причины тому Василий Великий видит в беспочвенности греческой этики, отсутствии у нее опоры на фундаментальные нравственные категории, вытекающие из веры в Единого Бога.

Только у немногих античных философов, считает Василий Великий, можно найти начала подлинно нравственного учения. В этом отношении святой выделяет Платона и Диогена, говоря о наличии у греческих философов даже теоретического основания аскетизма, правда, понимаемого вполне в эллинском духе.

Блестящий знаток классической культуры, Василий Великий выводил из ее философских достижений положения зарождающейся христианской философии. В своих беседах о сотворении мира, получивших название «Шестоднев», он показал ограниченность античной мысли, которая выводила происхождение материи от материи же (именно об этом учили Фалес и Анаксагор).

В основе бытия, говорит Василий Великий, лежит Воля Бога. Материя не вечна; вечным может быть только Абсолютное Бытие — Бог.

Великий молитвенник и создатель литургии, учитель нравственности и глубокий мыслитель-богослов, отшельник и епископ, Василий Великий проявлял живой интерес и к вопросам природоведения, уделяя им значительное внимание. Описания растительного и животного мира в его произведениях свидетельствуют о его энциклопедических познаниях в естественных науках; порой он ставит вопросы, относящиеся, скажем, к биологической сфере, которые, к стати, до сих пор не получили ответов. На примере Василия Великого мы можем убедиться, что Церковь не только поэтически относилась к миру и природе, но и поощряла их изучение как важного элемента, формирующего мировоззрение христианина.

Другим представителем Церкви, который сыграл важную роль в развитии христианской философии и богословия, был брат Василия, Григорий Нисский.

Григорий Нисский (ок. 330 — ок. 395)

Григорий, родившийся в Каппадокии, в городе Кесарии, был младшим братом Василия. Его и сестру Макрину Григорий называл своими учителями. Получив хорошее классическое образование, он преподавал риторику, но под влиянием Григория Назианзина посвятил себя христианскому служению. По просьбе Василия Григорий священствовал в его епархии — Каппадокии, а потом был рукоположен в епископы, заняв в 371 г. вакантную кафедру в Ниссе. Он принимал активное участие в борьбе с арианами, за что был смещен с кафедры императором Валентом. В 378 г. он продолжил свое епископское служение, помогая становлению церкви в Палестине и Аравии, одновременно отстаивая православные богословские взгляды: известно, что на Константинопольском Соборе 381 г. Григорий защищал Никейский Символ против Аполлинария Лаодикийского, учившего о неполноте человеческой природы Христа.

Григорий Нисский.
Мозаика. 1043–1046 гг.

Заслуги Григория Нисского как общественно-церковного деятеля вряд ли можно признать особенно выдающимися. Здесь брат затмил его. Однако как замечательный философ и богослов Григорий Нисский внес поистине великий вклад в развитие христианской мысли. Он разрабатывал учения о воскресении, о Божественной благодати, об Именах Божиих. Глубоки его христологические разработки и учение о Троице. Он создал труды по аскетике, а также сочинения о мистическом единстве с Богом. Как и его брат, Григорий уделял большое внимание учению о строении мира и сотворении вселенной Богом. Мир, согласно его взглядам, разумен и человек есть воплощение разума в природе. Его мысль, его ум воплощаются в слове, прообразом которого является Логос — Слово Бога. Волею Логоса творится мир.

Слова о происхождении зла, Григорий отказывает ему в самостоятельном бытии. Зло появляется там, где отсутствует добро. При этом зло — это просто отрицание добра, оно рождается внутри человека. Но ведь Бог — единственный Творец всего и вся. Как Бог мог стать причастным злу в природе человека? По мнению Григория, зло гнузно по природе своей. А порядок природы, установленный Божественной Волей в законе, далек от упрека в пороке». Все это противоречия плоти и духа человека: только Бог может постичь Божественную Любовь, тело же ограничено. Спасение же человека совершил Христос, соединивший в Себе Божество и человека, плоть и Дух в единое целое.

Григорий Нисский, Василий Великий и Григорий Назианзин — три великих деятеля Церкви, которые в христианской традиции получили название «каппадокийских Отцов». Они заложили основы богословия Восточной Церкви, являясь в то же время яркими выразителями идей одной из двух богословских школ того времени, а именно Александрийской.

Александрийская школа

Предшественниками учителей Александрийской школы были эллинизированные иудейские богословы, философы и писатели Александрии — крупнейшего центра еврейской диаспоры (расселения). Одним из первых представителей этого направления был Аристобул (II в. до н.э.), который вместе со своими последователями усвоил исторический метод толкования древних текстов, впервые разработанный греческими филологами. Самым плодовитым и влиятельным учеником богословом Александрийской школы был Кирилл Александрийский, живший в I в.

Христианская Александрийская школа выросла на базе катехизического училища в Александрии, которое возглавлял выдающийся богослов Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215). В своих апологетических трудах Климент впервые обосновал принцип усвоения христианством элементов античной культуры, в частности философии. Корифеем Александрийской

школы стал и его преемник Ориген, признанный впоследствии учителем Церкви. Ориген, богословское, филологическое наследие которого для Церкви бесценно, с исключительной последовательностью проводил принцип аллегоризма в толковании библейских текстов. И хотя Церковь осудила некоторые его положения, влияние Оригена на богословов древней Церкви было огромным. Его последователями стали не только «каппадокийские Отцы»; великие западные богословы — св. Амвросий Медиоланский, блж. Августин, блж. Иероним также многое почерпнули у него. Виднейшим представителем александрийской теологии стал Кирилл Александрийский (ок. 370—444).

Представители Александрийской школы настойчиво подчеркивали единство личности Христа, нераздельность в Нем двух природ, Божественной и человеческой. Вместе с тем александрийские богословы не смешивали две природы во Христе. Для Кирилла Александрийского Бог-Логос, предвечно существовавший Иисус Христос, остался тем же самым, каким был до воплощения в человека. Он присоединил к Себе человеческую природу, не изменяя Своей Божественной природы.

Понимание этой проблемы осложнялось тем, что богословский язык для христианства был недостаточно разработан. Кроме того, сам по себе самый сложный вопрос соединения в Богочеловеке двух природ с трудом поддавался точному выражению. Желание утвердить мнение о единстве личности Христа александрийскими богословами все же порой приводило к затушевыванию различия трех лиц, или ипостасей, Единого Бога — Отца, Сына и Святого Духа. Заслуги в разработке учения о Троице, как прежде всего о трех неслиянных ипостасях Божества, принадлежат в первую очередь богословам Антиохийской школы.

Антиохийская школа

Антиохийская школа сформировалась несколько позднее Александрийской. В отличие от последней, богословы Антиохийской школы настаива-

ли на буквальной и исторической интерпретации Священного Писания. Что же касается учения о Троице, то особенности изложения догматов антиохийцами можно проследить на примере «Огласительных слов» Кирилла Иерусалимского (ок. 315—386), одного из ранних писателей этой школы.

В основу своих взглядов Кирилл положил Никейский Символ веры и излагает христианскую догматику ясно, живо и просто. Он хорошо знает Писание, но не злоупотребляет цитированием.

Бог, по Кириллу, пребывает во всем сущем, но одновременно, будучи Творцом, Он вне мира. Во имя спасения людей Бог воплотился во Христа, став настоящим, полным, совершенным Человеком. Бог спас мир и будет судить его в конце времен. В мире же существуют силы Антихриста, которые будут вести борьбу с Царством Божиим до конца истории, когда потерпят окончательное поражение.

Среди других представителей Антиохийской школы можно выделить Диодора Тарского, Феодорита Кирского, Феодора Мопсуэстского. Все они признавали полноту человечности Христа, особенно настаивая на неправомочности смешения двух Его природ. Богословие Климента Александрийского, который прежде всего видел во Христе нераздельность Божественной и человеческой природ, порой вызывало сомнение у антиохийских богословов. Они усматривали в идеях Климента попытку затушевать человечность Христа. Самых же антиохийцев обвиняли в умалении Божественной природы Спасителя, попытках представить Его только человеком.

Таким образом, общими трудами Александрийской, Антиохийской и других школ, в жарких спорах великих богословов близился к завершению раннепатристический период, «золотой век» христианского богословия. Подвести его итоги и наметить новые пути развития суждено было на Западе блж. Августину, а на Востоке — христологическим соборам.

Римская зала судебных учреждений

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Крах западной Римской империи

Римская империя стояла на пороге гибели. Императору Феodosию лишь ненадолго удалось задержать натиск варваров. Но с его смертью (395) и окончательным разделением империи на Западную и Восточную всякое сопротивление варварам было уже тщетным. Правители Рима, чувствуя могущество подвластных народов, стали искать в них опору. Германцы и галлы составили основу армии. Однако не столько внешнее нашествие грозило крахом некогда могущественной империи, сколько ощущение внутренней катастрофы.

«Мы заботимся об обращении готов и вандалов, — писал в V в. марсельский пресвитер Сальвикон, — но чем мы сами лучше них или в чем можем сравниться с ними?» Еще Иоанн Златоуст

...наметил тучи, готовые разразиться грозой над... городом. По единодушному свидетель... сарматиков, духовный уровень людей был... низким. Массовый атеизм сочетался с... суевериями. Новое христианское ис... только нарождалось, античное же вырожд... и было представлено по большей части... примитивными и безвкусными формами.

...наполняли тысячи безработных бродяг, ... за счет подачек и проводивших дни в... Любость к кровавым зрелищам возрастала, ... о полном крахе культуры и все... одичании людей. Так, однажды толпа... монаха, который пытался прекратить... гладиаторов.

...игнорировали воинскую повинность, ... разлагалась. Солдат стали набирать из кре... и даже рабов, что в свою очередь приводи... упадку сельского хозяйства.

В 410 г. войска Алариха штурмом взяли Рим. ... за много столетий чужеземцы как по... вступили в Вечный город. Падение... империи было обусловлено эко... социальными, культурными причи... Мир вступал в новую фазу своего разви... — феодализм, и не существовало сферы жизни, ... решительной ломке. Захватив... территории и поработив населявшие их... империя стала заложницей собственного... Римская империя явилась примером... грандиозной и в итоге неудачной по... объединить людей разных культур и ре... убеждений. Рим стремился обрести... за счет принятия общей религии —... , которое должно было уравнивать на... и соединить всех во Христе. Однако эта... не оправдалась: Рим не дорос до истин... христианства и принял его только внешне. ... истинной Церкви не прониклось и боль... ее руководителей, оставшихся в плену... привычек и представлений.

...все же семена христианской культуры... первые всходы, что дало повод языч... обвинять Церковь, говорить о христианстве, ... Рим. Общий упадок в стране, кото... стала христианской, вызвал у христи-

Конная статуя Марка Аврелия.
II в.

ан Запада лишь горечь и недоумение. Их охва... тили сомнения в правильности пути. Блж. Иеро... ним рыдал, когда до него дошло известие о гибе... ли города; многие же видели в катастрофе... возмездие истории, карающую руку Божию. И... только в 426 г. вышла в свет знаменитая книга... «Град Божий», написанная гиппонским еписко... пом Августином и объяснявшая христианскому... миру трагические события.

Блаженный Августин (354–430)

Блж. Августин — одна из наиболее значитель... ных личностей в истории христианства. Он был... именно тем человеком, о котором говорят: «душа... эпохи». Его дух наложил неизгладимую печать... на все дальнейшее развитие культуры и Церкви... как Запада, так и Востока. Путь, который привел

его к Христу, был сложен, но и плодотворен: обладая огромными дарованиями писателя и психолога, Августин сумел проанализировать свои поиски, отразив их в бессмертных творениях, вошедших в число шедевров мировой литературы. Среди этих произведений особенно выделяется «Исповедь», в которой великий учитель Церкви рассказывает о своем жизненном пути и призвании.

Сын язычника и христианки, Августин родился в Тагасте (современный Алжир) и получил неплохое образование. Уже юношей он едет в столицу северной Африки Карфаген, где с удовольствием предается светской жизни. Но скоро эта жизнь ему наскучила, и Августин все больше начинает задумываться о смысле человеческого существования. Постепенно его неосознанные желания складываются в стремление к счастью и гармонии — особенно на него повлияли книги Цицерона. Августин приходит к выводу, что только истинная мудрость, и именно философия, может дать человеку настоящее счастье.

В своих духовных поисках Августин попытался обратиться и к Библии. Однако вначале его путь познания не был успешным. Библию он изучал в кругу манихеев — последователей очень влиятельного в ту эпоху религиозного учения, смеси иранского зороастризма с христианством и восточными культами. Основной чертой манихейства был его дуализм — вера в две высшие силы, управляющие миром и вечно противостоящие друг другу. В качестве злой силы у манихеев выступал Бог Ветхого Завета, а в качестве доброй — Бог Нового Завета. Кроме того, манихейство видело подлинную реальность лишь в явлениях материальной природы, одухотворяя солнце, луну, планеты и растения. По существу, лишенное подлинных философских корней, оно чаще всего сводилось к грубому материализму. Не удивительно, что, на какое-то время приняв эту концепцию, Августин в ней скоро разочаровался: «Этот материальный мир и его чувственные формы, от которых я и в мыслях своих не мог отрешиться, так угнетал мой дух, что, задыхаясь под ним, я уже не мог дышать чистым воздухом животворящей истины».

Вскоре Августин в качестве преподавателя переезжает из Карфагена в Рим, а в 384 г. — в Милан. С этого времени в его жизни происходит коренной перелом.

Августина поразили проповеди Амвросия Медиоланского, и он начинает понимать, куда пропасть лежит между манихейством и христианством. Однако он не имел достаточных оснований принять учение Церкви о Боговоплощении. Лишь познав и сравнив учения Аристотеля, Платона, философов-неоплатоников, он осознал глубину нематериального бытия, в которой и скрывалась Божественная тайна. Настоящим откровением для него стало чтение посланий апостола Павла: Августин почувствовал, как Благость Божия влекла его и как упорно он ей сопротивлялся. Постепенно Бог, Которого так давно жаждала душа его, вернулся в его сознание.

Но от прежних привычек он не мог отказаться с легкостью. Августин молился о спасении, тайно надеясь, что не будет услышан. Лишь после тяжелой внутренней борьбы Августин решился: в 387 г. он был крещен св. Амвросием, через год принял монашество, а через два — священство. Так Церковь Христова получила мыслителя, сыгравшего выдающуюся роль в ее истории.

Августин проявил себя на различных поприщах. В 396 г. он занял епископскую кафедру города Гиппона и оставался на ней до самой смерти. Августин основал первый в латинизированной Африке монастырь и активно проповедовал христианство. Церковное служение он сочетал с литературным трудом.

Наследие Августина состоит более чем из 100 работ. Это полемические труды, направленные против ересей, буквально раздиравших Церковь, прежде всего против манихейства, донатизма и пелагианства, а также упорно сопротивлявшегося римского язычества; труды по экзегетике Священного Писания, догматике, историософии, христианской этике. Сохранилось около 400 его проповедей и множество писем, автобиографические произведения. Практически не было такой сферы христианской жизни, на которую идеи Августина не оказали бы глубокого влияния. Но все же наиболее оригинальным и ценным многие ис-

Блаженный Августин.
Скульптура кафедрального собора
в Дрездене.
XVII в.

...историк полагают вклад Августина в учение о Царстве. После взятия Рима Аларихом учение не получило полного завершения в книге «О Граде Божьем». Слово Августина прозвучало тогда как слово надежды в общем хаосе, отчаянии и смятении. Он решительно отверг и высмеял мнение язычников о том, что христианство погубило Рим, — ведь общественные потрясения мир знал заочно до Христа.

Падение Рима должно, по Августину, лишь показать: «град земной» и все, что с ним связано, преходяще. Только Град Божий существует вечно. Что же такое *Град Божий*? Это всеобщее единство во Христе — то Царство Небесное, о котором возвестил Спаситель. Оно имеет двойной смысл: как идеальное Царство Духа и как высшая цель истории. С древ-

нейших времен история человечества представляла собой историю борьбы двух градов. Человеческий град полон лишь любви к себе, это град цивилизации и всего земного; Град же Божий целиком живет в свете Истины. В драматической борьбе Град Божий преодолевает ограниченность града земного. Церковь, воплощение Града Божьего, странствует по земле, одухотворяя ее, освящая град земной.

В сущности, полагает Августин, любые мечты о Церкви как о некоем завершенном, идеальном христианском обществе останутся мечтами. Становление Града есть реальный процесс, но только как подготовка будущего Царства. Полноты бытия можно достигнуть, лишь освободившись от оков падшей человеческой природы. В момент всеобщего отчаяния Августин показал, что с при-

шествием Христа история не кончилась — началась новая эпоха. Так он вселил надежду в христиан Запада, одновременно указав Церкви на ее великую задачу.

Эфесский и Халкидонский Соборы

Августин умер в 430 г. Церковь переживала глубокий кризис, совпавший с завершающим этапом истории древнего мира, — кризис, в ходе которого на III и IV Вселенских Соборах оформились и закрепились основные вероучительные положения Церкви. Тогда же определились формы церковной жизни на Востоке и Западе.

Этот этап в жизни Церкви характеризуется тесной взаимосвязью общественно-политической и религиозной сфер. В решительный момент нашествия варваров Церковь оставалась, по словам Амвросия Медиоланского, «неподвижной среди волнений мира. Волны разбивались о нее, не будучи в состоянии покачнуть». Чтобы сохранить

Папа Лев I Великий
направляется на встречу с Атилиой.
Рафаэль.
Фреска. 1511–1514 гг.

такую непоколебимость в условиях краха империи, церковной организации необходимо было превратиться в единую, жестко централизованную иерархическую структуру. Образцом для подобной централизации послужила римская императорская власть.

В царствование довольно безвольного императора Феодосия II Калиграфа Византийским государством фактически руководила его сестра Пульхерия, энергичная, умная и глубоко верующая женщина. Свою главную опору Пульхерия видела в Церкви, которую должен возглавлять преданный и волевой иерарх. Таковым ей представлялся Несторий, который занял патриаршую кафедру Византии в 428 г. Это был один из образованнейших людей своего времени, решительный и обладающий даром красноречия. Заняв патриарший престол, он мечтал о возвышении его до уровня римской кафедры.

Однако вскоре личность Нестория стала причиной разгоревшихся догматических дискуссий. Будучи воспитанником Антиохийской школы, Несторий говорил, что Пресвятая Дева Мария не может именоваться Богородицей. Поскольку Мария была человеком, а Богу от человека родиться невозможно, то так называть Марию неприемлемо. Однако понятие «Богородица» было уже достаточно популярным в народе. Оно получило поддержку и со стороны традиционных соперников Антиохийской школы — александрийских богословов, и прежде всего Кирилла Александрийского. Горячо отстаивая положение православного учения, Кирилл, известный своей бескомпромиссностью, порой проявлял нетерпимость к мнению оппонентов и даже агрессивность. К тому же не лишенный честолюбия, он желал усилить влияние александрийской кафедры за счет Византии. Спор о Богородице положил начало более обширной полемике, коснувшейся различных догматических положений.

Учение Нестория было признано еретическим. Ученые до сих пор спорят о том, насколько оно было таковым на самом деле. Фактически значительные расхождения между спорящими сторонами явились результатом неточной терминологии, да и сами споры в большой мере были

многие церковно-политическими причинами. Во всяком случае, в последующие века отношение к Несторию изменилось, и он получил признание как честный и искренний христианский мыслитель, пусть в чем-то и ошибавшийся.

Выпустив ряд открытых писем против Нестория, Кирилл заручился поддержкой папы Целестина, и император Феодосий вынужден был прислушаться к их совместным заявлениям. В 449 г. в Эфесе, в храме Богоматери, был созван Собор, получивший название III Вселенского.

Антиохийское духовенство во главе с епископом Иоанном, естественно, желало оправдать Нестория, но антиохийцы не успели приехать на Собор вовремя. Кирилл поспешил открыть сольные заседания без восточных епископов. Будучи не особенно разборчивым в выборе средств, Кирилл сделал все, чтобы его линия восторжествовала. Несторий был низложен. В Константинополе Иоанн, епископ Антиохийский, подал апелляцию императору, жалуясь на незаконность действий Кирилла и его сторонников. В итоге Иоанн созвал свой, альтернативный собор, получивший название «соборика». Началось страшное смятение.

Спор должен был решить император. Но Византия приняла сторону Кирилла. Население же также было на его стороне — и в результате смещение Нестория с кафедры было подтверждено. Тем не менее восточно-сирийские общины продолжали держаться учения Нестория и создали свои самостоятельные общины. Это явилось первым толчком к разделению внутри восточного христианства.

Прошло около 20 лет, но внутрицерковная борьба не утихла. В эти годы окрепла новая течения — монофизитская. Ее сторонники признавали лишь одну природу Христа, Божественную, отрицав полноту Его человеческой природы. Они считали, что Божественная природа поглотила в себе человеческую. В то время самой авторитетной фигурой на европейском Западе был папа Лев Великий. Под влиянием папы император Валентинианом был издан эдикт о созыве в 451 г. в Халкидоне Собора для решения всех догматических и церковных вопросов.

Лев Великий, папа римский.

В честь этого святого родители дали имя Льву Толстому. Этой иконой его благославляла бабушка.

Значение Халкидонского Собора, получившего название IV Вселенского, поистине огромно. На нем была окончательно утверждена богословская формула, отражавшая единство во Христе Бога и человека. Это единство было понято как ипостасное (нераздельное и неслиянное) соединение.

Философы.

Фреска. XII в. Фрагмент

Именно на этом Соборе, как мы уже указывали, был утвержден тот Символ веры (так называемый Никео-Константинопольский Символ веры), который и по сей день исповедует православная Церковь. Тем не менее Халкидонский Собор отрицательно сказался на единстве восточного христианского мира. После уже упомянутого отделения восточно-сирийской, «несторианской», Церкви решения Халкидонского Собора не были приняты армянской, сирийской (яковитской), египетской (коптской), эфиопской и индийской церквями. Эти церкви получили название *нехалкидонских*. Часть из них остались влиятельными по сей день, а от некоторых сохранились только немногочисленные общины. Византийская же и Римская церкви, принявшие решение Халкидонского Собора, называли себя *православны-*

ми, подчеркивая приверженность древнему *правому* (правильному) апостольскому учению.

Хотя это разделение и не имело таких последствий для христианского мира, как последующий великий раскол 1054 г., все же единство Восточной Церкви в определенной степени оказалось подорванным, что сказалось на ее дальнейшем историческом пути.

Однако после тяжелой и напряженной борьбы, полной ярких побед и горестных поражений, сопряженных с потерями, Церковь все же сохранила главное — она осталась носителем идеи Богочеловечества, призванной преобразить мир. А человечество вступило в новую эпоху, не менее противоречивую и трагическую, — эпоху Средневековья.

III. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Следние века, то есть период от гибели Рима до Реформации и Возрождения (ученые до сих пор спорят об определении этого понятия и исторически границ Средневековья) — чрезвычайно сложный и противоречивый период в истории христианства. В этот период окончательно разделились Восточная и Западная Церкви, появились самостоятельные пути развития, сложилась структура церковного управления, утвердились догматы и формы взаимоотношений Церкви и государства. Деятельность Церкви во всех ее аспектах получила юридическое оформление; духовная жизнь стала документироваться четкими канонами. Но все экономические и социальные изменения оказали огромное влияние на культурное развитие стран,

вошедших в состав бывшей Римской империи. Естественные науки, поэзия, философия, искусство переживали невиданный подъем. Средневековье оставило нам величайшее культурное наследие. Оно легло в основу нынешней цивили-

зации, которую принято называть христианской. Однако развитие средневекового общества вовсе не было однозначным. Так, наряду с величайшими достижениями не менее очевидны те поистине уродливые явления, которые оно породило. В самом мировоззрении Средних веков (часто отождествляемом нынешними любителями «старинны» с истинным христианством), по существу, и кроется причина появления ложных и нехристианских элементов, которые впоследствии впитала европейская культура.

Кельтский крест

ЗАПАДНОЕ ХРИСТИАНСТВО В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Благовестие нехристианским народам

К началу V в. в христианство было обращено, по-видимому, не менее двух миллионов человек. Представители уже окрепших первых христианских церквей Рима, Константинополя, Малой Азии направлялись в самые отдаленные края, чтобы нести народам Радостную Весть.

Около 300 г. крестился правитель Армении Тиридат и на армянский язык был переведен Новый Завет. Армения стала первым государством, официально провозгласившим себя христианским.

При Константине Великом христианство распространилось в Эфиопии, Грузии и даже Индии. Многочисленные христианские общины стали появляться на западе — в Италии, Карфагене — и на юге Европы. На Эльвирском Соборе 300—306 гг. присутствовали делегаты из южной Европы, в частности из Испании. В том же IV в. христианские проповедники развернули широкую деятельность на севере Африки.

Особое значение для судеб Западной Церкви имел процесс христианизации Британских островов и Центральной Европы. Известно, что епископы-кельты представляли Британию уже на церковном Соборе 314 г. Еще до вторжения западных готов в Римскую империю среди них началась миссионерская работа, неразрывно связанная с именем посвященного в готские епископы христианина-арианина Ульфилы (ок. 311—383), который перевел на готский язык Священное Писание. Его служение оказалось очень успешным: среди готов, вошедших в Рим, было уже немало христиан. Много сделал для распространения Евангелия среди тевтонских племен Мартин из Тура (ок. 317—397). Его миссия была особенно важна для Западной Церкви, которой угрожали набеги воинственных тевтонов. Однако уже в миссии Мартина Турского проявилась нетерпимость, чуждая духу Евангелия. Мартин объединил подчиненных ему монахов в отряды, кото-

рые разрушали и сжигали языческие капища. На протяжении последующих веков христианскому миссионерству будет часто сопутствовать практика крещения «огнем и мечом».

Показательными в этом отношении являются также обращение и деятельность короля Хлодвига (481—511) — первого франкского короля,

Вестготская вотивная корона.

VII в.

принявшего христианство. Обращение Хлодвига произошло при следующих обстоятельствах. Перед битвой с адеманами, одним из германских племен, Хлодвиг, потеряв надежду на помощь «родных» богов, воззвал ко Христу: «Если ты поможешь мне победить врагов и если я на деле испытаю Твое могущество, то я уверую в Тебя и

своему крещению во имя Твое». Он победил, а затем под влиянием святителя Ремигия и своей жены в 496 г. принял христианство. Теперь участвуя в междоусобных войнах Хлодвиг обосновал иначе: так, он двинул войска на Алариха, сражаясь на арианство последнего. Результатом миссионерской деятельности среди франков, какими бы методами она ни проводилась, было вхождение почти всей Галлии (территория нынешней Франции) в христианскую Церковь.

Уникальную роль в развитии западной христианской культуры сыграли ирландские монастыри. Считается, что христианство в Ирландию принес св. Патрик (ок. 389 — ок. 461), который переехал туда из Британии в возрасте 16 лет. Жители Ирландии исповедовали религию друидов — сложный конгломерат пантеистически-языческих представлений. С 432 г. по 461 г. Патрик благовествовал среди ирландских кельтов и, несмотря на противодействие местных жрецов, сделал Ирландию опорой кельтского христианства. Позже ирландские монахи, как наиболее подготовленные и образованные, направлялись в разные страны европейского континента, чтобы распространять Евангелие. Сами же ирландские монастыри стали основными «книжными» центрами раннего Средневековья на Западе, где хранились, переписывались и изучались древние рукописи.

Завоевание варваров

После разрушения Рима перед Церковью встала задача приобщить варваров к христианству, привести их к истинной вере и вселенскому единству. Церковь и здесь столкнулась с трудностями.

С одной стороны, варвары, которые уже приняли христианство (например, готы), держались преимущественно арианства. Это еретическое учение, более рационалистическое по сравнению с православным и соответственно более доступное простому человеку, утвердилось среди готов особенно прочно — тем более, что их просветителем Ульфилы был арианином.

С другой стороны, подлинное принятие Евангелия требовало перерождения человека, очищения и нравственного очищения. Для об-

разованных язычников поиск религиозных и этических основ жизни был естествен: многие из них ощущали острое противоречие между традициями отцов и подлинным идеалом. Часто в процессе длительных духовных поисков они приходили к Единому Богу во Христе. Подобная раздвоенность была чужда миру варваров. Вольные дети лесов — готы, лангобарды, франки — не признавали никаких правил и ограничений в удовлетворении своих желаний. «Они не знают никаких приказаний, никакого управления, но делают все по своему произволу», — писал о германцах Тацит. Примитивное право и дикарская мораль, разумеется, не способствовали их нравственному прогрессу и пониманию духа и задач христианства. Понятие добродетели для них сливалось с понятием силы. Таким образом, индивидуализм и господство сильного определяли мировоззрение варваров.

Что касается религиозных верований варваров, то они представляли собой смесь грубого пантеизма и наиболее примитивного язычества. Древние германцы верили в грозного бога Водана, который носился по лесам в сопровождении воинственных дев-валькирий. Другой бог, неудержимый Тор, гремел в небе и насылал на землю дожди. Жизнь богов, по представлениям германцев, проходила в битвах и оргиях. Люди верили, что леса населяют гномы, эльфы и ведьмы, а в жилищах обитают домовые. По всей Северной Европе почитались священные камни, деревья, рощи. Германцы были близки к природе, им трудно было расстаться с верой в природных духов. Если античный пантеон исчез сам собой, то германские божества оставались жить в народном сознании.

Миссионеры, обращая варваров-язычников в христианство, не слишком заботились о глубине их обращения. Чтобы деятельность продвигалась успешнее, они сознательно или бессознательно шли по пути компромиссов: не отрицая языческих богов, они отождествляли их с демонами и населяли ими преисподнюю. Таким образом, старые языческие верования у миллионов новообращенных «христиан» не исчезли, а только видоизменились. Стала бурно развиваться демонология, когда бесы

надеялись космическими чертами языческих духов. И наоборот, многие мелкие божества незаметно приобрели статус святых покровителей.

Духовенство соответственно начало играть роль языческого жречества. Раннехристианское понимание роли пастыря как предстоятеля перед Богом за всю общину, облеченного правом совершения таинств, сменилось верой в то, что только через священника может происходить общение с Богом. Священнику стала приписываться особая магическая сила. Такое понимание роли священнослужителей не могло не сказаться на их морали. Духовенство в варварских странах в значительной своей части быстро превратилось в своего рода касту колдунов, алчных и властолюбивых деятелей.

Таким образом, христианизация Европы росла не столько вглубь, сколько вширь, за счет механического присоединения к Церкви населения новых земель. Любопытно, что при этом миссию распространителей христианства брали на себя не только духовные лица, но и вновь обращенные христиане из варваров — и в этой миссии роль креста, как уже указывалось, нередко выполнял меч. Тем не менее принятие христианства даже в такой форме имело большое значение для варварских народов Европы. Тот же Хлодвиг, хотя и представлял себе Христа кем-то наподобие Бога-воина, старался изменить свои языческие привычки и умерить свою жестокость. По сообщению епископа Григория Турского, он «приказал своим воинам никого не грабить ни на месте, ни в походе и не присваивать собственности чьей бы то ни было».

Христианизация Европы создавала единую основу для возрождения цивилизации, рухнувшей вместе с Римской империей. Христианство становилось тем религиозно-идеологическим фундаментом, на котором строились новые экономические отношения. Однако, будучи фактически двоеверием, христианство полуязыческого образца не могло стать движущей силой подлинного духовно-культурного возрождения.

Духовенство все более проникалось светскими интересами. Подобно тогдашней знати, оно стало проводить время в пирах, на охоте и в вой-

нах. Образованность среди клира катастрофически падала, а алчность и распутство процветали.

В этот период особенно возросла роль монашества как носителя просвещения, как института, чуждавшегося мира и его соблазнов. Монашество было призвано стать оплотом Церкви в суровые дни раннего Средневековья. Однако в прежнем монашестве не было единого понимания цели и характера своего призвания. Оно не представляло единой духовной силы и было достаточно разобщено. Монашеству требовался новый устав, который бы строго регламентировал все стороны его жизни и четко определил его место в жизни Церкви и общества. Создать такой устав выпало на долю св. Бенедикта Нурсийского.

Святой Бенедикт Нурсийский (ок. 480 — ок. 543) и западное монашество

Монашество было главной опорой Церкви на Востоке. Точно так же стараниями Бенедикта из итальянского города Нурсии оно стало играть важнейшую роль в духовной жизни Запада.

Будучи еще совсем юным, Бенедикт вел аскетическую жизнь. Жил он в пригороде Рима. К 30 годам стал аббатом монастыря. Он повел решительную борьбу со злоупотреблениями и светскими нравами, которые к тому времени проникли за монастырские стены. Но монахи не собирались отказываться от сытой и удобной жизни. Бенедикту пришлось снова удалиться в места своих юношеских подвигов. Вскоре к пещере, где жил молодой отшельник, стали стекаться люди, жаждавшие духовного утешения. Многие из них селились здесь же, в той благодатной атмосфере, которая царила около св. Бенедикта. Так появилось несколько новых монастырей. Но не обошлось без интриг, и Бенедикт с несколькими друзьями около 520 г. переселился на гору Монте-Кассино. Там он начал активную миссионерскую деятельность и на месте храма Аполлона построил обитель, где прожил до конца дней. В этой обители он и создал свой знаменитый «Устав монастырской жизни».

Подобно восточным подвижникам, Бенедикт предписывал всем монашествующим заниматься физическим трудом. «Праздность есть враг

Св. Бенедикт Нурсийский.
Средневековая миниатюра

... — говорил он, — и вследствие этого братья должны заниматься разной работой, а в определенные часы — чтением священных книг». Бенедикт указал два основных занятия монахов: физический труд они должны были заниматься просвещением и духовным образованием, конечно, строго соблюдать часы молитвы. Устав св. Бенедикта был достаточно суров, что соответствовало задачам монашества того времени. Многие его положения, кажущиеся ныне невероятно странными, вытекали из конкретных условий жизни. Так, монахи должны были спать лежа на спине и с ножами, заткнутыми за пояс, чтобы легко могли отразить внезапное нападение разбойников. Они должны были носить самую простую одежду, ограничиваться минимальным количеством еды. На сон отводилось только несколько часов: ночью монахи служили длин-

ные службы. Однако устав св. Бенедикта никак нельзя назвать жестоким и бесчеловечным. Он не содержит сверхтребований, характерных для раннехристианских аскетов, предписывает проявлять снисходительность к слабым братьям и чередовать труд с кратковременным отдыхом. В предисловии к уставу св. Бенедикт пишет: «Мы желаем устроить школу служения Господу, и мы надеемся, что в этом уставе не заключается ничего жестокого и тягостного».

Монашество, взявшее на себя большую ответственность и призванное играть важную роль в Церкви, должно было быть хорошо организовано. Поэтому св. Бенедикт разрабатывает иерархическую структуру монастырского служения, со строгим и беспрекословным подчинением служителей низшего ранга высшим. Бенедикт первым вводит монашеский обет, который, подобно воинской присяге, должен придать большую ответственность вступающему на путь служения и отречения от мира. Согласно уставу, настоятель монастыря не должен злоупотреблять своей властью. Рядовые монахи могут давать ему советы, и он обязан прислушиваться к ним.

Разработанный св. Бенедиктом устав значительно усилил монашество как главный оплот Церкви. Пройдет время, прежде чем монастырские правила, разработанные св. Бенедиктом, будут пересмотрены. Но для кардинальных изменений в жизни и практике Церкви требовались пастыри самого высокого ранга, которые соответствовали бы великим и далеко идущим христианским задачам. Именно таким пастырем стал папа Григорий I, названный впоследствии Церковью Григорием Великим.

Григорий Великий (ок. 540–604)

Монашество стало истинным очагом церковной жизни, и поэтому именно из монашеской среды выдвинулся молодой и талантливый клирик, которому под именем Григория I суждено было занять римскую кафедру и стать одним из самых великих пап в истории Церкви.

Григорий происходил из патрицианского рода Анициев, получил прекрасное образование и в молодости был префектом Рима. Но в нем

Григорий Великий.
Средневековая миниатюра

с ранних лет жило стремление к созерцательной и духовной жизни. Как говорит его биограф, «оставив внезапно светский образ жизни, он удалился в монастырь», вступив в орден бенедиктинцев.

Дарования Григория и его подвижническая жизнь обратили на себя внимание папы Пелагия II. Григорий был послан на несколько лет в Византию в качестве представителя римской кафедры. Борьба с ересями, отстаивание интересов Рима — все это блестяще удавалось Григорию. Но лишь тогда он чувствовал себя в родной стихии, когда, по собственному выражению, «бросал якорь у берегов молитвы, в то время как волны светской жизни обуревали его душу». В 585 г. Григорий вернулся в Рим и стал аббатом монастыря. Когда в 590 г. умер папа Пелагий, сенат, народ и клир единодушно возвели всем

известного аббата на кафедру св. Петра. Григорий противился избранию всеми силами, но все же ему пришлось согласиться стать новым папой. Нелегко пришлось ему на высоком посту. Впоследствии Григорий с грустью заметил: «Постоянно я силился отказаться от мира, от плоти, чтобы духовно созерцать небесное благословение... Но буря искушений мгновенно низринула меня в пучину тревоги и страданий». Действительно, ситуация была крайне сложной. Мы уже знаем, как новообращенные страны возвращались во тьму язычества, как оскудевали в них духовная жизнь и просвещение. Церковь на Востоке все более подчинялась византийскому императору и одновременно теряла связь с германизированным Западом.

Достижение единства Церкви, хотя бы внешнего, становилось первоочередной задачей. Григорий сознавал, что его дарования могут способствовать ее решению. Тем не менее он был далек от политических крайностей большинства своих преемников и как монах на первое место ставил духовные ценности. «Другие первосвященники, — писал о нем знаменитый средневековый историк Беда Достопочтенный, — обращались к тому, чтобы строить и украшать церкви золотом и серебром, он же был весь предан заботам об обогащении души». Глубокое личное смирение и доброта почти никогда не покидали Григория, и в том, что он именовал себя «рабом рабов Божиих», не было никакой фальши — Григорий действительно чувствовал себя призванным служить своим братьям во Христе.

Однако глубокое стремление к единству Церкви не мешало Григорию I отстаивать примат (приоритет) своей кафедры. Град Божий виделся ему единой Церковью, которую он предполагал достичь традиционными методами — продолжением объединительных традиций Римской империи. Естественно, что Рим в его глазах являлся центром и главой христианского мира. И когда византийский патриарх Иоанн стал именовать себя вселенским епископом, Григорий искренне возмутился. В письме к императору Маврикию он с гневом замечает: «Петр получает ключи царства небесного и, несмотря на это, не называется все-

...апостолом, а святейший муж, сотоварищ... священству, Иоанн желает называться все... епископом!» Так стала зримо проявляться... за первенство между константинопольс... кафедрой, которая привела затем... последствиям.

Большое значение для христианства имело... Григория о священстве. Священник, по... должен жить в двух сферах: «стремясь... не оставлять и ближних своих». При этом... отличается от мирянина только готов... без остатка посвятить свою жизнь Богу:... не отрешился совершенно от земных... тот пусть отрывается принимать на себя... посредника или ходатая в Церкви Божи... Зависе представления о каком-то особом... пастыря над мирянином Григорий... отвергал: «Человек превознесен при... только над бессловесными животными, а... люди по природе одинаковы и рав... Однако эти важнейшие положения не на... понимания в средневековой церкви:... среди новообращенных христиан ран... Средневековья языческие представления о... как о некоем маге, имеющем... с Богом, сохранились вплоть до на... времени.

Значительный вклад, помимо объединитель... в Церкви, Григорий Великий внес в... монашества. Известна его миссионер... деятельность, прежде всего в Англии. Он... реформы в христианской литургии, на... духовно-нравственное руководство для па...

То же в деятельности Григория Великого... признано положительным. Прибегая... государства в попытках объединить... папа Григорий немало способствовал... за Церковью светской... превращению папского престола в воен... силу. Провозглашая равенство... и мирян, он в то же время своими... преобразованиями поднимал духо... на небывалую высоту, фактически наде... светской власти. К недостаткам Гри...

жение искусством, а также дохристианским фи... философским и литературным наследием. Тем не... папа Григорий был одним из наиболее вы... действующих деятелей Церкви, оставивших в ее... значительный след. Во многом именно бла... благодаря ему были очерчены дальнейшие пути раз... Церкви на Западе.

ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА

Цезарепапизм

В то время как Рим объединял под своим духов... началом среднюю и северную Европу, Ви... зантия стремилась к созданию Града Божия на... Востоке. Правители Византии видели себя на... наследниками римских императоров, а свое госу... дарство — огромной христианской империей по... образцу Римской. Это стремление, казалось, по... чти полностью осуществилось в царствование... императора Юстиниана (483—565).

Придя к власти в 527 г., этот император пра... вил «вторым Римом» до самой смерти. Человек... чрезвычайно честолюбивый, умный и образован... ный, он остался в истории христианства власти... телем, в значительной мере повлиявшим на судь... бы Церкви.

В первую очередь Юстиниан считал своей... задачей усиление военной и политической мощи

Император Юстиниан со свитой.
Мозаика. VI в.

Император Юстиниан.
Константинополь.
Мозаика. 986–994 гг.

Византии. В ходе завоевательных походов он покорил вандалов, разбил остготов; варвары потеряли северную Африку и значительную часть Испании. Ему удалось присоединить к Византии народы Балканского полуострова. Границы Византии стали приближаться к границам Римской империи. В своих эдиктах Юстиниан именовал себя императором франкским, алеманским и прочими титулами, подчеркивая свои претензии на господство в Европе.

Юстиниан прекрасно понимал значение церковного единства для укрепления имперской мощи. Будучи только соправителем Византии, он решительно боролся с монофизитами, в связи с чем наладил связи с римским папой Иоанном, которого с почетом встретил в своей столице. В 544 г. Юстиниан издал направленный против

монофизитов эдикт «Три главы». Внес он вклад и в опровержение несторианства.

По отношению к Церкви Юстиниан формально соблюдал принцип *симфонии*, предполагавший равное и дружественное сосуществование Церкви и государства. Однако, по существу, он достраивал то огромное здание имперского абсолютизма, необходимой частью которого должна была стать Церковь. Христианство было важно для Юстиниана только как инструмент укрепления византийской государственности. Соответственно император присвоил себе право свободно назначать и смещать епископов, устанавливать удобные для себя церковные законы. Иначе говоря, для Юстиниана роль Церкви сводилась к обслуживанию государства, и такое явление в истории получило название *цезарепапизма*. Формальное закрепление принципа цезарепапизма получил в знаменитом законодательном кодексе, который охватывал все аспекты жизни империи и получил название «Кодекса Юстиниана».

Искренне считая, что христианство и христианское государство можно укреплять силой, Юстиниан не останавливался ни перед чем. Через два года после своего вступления на престол он приказывает закрыть университет в Афинах. Он запретил евреям читать Ветхий Завет на древнееврейском языке. В своих указах Юстиниан заявляет, что «справедливо лишить земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу». Именно Юстиниану принадлежат печально знаменитые слова о еретиках: «С них достаточно и того, что они живут!»

Подобная религиозная политика Юстиниана мало соответствуя христианскому духу, порой и в практических делах приводила к результатам, на которые не рассчитывал император. Так, беспощадно борясь с еретиками, он и сам впоследствии был признан еретиком — его эдикт «Три правила» был осужден Константинопольским Собором 553 г. Юстиниан настроил против себя как многих восточных клириков, склонявшихся к монофизитству, так и папу на Западе. Именно это послужило в большой степени причиной разрыва Рима и Константинополя, который продлился до 610 г.

Цезарепапизм, родившийся еще в период первых Вселенских Соборов, все более завоевывал свое место в Византии. Он фактически парализовал духовную силу Церкви и почти лишил ее общественной социальной значимости. Церковь целиком растворилась в земных делах, обслуживая потребности правителей государства. В результате игра в Бога, духовная жизнь стали существовать автономно, отгородившись монастырскими стенами. Искренне верующие христиане вместо спасения мира бежали от него — как когда-то в древности первые монахи-анакореты. Отрыв же от жизни еще более усугубил печальное состояние византийского общества.

Византийские нравы

Византия претендовала на право преемника Римской империи и в определенном смысле добилась своего, — но не только в результате завоевания новых территорий. Византийский монарх обладал неограниченной властью, подобно римскому императору. Он стоял выше законов. Жители империи представляли собой «рабов его величества», а унижительные церемонии поклонения императору-христианину были скорее достоянием языческих царей Египта, считавших себя сыновьями богов. Деспотическое правление некоторых императоров превращалось в настоящее торжество террора, все более деморализуя общество и способствуя падению нравов. Духовные запреты и наказания оскудевали. Жители Константинополя проводили дни в цирке, где они в азарте делились деньгами, провоцирующие беспорядки и кровопролития. На ипподромах зрители яростно вопили: «Битродница, дай нам победу!»; нанимались гладиаторы, чтобы напустить порчу на коней. В цирке выступали артисты-мимы, изображавшие самые неприятные сцены и, не смущаясь, богохульничая. В городе процветали пьянство, разврат. Безудержной роскошью императорской знати и высшего духовенства соседствовала ужасающая нищета. Любовь к труду и общность интересов практически бы совершенно исчезли из народной жизни. Не раз во время уличных потасовок византийцы чуть ли не сжигали свою столицу. «Лен-

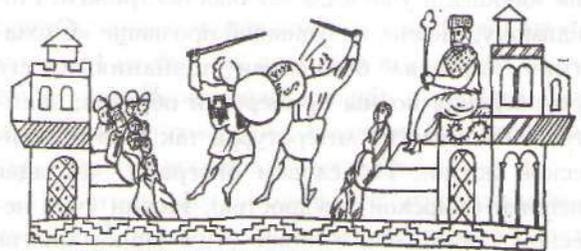
Императрица Феодора.
Скульптура. VI в.

тия и пролетарии из народа, — замечает византийский историк Лев Диакон, — имеют привычку во время смут обращаться к грабежам, поджогам домов и убийствам сограждан».

Представители Церкви выступали против этих бесчинств, но не находили поддержки в обществе. Распущенность нравов странным образом

Поединок на ипподроме перед императором.

Рисунок с миниатюры. XIII в.

уживалась с повсеместной внешней демонстрацией благочестия. Население Византии пело «Святый Боже» перед началом цирковых представлений и проявляло удивительную склонность к богословствованию. Так, по словам историка Агапия, толпы бездельников на базаре и в пивных рассуждали о Боге и Его сущности. По остроумному замечанию русского философа Вл. Соловьева, в Византии было больше богословов, чем христиан.

Отсутствие влияния Церкви на духовную жизнь общества привело к падению нравов византийцев. Над христианским миром, который хранил Божественные заповеди, но не исполнял их, уже нависала неизбежная кара. В 614 г. грозным предостережением стало символическое событие: персы взяли штурмом Иерусалим и увезли крест Христов в качестве трофея в свою столицу. Но это было лишь предвестием более важных событий, потрясших Византию и весь христианский мир.

Однако противоречивый характер христианства византийского образца принес не только отрицательные, но и положительные результаты. В стенах монастырей, где вынужденно сосредоточилась вся подлинно духовная жизнь общества, созрели замечательные плоды восточного христианства.

Подвижники Востока

Наиболее характерным и выдающимся представителем византийского монашества этой эпохи является Иоанн Лествичник (579–649). Происхождение его точно неизвестно. Из довольно скудной биографии Иоанна, написанной его современником Даниилом, мы узнаем, что он пришел в монастырь на Синае шестнадцатилетним юношей и уже в 20 лет был пострижен. По видимому, Иоанн, получивший прозвище «Схоластик», обладал большими познаниями: его произведения полны примеров и образов, заимствованных как из литературы, так и из практической жизни. По словам биографа, «обладая внешней (мирской) мудростью, Иоанн учил небесной простоте». Юноше-отшельнику многие

Иоанн Лествичник.
Икона. XIII в.

предрекали великое будущее; после продолжительного уединения он стал давать советы и наставления окружающим монахам и затем стал духовным руководителем иноческого общежития. О его жизни этого периода до нас дошло еще меньше сведений. «Спал он, — рассказывает Даниил, — столько, сколько было нужно, чтобы не повредило ему от бодрствования, а перед сном много молился и писал книги. Когда его учительская деятельность вызвала нарекания, он перестал наставлять иноков. Но, как только его попросили об этом, он начал снова держаться прежнего образа жизни».

Наибольшую славу Иоанну Лествичнику принесла его знаменитая книга «Райская лестница» — руководство для монашества.

Иоанн решительно разграничивает этику монашескую и мирскую. Монахов он, в сущности, выводит из жизни человечества, называя их жизнь «небесно-ангельской». К мирянам он почти не обращал своего слова: для них, по его мнению, достаточно исполнения основных моральных принципов. «Делайте все доброе, — увещевает он мирянина, — что можете делать, никого не упрекайте, не спорьте, не лгите, ни перед кем не возноситеесь, никому не питайте вражды, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милостивы. Если так будете поступать, то уже недалеко будете от Царства Небесного».

Другое дело — жизнь христианина-инока. Он требует от него гораздо большего. Ссылаясь на египетский пример с богатым юношей, Иоанн пишет, что если мирянину достаточно исполнять заповеди, то подвижнику нужно «оставить все», вести совершенно особый образ жизни, целиком посвятив ее Богу. Наставления монахов-аскетов, которые должны «бежать от мира и не оглядываться назад», — основная задача, которую поставил перед собой Лествичник. Однако его «Райская лестница» содержит положения, чрезвычайно важные и актуальные для всего христианского мира. Лествичник показал, что христианское покаяние и «отсечение своей воли» не есть работа перед людьми и Богом, а великий подвиг отречения своего эгоизма, своей самости. Оно ведет к достижению христианской любви, пониманию как выход за пределы человеческой ограниченности.

Главным и необходимым чувством для обретения святости перед Богом Лествичник называет «любовь Божия», или любовь к Богу. Это означает, что при осознании человеком величия и святости Божия он старается справедливо и объективно оценить себя и свои недостатки. «Солнечный луч, — пишет Иоанн, — проникнув через щель в доме, освещает все так, что видна тончайшая пыль, но не падает в воздухе: подобно этому, когда страх Божий приходит в сердце, то показывает ему все грехи». Самосовершенствование инока, по

Лествичнику, требует непрерывной духовной работы, преодоления своей греховности, последовательного восхождения по духовной «лестнице» на небеса — отсюда название его книги и именование Иоанна Лествичником, закрепившееся в церковной традиции.

Близким по духу к Лествичнику был палестинский отшельник св. Варсонофий Великий (ум. ок. 563 г.), родом египтянин. В молодые годы он жил в крупном городе, видимо в Александрии, знал несколько языков, был хорошо знаком с Библией и достаточно образован.

Избрав путь аскетического и мистического подвига, Варсонофий стремился максимально отречься от всего мирского. Начиная с 540 г. он жил в совершенной изоляции от внешнего мира. В суровой борьбе с собственными страстями и суровыми природными условиями Варсонофий закалял свой дух. «Если напишут тебе, — говорил он одному брату, — о тех искушениях, которые я вынес, думаю, что не вынесет этого твой слух, а, может быть, в настоящее время никто не вынесет».

Никто не допускался к нему, кроме единственного доверенного лица, через которого Варсонофий осуществлял духовное руководство большой монашеской общиной. Забота его о братьях и любовь к ним были столь велики, что Варсонофий молил Бога или принять их в Его Царство, или погубить и его самого. Хотя Варсонофий и не видел лиц послушников, он знал все нюансы их духовной жизни и в молитве принимал на себя тяжесть человеческих грехов.

Наивысшей целью подвижника (да и вообще каждого христианина) Варсонофий называет обретение путем внутреннего совершенствования Духа Божия. Дух Божий выводит человека на истинный путь.

Если под воздействием душевной болезни или гипноза человек может совершать поступки, на которые он не был бы способен в обычном состоянии, учил Варсонофий, то при стяжании Духа человек может созерцать невидимое, исцелять больных и даже воскрешать умерших.

По его словам, человек, достигший подобной духовной высоты, возвращается к Творцу,

Видение Иоанна Лествичника.
Мастерская Дионисия.
Миниатюра. XVI в.

становится «братом Иисуса». Однако путь этот уготован, по мнению Варсонофия, только избранным.

Ученик Варсонофия, авва (отец) Дорофей (ум. в 620 г.), записавший его поучения, в большей мере посвятил себя задачам социального служения, не пренебрегая и «внешними» вещами. Это касалось как его служения (например, стараниями Дорофея был устроен госпиталь), так и творчества: «Душеспасительные наставления» Дорофея в основном относятся к мирянам и лишены специально монашеской окраски. Монашество, по Дорофею, есть только один из путей христианского подвига. Подвижником можно назвать и богослова, и ученого, и борца за веру, и благотворителя, и миссионера, и проповедника христианской нравственности и, наконец, каждого христианина, который ведет ежечасную борьбу за господство своей духовной природы над физической.

Аскетизм, считает авва Дорофей, предполагает развитие воли как орудия для поддержания духовной сущности человека. Совесть, по его словам, есть первая предпосылка этой сущности, «естественный закон», позволяющий различать добро и зло.

Подобно многим подвижникам, Дорофей считает необходимым осознание людьми того факта, что кара за грех неотвратима. Но если на начальной стадии духовного развития страх возмездия играет важную роль, то по мере совершенствования человека страх исчезает. Дорофей приводит слова св. Антония: «Я уже не боюсь Бога, а люблю его».

Любовь к Богу и ближнему — это единое целое. Важнейшее положение христианского учения звучит у Дорофея еще более определенно, чем у его учителей: «Представим себе, что мир есть круг, центр которого Бог, радиусы — пути жизни

Когда люди приближаются к Богу, то они приближаются друг к другу». В этих удивительных прозрениях авва Доротея близок автору «Ареопагитик» — выдающимся философско-религиозным произведениям той эпохи.

Псевдо-Дионисий Ареопагит
(2-я половина V в.)

Достижения византийской литературно-философской мысли нашли свое воплощение в «Ареопагитиках» — произведениях, написанных от имени бывшего язычника Дионисия, который слышал проповедь апостола Павла в афинском ареопаже, принял христианство и стал первым епископом Афин.

Папа Иннокентий III
с теологами Бонавентурой и Фомой Аквинским.

Рафаэль.
Фреска. 1511–1514 гг.

Фома Аквинский.
Фреска

Судя по содержанию ареопагитик, они не могли быть написаны ранее 2-й половины V в. О настоящем авторе практически ничего неизвестно, поэтому в научной литературе его принято называть Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

Основная идея, лежащая в основе мирозерцания Ареопагита — Всеединство и Гармония, создаваемые мировой любовью, «святой любовью, которая есть сладостное изливание невыразимого единства и не признает ни начала, ни конца. Это как бы вечный круг, в котором добро служит одновременно и плоскостью, и центром, и радиусом, и окружностью».

Человек в своем ограниченном бытии может и должен приобщиться к великому «кругу любви», который есть Божественное бытие. Но пути приобщения к этому бытию различны. Ареопагит выделяет три возможных пути:

первый путь состоит в познании благодати Божьей, которая символически отражена в Священном Писании;

второй путь лежит через изучение тварного мира, на котором запечатлена Божественная любовь. Любовь Бога воплощается в красоте: «Материя, получив существование из прекрасного по существу, сохраняет в распределении своих частей некоторые следы постоянной Красоты». Продолжая развивать основную идею христианства,

Архиепископ Максимиан.
Мозаика. VI в.

идею обожения мира и плоти, Ареопагит полагает, что материя как создание Божие участвует в творении добра. Отсюда, по мысли Дионисия, недопустимо пренебрежение проблемами общества, которое было свойственно современному ему византийскому христианству;

третий путь — это путь христианского совершенствования или «делания» — высший и наиболее трудный. Он требует от человека полного отречения и от себя, и от всего земного. Человек должен избавиться от материальных ощущений и представлений. Он должен полностью отрешиться не только от законов мира, но и разума, ибо Высшее невыразимо. «Абсолютное и блаженное незнание и составляет знание Того, Кто превышает все объекты человеческого знания», — говорит Псевдо-Ареопагит. Только достигшему полного «незнания» человеку удастся познать Бога,

Который таинственно снизойдет в его душу. Таким образом, Псевдо-Дионисий впервые стал разрабатывать тему христианской мистики как таковой. Он первым окончательно оформил воззрения на христианское богослужение как на сложную систему символов и священнодействий, выражающих скрытые Божественные тайны.

Мистика Ареопагита имела особое значение для жизни восточной Церкви. Большую популярность она приобрела не только благодаря своей глубокой философской основе. Она как бы обосновывала оторванность религиозно-монашеского служения от общественной жизни Византии, одновременно предлагая путь духовного возвышения — не только отдельного человека, но и земной Церкви в целом.

В результате практика отречения и мистического постижения Абсолюта, ставшая уделом исключительно монахов и почти неизвестная простому византийцу, стала господствующей в византийской Церкви. Различные ее аспекты выражены в сочинениях, составивших ареопагитику: «Об именах Божиих», «О таинственном богословии», «О небесной иерархии» и некоторых других. Их содержание повлияло на средневековую христианскую мысль. В период борьбы с ересями — монофелитством и иконоборчеством — выдержки из сочинений Ареопагита зачитывались на Вселенских Соборах. В VIII, IX и последующих веках у него черпали идеи выдающиеся христианские мыслители как Востока — Иоанн Дамаскин, Исаак Сирийский, так и Запада — Ансельм Кентерберийский, Бонавентура, Фома Аквинат.

Церковное искусство Византии

Среди замечательных достижений византийского христианства одно из первых мест по праву занимает церковное искусство, впитавшее в себя глубокую веру, тонкие богословские построения и высочайшее художественное мастерство.

В 537 г. в Константинополе состоялось торжественное освящение собора св. Софии. Создание этого шедевра византийского зодчества было поистине знаменательной страницей в истории Церкви. Его грандиозная архитектура, гениаль-

...вешая в себе идею христианства, была по-
...на застывшему гимну во славу Творца. Див-
... мозаики, сверкающий самоцветами алтарь,
...вские арки, как бы висящие в воздухе, сол-
...ные лучи, проникающие через многочисленные
... — все это делает собор величайшим храмом
...византизма, в котором воплотилось во всем своем
...восточно-христианское искусство.

Храм св. Софии производил и поныне про-
...водит необыкновенное впечатление. Недаром
...восторженные описания и оды.
...собирались церковные соборы, совершались
...торжественные богослужения. На ки-
... князей в период их обращения в христи-
... оказали влияние величие и красота собо-
... Софии.

...прекрасных памятников церковной
...византийские мастера оставили нам
...образцы мозаики, такие,
...в императорском дворце в Константинополе
... (VI в.), в церквах Сан-Витале и Сан-Апол-
... в Равенне (VI в.). При всем богатстве и
...образии красок они удивительно гармонич-
... На фресках в Равенне мы видим шествую-
... процессии святых жен, экспрессивные фи-
... пророков со свитками, Моисея в
... могучего юноши среди диких скал, анге-
... крыльями. Несколько вытя-

Императрица Феодора со свитой.

Мозаика. VI в.

Храм св. Софии в Константинополе.
532–537 гг.

нутые фигуры на золотом фоне, огромные за-
думчивые глаза, застывшие позы придают изоб-
ражениям особое обаяние. Фигуры статичны, но
ощущение непреходящего, вечного передано с не-
обыкновенной силой.

Характерная черта византийского искусства — ослепительная роскошь. Мастера использо-
вали в своих работах баснословное количество
мрамора, эмали, драгоценных камней и золота. На
раннем этапе его развития роскошь художествен-
ных произведений сочеталась с ювелирным мас-
терством их исполнения. Впоследствии, к сожа-
лению, эта традиция породила многочисленные
безвкусовые произведения, словно соревнующиеся
в количестве затраченного на них драгоценного
металла.

Не менее замечательным было искусство
миниатюры, получившее в VI в. широкое распро-
странение. В миниатюрах, иллюстрирующих ма-
нускрипт Космы Индикоплова «Христианская
топография», мы видим легкие, изящные фигуры
святых и пророков с идеальными пропорциями и
неповторимыми чертами каждого изображенного
персонажа.

Влияние искусства Византии на искусство
последующих веков было огромным. Его черты
прослеживаются в соборе св. Марка в Венеции, в
ахенском соборе в Германии, в соборе св. Софии
Киевской и произведениях, созданных мастерами
других стран.

ИСЛАМ И ЗАВЕРШЕНИЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

Глубокий кризис, в котором пребывало византийское общество, имел для него тяжелые последствия. Лишенное духовной опоры, оно разлагалось во всех сферах и прежде всего в той, которую с ужасом и презрением отвергало византийское христианство, — сфере общественно-политической. И именно отсюда возникла угроза самому христианству. На аравийских просторах родилась новая религия — ислам, которая быстро завоевала множество сторонников и превратилась в главного противника христианского мира. Рождение ислама неразрывно связано с именем его основателя — арабского пророка Мухаммада.

Мухаммад (ок. 570—632) и экспансия ислама

Мухаммад родился в городе Мекке. В юности он занимался торговлей, а женившись на богатой вдове, смог много времени посвящать размышлениям о религии. Будучи духовно одаренным и впечатлительным человеком, Мухаммад пережил несколько видений, которые стали для него откровением свыше. Однако он долго сопротивлялся призывавшему его голосу и даже замыслил самоубийство. Лишь в 610 г., в сорокалетнем возрасте, Мухаммад впервые выступил в Мекке как пророк, но особой популярности не снискал. Гораздо больший успех его проповеди имели среди паломников, прибывших в Мекку из Медины. Это

Город Мекка.

Камень Кааба во дворе мечети

усилило враждебность к Мухаммаду местные жители, и в 622 г. он был вынужден с ближайшими сподвижниками бежать в Медину, где возглавил религиозно-политическую общину. В начале духовные помыслы Мухаммада были устремлены к Иерусалиму. Евреи диаспоры, проживавшие в Мекке, также устремляли свои взоры к этому святому городу, однако Мухаммад не нашел у них поддержки, и поэтому статус священного города он перенес на Мекку.

Поставив целью искоренить язычество в родном городе, Мухаммад, возглавлявший уже большое число сторонников, объявил жителям Мекки священную войну (джихад). После многочисленных сражений, проходивших с переменным успехом, Мекка наконец в 630 г. была повержена. Мухаммад вернулся в Медину, где и скончался через два года.

Будучи с юности знаком с иудаизмом и христианством (в его монофизитской форме), Мухаммад соединил положения этих религий в своем учении. При этом он лишил иудаизм присущей ему национальной окраски, а из христианства исключил идею троичности и искупления по благодати. Осознавая себя посланником и доверенным Бога, он начал проповедовать новую религию — ислам. Долг человека, по Мухаммаду, — всеми силами стремиться исполнять Закон Бога, всецело ему подчиняться.

Нравственные законы рисовались ему в виде простых и естественных ограничений человеческих страстей.

Властная и могучая натура, Мухаммад, по мере роста числа своих сторонников, все более проникается политическими задачами и целями. Он объединяет многочисленные арабские племена в единый народ и ставит перед ним задачу подчинить мир истинной религии — исламу. Безгранично преданные своему пророку, полные энтузиазма и энергии, арабы быстро стали грозными врагами ближайшего соседа — Византии.

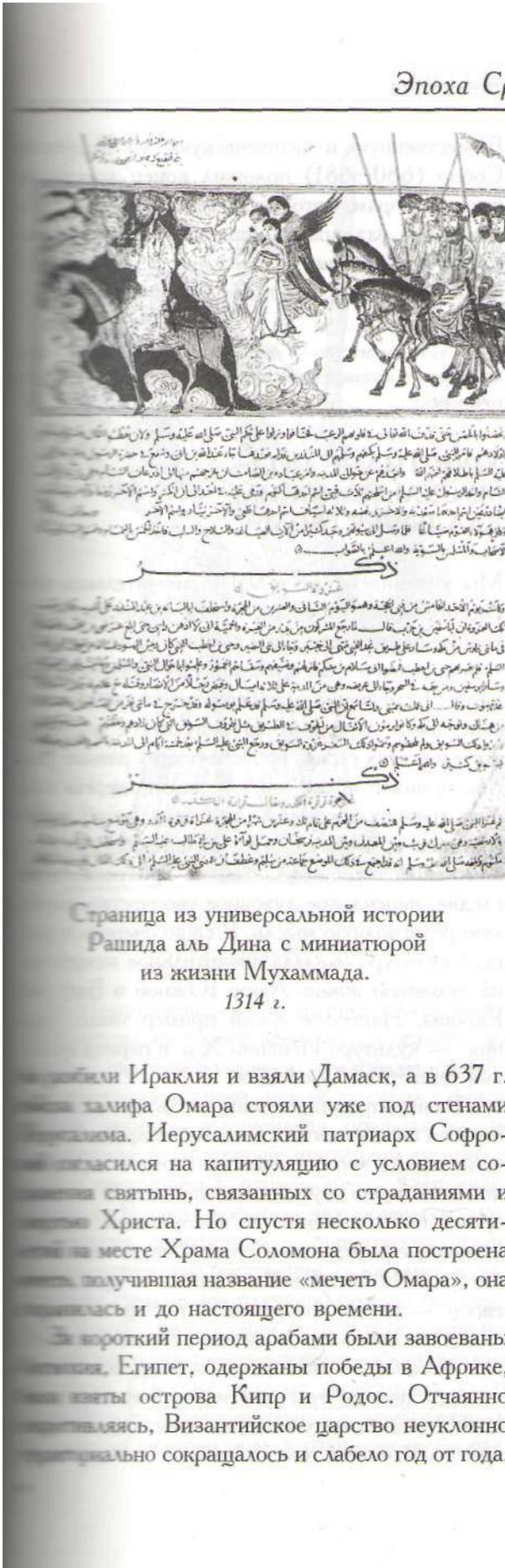
При дворе правившего в то время Византией императора Ираклия становление новой силы в Аравии поначалу приветствовалось, так как император надеялся через нее ослабить позиции главного врага — персов. Однако уже в 633 г. ара-

Монофелитство и борьба с ним. Латеранский и VI Вселенский Соборы

Население восточных христианских провинций приветствовало приход арабов. С одной стороны, это объяснялось сильным влиянием монофизитской ереси на христиан Армении, Персии, Аравии и близлежащих стран, с другой — близостью монофизитства к воззрениям ислама. Положение императора Ираклия было отчаянным, и тогда умный и энергичный патриарх Константинопольский Сергей предложил ему сделать уступку восточным странам и установить союз (унию) с господствовавшими там монофизитами. В 638 г. Ираклий обнародовал «Изложение веры», в котором предлагал христианскому миру признать во Христе две природы, но единую Божественную волю. Таким образом, старая монофизитская ересь об одной Божественной природе во Христе была преодолена, но ценой появления новой ереси, которая получила название *монофелитства*¹. Суть новой ереси, по существу, оставалась той же — Божественное во Христе подавляло человеческое. В итоге церковное учение о Богочеловечестве Спасителя оказывалось выхолощенным. Новые догматические положения, призванные сплотить христианский мир перед лицом грозного ислама, вызвали яростные споры и ожесточенное сопротивление части православных, но, по горькой иронии судьбы, они не улучшили политического положения Византии.

В 647 г. Константинопольский патриарх Павел и император Констанс II подготовили эдикт, который под угрозой самых суровых наказаний запрещал вести какие-либо богословские споры о волях Христа. Фактически этим эдиктом подтверждалась неизбежность монофелитской ереси.

В результате богословских уступок еретикам на Востоке защитниками православия оказались лишь небольшие группы наиболее последовательных и стойких христиан. Их возглавил монах, личный секретарь императора Максим, вошедший в историю Церкви под именем св. Максима Исповедника (ок. 580—662). Горячее содействие в защите православных взглядов Максиму оказывал другой выдающийся святы-

Страница из универсальной истории Рашида аль Дина с миниатюрой из жизни Мухаммада. 1314 г.

Ираклия и взяли Дамаск, а в 637 г. халифа Омара стояли уже под стенами Иерусалима. Иерусалимский патриарх Софроний согласился на капитуляцию с условием сохранения святынь, связанных со страданиями и смертью Христа. Но спустя несколько десятилетий на месте Храма Соломона была построена мечеть, получившая название «мечеть Омара», она сохранилась и до настоящего времени. За короткий период арабами были завоеваны Сирия, Египет, одержаны победы в Африке, взяты острова Кипр и Родос. Отчаянно сопротивляясь, Византийское царство неуклонно сокращалось и слабело год от года.

тель, беззаветно преданный делу Церкви, папа Мартин I, занимавший римский престол с 649 по 655 г.

После долгих лет безуспешной борьбы Максим в 680 г. выехал из Византии на Запад, надеясь найти опору в Риме. Папа Мартин I, поняв всю серьезность сложившегося положения, созвал в Латеране Собор, фактическим руководителем которого стал Максим Исповедник. На Соборе были зачитаны сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, в которых блестяще обосновывалась идея святости и божественности материи и твари, говорилось о том «благодатном обожении, ради которого все существующее строено и пребывает». Это стало одним из весомых аргументов против еретиков, стремившихся через умаление человеческой воли Христа унизить тварную природу человека. Сам Максим решительно заявил, что «во Христе соединились два естества, и из них составилась сложная ипостась, сохраняющая в себе обе природы, из которых сложена, невредимо как целое». В итоге участники Собора единодушно отвергли новую ересь.

Результаты Латеранского Собора были расценены в Византии как государственная измена. В Рим послали солдат, которые ворвались в храм, арестовали папу Мартина I и привезли его в Константинополь, откуда он был сослан в Херсонес, где и умер в 655 г. Св. Максима сослали в суровую Скифию, где он «пробыл до конца своих дней» (ум. в 662 г.).

Казалось, что упорство защитников православной веры сломлено: даже римские папы — преемники мужественного Мартина I — перестали протестовать против богословских нововведений. Однако в 668 г. на византийский престол взошел император Константин Погонат. Не склонный к монофелитству, он обратился к папе с просьбой прислать делегацию в Константинополь для обсуждения и мирного разрешения продолжающих волновать Церковь проблем, а позже, в 680 г., манифестом императора был созван Вселенский Собор.

После длительных дебатов участники Собора окончательно осудили монофелитскую ересь, признав у Спасителя две природы и две воли —

Божественную и человеческую. VI Вселенский Собор (680—681) положил конец христологическим спорам, которые на протяжении нескольких веков раздирали Церковь. Однако Церкви предстояло пережить еще одно испытание: преодолеть новую ересь, имеющую иные корни.

¹ Монофелитство — еретическое учение, последователи которого исповедовали наличие лишь одной воли в Божестве.

ХРИСТИАНЕ ПОД МУСУЛЬМАНСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Мы уже знаем, что в VII в. значительная часть Византийской империи, в том числе многие духовные центры христианства, оказались на территории, захваченной арабами. Постепенно начался процесс смешения арабских завоевателей с подвластными народами. В результате множества жителей этих стран, исповедующих разные религии, приняло ислам, но и ислам подвергся влиянию древних традиций. Так создавалась многогранная и богатая мусульманская культура, впитавшая в себя византийско-христианское наследие, персидское духовное творчество, еврейскую религиозную мысль. В свою очередь и арабская культура оказала значительное воздействие на духовную жизнь Азии, Южной и Восточной Европы. Наиболее яркий пример такого влияния — культура Испании X в. в период правления династии Омейядов.

Взаимопроникновению культур в немалой степени способствовал достаточно продолжительный период веротерпимости (хотя и ограниченной), которую мусульмане проявляли в первое время по отношению к покоренным народам. Основные религиозные группы захваченных территорий Византийской империи — христиане и евреи — имели возможность посещать храмы и синагоги, свободно молиться. Именно в период мусульманского господства зародились и пережили расцвет центры христианской культуры, давшие Церкви плеяду замечательных подвижников, писателей, поэтов, мыслителей.

Мусульманские воины

В Месопотамии, этом древнем очаге мировой культуры, на родине вавилонской религии, ассирийской, еврейской мистики — каббалы, сирийского мистицизма снова, как во времена Ефрема Сирина, закипела интенсивная духовная жизнь. Древний восточный мистицизм сочетался с тяготением к рационализму. Непреодолимым на Востоке ереси — несторианство, монофелитство, монофелизм — ориентировались на антигностические построения, склонялись к рациональным схемам. Не случайно особую популярность приобрели творения Аристотеля, рационалистическая основа которых противопоставлялась идеализму Платона. Труды Аристотеля стали переводиться на арабский язык и комментировать, сыграло важную роль в развитии философских

ких и естественнонаучных знаний на Востоке. Благодаря латинским переводам Аристотеля наследие великого греческого мыслителя оказало влияние на всю последующую европейскую философию.

В Дамаске, одном из крупнейших арабских центров, почти вся интеллектуальная и художественная элита состояла из византийцев-христиан. Халиф Валид I, которому принадлежит инициатива создания первых значительных произведений арабской архитектуры, пользовался услугами христианских мастеров. Например, Омейядская мечеть в Дамаске, построенная Валидом, показывает, что мусульманское искусство своим становлением в значительной мере обязано искусству византийскому. Так, в декоративном оформлении мечети нет еще тех замысловатых узоров (арабесок), которые столь характерны для последующего искусства ислама; колоннада также носит ярко выраженные византийские черты.

Не меньшее влияние на ислам христианство имело и в других сферах. Так, известно, что финансовыми делами Валида I управлял грек, ревностный христианин; сын этого грека, Иоанн, после смерти отца стал губернатором Дамаска и первым министром халифата.

Подобная терпимость способствовала развитию христианской культуры, которая переживала в это время расцвет. Наиболее ярко это проявилось в творчестве двух великих христианских мыслителей — святых Исаака Сирина и Иоанна Дамаскина.

Исаак Сирин (ум. ок. 700 г.)

Св. Исаак родился в Ниневии. В ранней юности он удалился вместе с братом в монастырь Мар-Матфея. Но даже строгая монастырская жизнь не удовлетворяла Исаака. Несмотря на просьбы брата, ставшего настоятелем монастыря, он поселился в пустыне. О его аскетических подвигах прослышали жители Ниневии. Они упросили Исаака стать у них епископом, и он согласился. В епископы его посвятил глава восточно-сирийской Церкви, находившейся под влиянием несторианства. Пробыв епископом только пять месяцев,

Исаак оставил кафедру, по-видимому, из-за догматических разногласий с руководством Церкви. Не последнюю роль в решении Исаака сыграла и его стойкость в вопросах нравственности. Когда он пытался протестовать против нехристианской жизни своей паствы, ссылаясь на заветы Христа, ему отвечали: «Оставь ты свое Евангелие!». Исаак удалился сначала в горы, а потом — в монастырь Раббан-Шаббор. Там он и пробыл до конца своих дней, ослепнув от ученых занятий и изнурительных постов.

Сначала труды Исаака, написанные на сирийском языке, оставались почти незамеченными. Только позднее внимание христианского мира привлек этот замечательный подвижник, философ и мистик. Труды его оказали огромное влияние на христианскую мысль как Востока, так и Запада.

Обладая тонкой, впечатлительной натурой, Исаак развил свой внутренний мир до такой степени, что его называли «вершиной». Богатейший опыт самонаблюдения, анализ скрытых механизмов человеческого сознания позволяют считать св. Исаака великим христианским психологом.

Св. Исаак полагал возможным обсуждать духовные проблемы только с людьми, имеющими в этом определенный опыт, с теми, кто «вкусил сладости духовных дел». Помогая людям в поисках Бога, он разработал особый путь познания высших миров, во многом напоминающий восточные пути постижения Всевышнего. При этом духовное просветление он напрямую связывал с христианской этикой, поступками человека.

Значительный вклад Исаак Сирин внес в христианское понимание соотношения разума и веры. Св. Исаак показал всю ложность положения «философствующего разума», который удовлетворяется лишь внешними, поверхностными заключениями. «Философствующему разуму» он противопоставляет «духовное знание», основанное на религиозной интуиции. Именно такое знание делает человека свободным и независимым от материальных законов. По смыслу своему знание противоположно вере, но оно может быть и путем к ней, когда становится «духовным знанием». «Духовное знание» не постигает материальные законы, но рассматривается св. Исааком как высшее.

Исаак — решительный сторонник абсолютного господства духа над материей. Жизнь в Боге и стяжание божественной мудрости — для него единственный подлинный и прямой путь познания, остальные же — либо ложные, либо окольные. Истинный путь есть простота, вера, доверие к Богу. Сомнению, характерному и необходимому фактору научного исследования, здесь нет места: когда человек обретает «меру веры», он чувствует реальность невидимого более, чем реальность своего «я», и тогда «отвратить от Христа его уже нечему». В высшей своей фазе вера сливается со знанием. Человек знает и видит то, что закрыто для других.

Ключ к истинному познанию, полагает Исаак, есть любовь к людям и миру. «Что такое сердце милующее? — задается он вопросом. — Горение сердца человеческого о всей твари, о людях, птицах, животных, демонах и о всех созданиях. При взгляде на них очи человека наполняют слезы».

Иоанн Дамаскин.
Фреска. 1380 г.

Святые в славе.
Мозаика. VI в.

от великой и сильной жалости, объемлющей сердце». Заглядывая в будущее, подвижник не без сожаления думает о том, что новое небо и новая земля придут на смену природе, окружающей нас. Он говорит о стройном ходе времени, о развитии творенья, о прекрасных цветах, о шумной хлопотливой жизни людей. Все это исчезнет. В конце мировой эволюции войдут в силу совершенно новые отношения: «Наступит другой век, и воспоминания о первой этой твари не придут совсем никому в сердце». Для чего же нужны страдания в этом мире? Так св. Исаак подходит к центральной философской проблеме — «теодицее», или богооправданию, — и решает ее в истинно христианском духе: страдания нужны для развития и реализации нашей свободной воли. Мир — кузница, в которой куется человеческий дух, чтобы выйти за грань подсознательного, стихийного бытия и вступить в Царство Божие, Царство вечного и неизреченного Света.

Святой Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 749)

В лице Иоанна Дамаскина византийская Церковь стяжала себе неувядаемую славу. Будущий великий поэт, крупнейший богослов и борец за православие, Иоанн родился в Дамаске, в богатой христианской семье. Отец его защищал права христиан в суде халифа. Иоанн получил разно-стороннее и глубокое образование: отец позабо-

тился, чтобы преподавателем даровитого и впечатлительного мальчика был христианин. С этой целью он выкупил из рабства монаха, и под его руководством Иоанн изучил философию, математику, астрономию и музыку.

Сначала Иоанн сменил отца на его должности, но затем удалился в монастырь св. Саввы близ Иерусалима, где и прожил до самой смерти.

Духовно-поэтическое наследство Иоанна огромно и составляет бесценное сокровище Церкви. Церковное предание называет Иоанна автором замечательных церковных песнопений, в которых христианский мир черпает мудрость, силу и утешение. Считается, что он составил пасхальный канон и службы других праздников; могучий гимн «Воскресение Христово видевше», звучащий как мужественное исповедание всего христианского мира; исполненные глубокого покаяния замечательные надгробные молитвы вошли в плоть и кровь церковного богослужения. Лако-ничность и живость его языка, сочетание трогательного лиризма с глубиной мысли — все это делает Дамаскина величайшим поэтом Византии и всего христианского мира. Не случайно его прозвали «златоструйным».

С поэзией Дамаскина переплетается и его музыкальная деятельность. Ему принадлежат первая церковная система нот, а также оформление большинства христианских песнопений в сборники «Типикон» и «Октоих». Он одним из первых составил календарь дней памяти христианских святых и подвижников.

Еще более Иоанн Дамаскин известен как богослов. Его фундаментальный труд «Источник знания» состоит из трех частей: в первой, «Диалектике», излагаются философские идеи Аристотеля, во второй, «Книге о ересях», перечисляются и анализируются учения, противоречащие христианству, а в третьей, «Точном изложении православной веры», систематизируется православное вероучение.

Большое влияние на Дамаскина — богослова и философа — оказала греческая мудрость через произведения Псевдо-Дионисия Ареопагита. Так, Иоанн подчеркивает, и это роднит его с неоплатониками, всеприсутствие Божие, Его им-

Союз Христа и Церкви.
Фреска. 1679–1680 гг.

манентность миру: «Бог в самом себе заключает всецелое бытие, как бы некоторое беспредельное и безграничное море сущности». Но одновременно в произведениях Иоанна настойчиво обосновывается трансцендентность Бога, противоположность Творца и твари. Иоанн преграждает путь пантеистическим тенденциям (Бог есть мир), которые стали проникать в средневековую христианскую философию. Увлекался Дамаскин с юности и идеями Аристотеля; он составил сборники из сочинений великого грека.

В учении о Творении Дамаскину близка идея непосредственного создания лишь «первой материи», то есть основных стихий, из которых уже произошло все разнообразие существующих в мире форм.

Очень высоко Дамаскин оценивает призвание человека и его роль во вселенной. Единый с миром органическим, человек в то же время наделен могучим и свободным духом. Он создан «для союза природы видимой и невидимой». Дамаскин глубоко раскрывает понятия образа и подобия Божиего, возвышающие человека над остальным творением. Образ Божий — это разум и свободная воля человека, подобие Божие — это его добродетельные поступки. Бог не может предопределить всех действий человека, поскольку

ку тот обладает свободной волей, но Он их предвидит.

«Точное изложение православной веры», которое опиралось на решения Соборов и следовало учению виднейших Отцов Церкви, прежде всего Григория Богослова, написано Иоанном в конце жизни. Это произведение стало последним словом восточной христианской мысли древнего периода. С тех пор развитие богословской мысли на Востоке приостановилось; напротив, на Западе богословие начинает бурно развиваться. Являясь крупнейшим мыслителем этого переходного периода, Дамаскин оказал огромное влияние на будущие поколения не только восточных, но и западных богословов, в частности Фомы Аквината. До сих пор сочинение Иоанна Дамаскина является основным источником христианского вероучения для православной Церкви.

Свою жизнь монаха и церковного писателя Иоанн провел в борьбе с христианскими ересями и нехристианскими религиями. Помимо «Книги о ересьях», его перу принадлежат труды, посвященные полемике с мусульманами, манихеями, несторианами, монофизитами. Но наиболее выдающийся вклад Иоанн внес в борьбу против иконоборчества — новой ереси, потрясшей Церковь в VIII в.

ИКОНОБОРЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ

В 717 г., когда ислам завоевывал Азию и угрожал Европе, на пошатнувшийся византийский престол взшел Лев III Исаврянин (675–741 гг.). Этот талантливый и отважный император приложил максимум усилий для возрождения мощи империи. Арабы, уже стоявшие под Константинополем, были отброшены его войсками. Внешнеполитическое положение Византии значительно окрепло.

Не теряя времени, Лев Исаврянин решительно взялся за внутренние реформы и, в частности, обратил пристальное внимание на Церковь. При этом он столкнулся с очень характерным явлением церковной жизни: почитание реликвий (останков святых и священных предметов) и икон приняло небывалые размеры, превратившись, по существу, в суеверие.

Священным изображениям, иконам, призван-
н помочь человеку проникнуться молитвенным
духом и приблизиться к Богу, воздавались порой
почести, что в христианское искусство ста-
ли проникать элементы идолопоклонства.

Странно, что культ икон в таком из-
явном виде стал прекрасной мишенью для
атак мусульман, придерживавшихся строго-
го монотеизма. Льву, очевидно, было чрезвычай-
но трудно опровергнуть обвинения в идолопок-
лонстве, направленные против христиан. Взгляды
императора были вполне православными, и он мог
вносить заметный вклад в отстаивание христи-
анских истин, если бы к его борьбе с идолопок-
лонством не примешивались и иные, политичес-
кие мотивы.

Церковные историки полагают, что борьба
Льва Исаврянина против чрезмерного почита-
ния икон явилась только частью его обширных
реформ по реорганизации всей государствен-
но-церковной системы Византийской империи. В
то время Лев стремился ограничить в правах
высшее духовенство, занимавшее ведущие госу-
дарственные должности. Духовенство же зачас-
тую само использовало суеверия и языческие
обряды паствы в целях своего обогащения и
политического влияния. В результате одной из форм
борьбы светских правителей Византии с
церковью и стала борьба против «иконопо-
клонства». Впрочем, не исключено также, что Льва
исаврянина на это подвигло событие, которому
он придавал мистическое значение. Летом 726 г.
произошло вулканическое извержение на Сре-
диземном море, которое император принял за знак
гнева Божьего, усмотрев в нем гнев Божий за почитание
икон.

Таким образом, по сути верная идея, на-
правленная на пресечение идолопоклонства, выли-
лась в беспощадную борьбу с почитанием икон
как языческих, за уничтожение священных
изображений.

В том же году император обнародовал указ, в
котором запрещалось поклоняться иконам как
священным изображениям и приказывалось
уничтожить их в храмах на значительной высоте.
Вскоре, своевременно принятая самой Церквю-

вью, могла оказать только положительное воз-
действие. Однако часть духовенства, искавшая вы-
году в сохранении суеверий, сумела нейтрализо-
вать императорский указ, и на практике он не
исполнялся. Более того, императора стали обви-
нять в оскорблении христианских святынь. Про-
тивоборство сторон накалялось и привело к ико-
ноборческой ереси — император вообще наложил
запрет на церковные изображения. Стали уничи-
жаться иконы, вследствие чего по всей стране
вспыхнули мятежи. Лев и сменивший его на пре-
столе Константин Копроним жестоко подавляли
народные волнения. Гонения на монастыри и ико-
ны приняли повсеместный характер. В 754 г.
Константин Копроним созвал в Константинопо-
ле Собор, на котором иконопочитание было от-
вергнуто.

Христианские мыслители поняли всю опас-
ность новой ереси. Вопрос, по сути дела, заклю-
чался не в самих иконах. Отрицая божественные
изображения, иконоборцы тем самым отрицали
возможность воплощения Духа и одухотворения
материи, что противоречило основам православно-
го учения. Поэтому крупнейшие деятели Церк-
кви повели решительную борьбу против иконо-
борчества. Папа Григорий II, а за ним и папа
Григорий III, решительно осудили эту ересь. Гри-
горий III приказал прекратить сбор подати в Ви-
зантию, дав понять, что отныне он не считает себя
подданным византийского императора. Выступ-
ление Григория III поддержала вся Италия.

Часть самых стойких греческих христиан была
солидарна с папой. Византию охватили пожары
междоусобиц. Правительство ответило новыми
преследованиями. Как это всегда бывает, наибо-
лее суеверная и темная часть толпы, которая не-
давно сама превращала иконы в идолов, теперь
участвовала в разгромах церквей и монастырей.
Спасая иконы, многие христиане рисковали жиз-
нью. Константинопольский патриарх Герман, из-
вестный церковный поэт, был репрессирован. По
преданию, художник-иконописец Лазарь был
страшно изувечен и брошен в тюрьму, где, не-
смотря ни на что, продолжал заниматься живо-
писью. Многие кончили жизнь на плахе, иных
растерзала толпа.

Однако лучшие представители Церкви самоотверженно отстаивали истины православия. Огромное значение для преодоления ереси иконоборчества имело творчество Иоанна Дамаскина, который стремился догматически и философски обосновать значимость и необходимость икон в христианской жизни и в богослужении. Дамаскин рассматривал религиозную живопись двояко: как объективный процесс, запечатлевающий реальность мира, и как субъективный, раскрывающий внутренний мир художника. Живопись для него, подобно Евангелиям, олицетворяет религиозные истины, воспринятые через веру художника. «Бог, — писал Дамаскин, — для нашего спасения истинно сделался человеком; не явился только в человеческом образе, как являлся Аврааму и пророкам, но по существу и истинно стал человеком, жил на земле, общался с людьми, творил чудеса, страдал, был распят, воскрес и вознесся на небо — и все это происходило реально, было видимо людьми и описано в память и поучение нам, не жившим тогда». Евангелия отразили жизнь Христа на земле. А так как, продолжает Иоанн, не все умеют читать, то иконы «служат нам братским напоминанием». Часто случается, пишет Дамаскин, «что мы и не думаем о страданиях Господа, но как только увидим икону Распятия, вспоминаем о спасительном Его страдании, и преклоняемся не перед веществом, а перед Тем, Кто изображен».

Вселенский Собор в Никее.

Миниатюра. X в.

Иоанн Дамаскин четко сформулировал христианское понимание иконы, и его концепция впоследствии утвердилась в Церкви. Однако иконоборцы были настроены решительно. Старания византийского двора Дамаскин лишился доверия халифа и вынужден был оставить общественную деятельность. Тем временем гонения усиливались. Происходили повальные аресты. Преследуемые монахи массами уходили в Испанию, где уже стоял на пороге своей политической независимости; те же монахи, которые остались в Византии, составили вместе с верными Православием христианами большую антиправительственную партию, стремившуюся добиться самостоятельности Церкви. Эту партию возглавил игумен Студийского монастыря Феодор Студит (759–826), один из выдающихся деятелей восточного христианства.

Вселенский Собор (787).

Окончательная победа православия

К концу VIII в. движение иконоборцев идет на убыль. Регентша византийского престола Ирина, женщина властная и коварная, была ревностной почитательницей икон. Кроме того, в ее стремлении добиться трона ей была необходима поддержка влиятельных церковных деятелей. В это время на константинопольскую кафедру был возведен патриарх Тарасий, который согласился занять ее при условии, что иконопочитание будет утверждено на Вселенском Соборе. Ирина, уже ставшая императрицей, созвала Собор, который открылся в 786 г. в Константинополе под председательством патриарха Тарасия. На Соборе присутствовали легаты папы Адриана I. Между сторонниками и противниками иконоборчества произошли столкновения, Собор был сорван и открылся вновь только через год. Епископы-иконоборцы получили прощение, а на последних заседаниях было составлено определение о почитании икон, где говорилось: «Мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно и неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные церковные изображения, так как это согласно с историей».

иконоборческой проповеди, служит подтверждением того, что Бог-Слово истинно, а не призрачно вообразился, и служит на пользу нам». Иконы были названы «напоминательными начертаниями» — вместе им разрешалось воздавать только как людям. Тем самым Собор, отвергнув ересь иконоборчества, вместе с тем преодолел крайности иконопочитания, когда иконы рассматривались чуть ли не в качестве идолов.

Икона вернула из ссылки Феодора Студита. Прекращение иконоборческих гонений принесло иконопочитанию популярность в народе. Положение иконы настолько укрепилось, что франкский король Карл, который тогда был близок к зениту своей славы, искал ее руки. Однако политическая ситуация быстро изменилась. Запад усилился, а Византия продолжала слабеть. В 802 г. икона была свергнута и отправлена в ссылку. В январе 814 г. солдаты подвергли поруганию икону Спасителя над воротами дворца. Император хотел убрать ее. Патриарх Никифор отказался это сделать и ночью созвал Собор из 70 священников, завершившийся молитвой в храме св. Феодора о предотвращении грядущих бедствий. После этого патриарх Никифор был лишен кафедры и сослан, несмотря на протесты епископов и знаменитую речь Феодора Студита.

В 845 г. новый патриарх Феодот торжественно провозгласил в соборе св. Софии законность иконоборческих эдиктов. Началась реакция: закрывались монастыри, конфисковывались их земли, монахов ссылали или казнили. Арестовали и Феодора Студита, который мужественно обратился к императору: «Оставь церковь пастырям». Монастырь, настоятелем которого он являлся в ссылке, где он создал школу и больницу, был разрушен. Феодора долго держали в застенках, но он продолжал обличать. В результате икона выслан и вернулся в Византию только через много лет. Здесь, в 826 г., Феодор Студит умер.

После гонения постепенно стихали. Жена императора Феофила, пришедшего к власти в 842 г., была иконопочитательницей. Она способствовала возведению в 843 г. на константинопольскую кафедру монаха Мефодия. Он собрал

Св. Феодосий и Феодор Студит.
Мозаика. 1042–1056 гг.

Собор, который подтвердил решения VII Вселенского Собора об иконопочитании.

На этом закончилась история ересей в Восточной Церкви. Пройдя долгий путь борьбы поочередно с арианством, несторианством, монофизитством, монофелитством, иконоборчеством и другими ересями, православие окончательно победило. 11 марта 843 г. Церковь впервые праздновала торжество православия. С тех пор это событие ежегодно отмечается в течение первой недели Великого Поста, которая носит название «недели Торжества Православия».

Но, помимо положительных итогов развития византийского христианства, выявились и его крайне отрицательные последствия. Тот факт, что

Император Лев VI перед Христом.
Мозаика. X в.

императоры остались решающими судьями в жизни Церкви и что именно от их воли зависела судьба православия, свидетельствует о победе цезарепапизма в Византии. С IX в. христианство Византии все более удаляется от мира — на гору Афон, в пустыни и за крепкие каменные стены монастырей. Одновременно исчезает из жизни Церкви и религиозная активность мирян, выгодно отличавшая Византию от варварских народов Европы VIII в. Резко снижается уровень богословия, а также грамотности населения, которая раньше была почти всеобщей. Когда-то христианство принесло с собой в Византийскую империю приюты, богадельни, бесплатные школы, дома для нищих — все это постепенно приходит в упадок и исчезает. Духовная жизнь Востока начинает замирать. Наследие греков, Византии, перейдет к славянам — отныне им и народам Западной Европы предстоит определять будущее Церкви.

ПАПСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДА В VIII–IX вв.

Церковная жизнь Византии была крайне противоречива. Укрепление православной веры, преодоление ересей сопровождалось обособлением Церкви от мира, сосредоточением христианской духовности в стенах монастырей — все это приводило к нравственному упадку в обществе.

А что происходило на Западе с Римской церковью?

Византия, находясь в упадке, тем не менее стремилась покончить с самостоятельностью римского престола и занять, наконец, ведущее положение в жизни Вселенской церкви. Арабы лелеяли замыслы о захвате новых европейских земель. Вторгнувшись в Италию еще в конце VI в. германское племя лангобардов мечтало о римских сокровищах; опасность его нападения, как дамочлов меч, постоянно висела над городом. Другие германские племена, франки, были непредсказуемы: в любой момент они могли оказаться и союзниками, и врагами папы.

Папа Григорий III, мужественно противостоявший иконоборческой ереси, усиленно навязываемой Львом Исаврянином, видел во франках единственных защитников римского престола от Византии и, главное, от натиска лангобардов. Он послал письмо франкскому полководцу Карлу Мартеллу с просьбой о помощи, указывая на величие и святость своей кафедры.

Император, архиепископ и придворный.
Рисунок с мозаики. VI в.

Христос.
Палермо. Капелла Палатина.
XII в.

Славно обошлось без вмешательства франков. Тот, посланный Львом Исаврянином проповедником Рима, был рассеян бурей, а с помощью удавалось достигнуть соглашения. В Рим на римскую кафедру взошел папа Захария. Видя возрастающее могущество франков и по-прежнему опасаясь происков папства, папа включился в активную деятельность по усилению церковной власти среди франков. Он направил к ним епископа Бонифация (752–754), которого впоследствии Церковь признала в лику святых. Бонифаций мечтал быть проповедником среди язычников и готов был отойти в даль за проповедь Слова Христова. Но у папы были другие планы; не столько отвращать крещенных от языческого образа жизни, сколько укреплять и укреплать свое влияние.

Бонифация недаром называют апостолом германцев. Проводя политику объединения под эгидой престола св. Петра, он прежде всего стремился вернуть франков на путь истинного христианства. С этой целью он созвал собор духовенства, на котором запретил священникам носить оружие, участвовать в войнах, охотах, а также ввел безбрачие для духовенства.

Тем временем Захарий I, вполне удовлетворенный тем, что франкская церковь присягнула на верность ему, пошел на еще большее сближение с королем. Теперь престарелый Бонифаций был ему не нужен, и он отпустил его проповедовать язычникам во Фризию, где тот и погиб. Однако плодами трудов Бонифация с успехом воспользовались как сам папа, так и сын Мартелла Пипин Короткий. Последний, опираясь на возросший авторитет папы, решил добиться трона,

Папа Бонифаций VIII.

Рафаэль.

Фреска. 1511–1514 гг.

свергнув правящую династию Меровингов. Захарий I еще в 752 г. официально помазал Пипина на царство руками св. Бонифация, но решительный момент наступил при следующем папе, Стефане II (752–757), когда лангобарды двинулись на Рим. Город св. Петра находился на краю гибели, и Стефан срочно отправился во Францию к Пипину. Здесь произошла их историческая встреча: представители двух в будущем враждебных миров — Германской империи и папства — пали на колени друг перед другом. Стефан вторично помазал Пипина и узаконил его династию.

Затем Пипин появился в Италии, и лангобарды вынуждены были отступить и подписать договор. Но лишь только он удался, Рим был вновь осажден. Где было искать спасения?

В Византии царил разгул иконоборчества. Оставался Пипин; папа Стефан посылал ему одно отчаянное письмо за другим, говоря, что король обязан своим коронованием апостолу Петру, но письма оставались без ответа. Тогда хитроумный папа написал послание, которое оказалось действительнее всех предыдущих. Оно начиналось словами:

«Петр, призванный к апостольству Иисусом Христом, Сыном Бога Живого, трем сиятельным князьям... Мне, Петру, недостойному слуге Бога... Он дал мне моих франков, как мой народ по преимуществу, как моих приемных детей... Не судите иначе, дорогие мои дети, и будьте уверены, что я так же предстою перед вами, как если бы вы видели меня телесными очами, живым и действующим во плоти... Поручаю вам город Равенну Христовых, населяющих его, и Святую Церковь, которую Господь предоставил моим попечениям. Спешите, не теряйте ни минуты, летите, чтобы отнять его от неистовства лангобардов».

Это удивительное послание заставило дрогнуть сердца простодушных франков. Войска Пипина двинулись в Италию и разгромили лангобардов. Рим был спасен. Но кроме того, Пипин в благодарность за свое коронование подарил папте области, которые принадлежали византийскому императору (Равенна, Анкона и 12 других городов). Так, в 756 г. образовалось папское государство. Папа стал не только верховным духовным пастырем, но и светским государем. Рим окончательно отделился от Востока.

В 768 г. Пипина Короткого, которому папа даровал сан патриция, покровителя Рима, сменил на престоле его сын — умный и решительный Карл Великий (742–814), сразу же обративший на себя внимание всего христианского мира. В Византии образовалась партия, стремившаяся заключить с ним союз. Могучий халиф Гарун-аль-Рашид искал с ним дружбы. Отношения же папы к Карлу были двойственными: он мог стать надежным защитником веры и Церкви, однако успешная завоевательная политика и растущее могущество Карла делали его одновременно опасным противником папства. Тогда хитроумный папа Стефан II вспомнил о «Константиновом даре».

«Дар Константина»

Трудно сказать, когда именно родилась легенда о «Константиновом даре». Ученые до сих пор не пришли к единому мнению. В этой легенде идет речь о чудесном избавлении императора Константина Великого от проказы молитвами римского епископа Сильвестра (314–335). В благодарность за исцеление Константин Великий якобы своей грамотой предоставил кафедре наместника Петра «власть и почести императорские», «превенство» в отношении всех церквей, отдал императорскому престолу все западные земли. Затем Константин Великий, согласно легенде, «удалился на восток».

Первые упоминания о грамоте Константина относятся к началу IX в., и с тех пор она играла важную роль в формировании отношений Западной Церкви и государства. Тем не менее с самого начала документ резко критиковали. На первых порах критики признали недействительным

содержание грамоты, не оспаривая ее подлинности; при этом они ссылались на то, что Константин не отказывался от власти над Римом, что он крестился в пору преобладания арианства и т.д. Лишь с XV в. подлинность документа подверглась сомнению, а в XIX в. католические богословы окончательно пришли к выводу, что документ подложный.

По мнению многих ученых, грамота относится ко времени папы Стефана II. Такой документ мог бы помочь папе подтвердить свое право на земли и власть ввиду возрастающей мощи Карла Великого. Она лишала франкских королей возможности вернуть когда-то «подаренные» земли, а также пресекала притязания византийских императоров на Италию. В переговорах с Карлом Стефан II постоянно упирал на то, что он добивается только восстановления утраченного, дабы «утвердить и поддержать справедливость», — с этой целью он и мог предъявить «грамоту Константина».

Посох св. Бонифация.

Религиозная жизнь в империи Карла Великого

Карл Великий благоволил к Церкви, сравнивая ее с душой, а государство — с телом человека. В лице императора франков Римская церковь, и соответственно папское государство, получили надежного защитника земельных владений. Император узаконил церковную десятину, которой стало облагаться все население.

Тем не менее попытка римского престола утвердиться во власти даже с помощью легенды о «Даре Константина», не удалась.

Приняв на себя миссию «защитника Церкви», Карл быстро подчинил ее себе. Для укрепления политического влияния своей державы он использовал проповедь христианства. Под этим флагом Карл начал опустошительные войны, стремясь покорить всю Европу. Придворный ученый и богослов Карла Алкуин (ок. 735–804) возлагал на его походы большие надежды как на средство распространения христианства, и не напрасно: победоносная война с саксами закончилась тем,

что саксы приняли христианскую веру и объединились с франками в один народ. Карл Великий подчинил себе всю Италию до Рима, большую часть Германии и всю территорию современной Франции. В «Песне о Роланде» с гордостью говорится, что после похода Карла «язычников там больше не осталось. Все крещены, кто от меча не пал». Такая же судьба ждала и другие народы, покоренные Карлом Великим.

Во внутренней политике Карл показал себя столь же выдающимся государственным деятелем, как и полководцем. Значительно увеличив территорию империи, он стал решительно проводить в жизнь социально-религиозные реформы.

Несмотря на то, что Бонифаций и Пипин ранее всячески стремились поднять нравственный уровень духовенства, ко времени царствования Карла мало что изменилось. Клирики продолжали фактически вести светский образ жизни, увлека-

лись охотой, участвовали в войнах. Распущенные нравов, царившая в обществе, почти в полной мере была присуща и духовенству. Поэтому, будучи решительно настроен продолжить дело Бонифация, Карл не мог опираться во внутренних формах на клириков. Более того, он совершенно игнорировал авторитет и власть духовенства. Не престанно читая «Град Божий» блж. Августина ставший его настольной книгой, Карл мечтал о государственном устройстве, где сосуществовали бы две власти — светская и духовная, — но не в неперменном господстве власти светской. Вместе с тем Карл Великий воздвигал государство на религиозном фундаменте; для него было очевидным, что государственное устройство должно начинаться христианскими принципами. Тот факт, что Карл хотел принять императорскую корону от папы говорит о многом.

Карла Великого, несомненно, можно назвать одним из выдающихся христианских правителей. Человек острого ума, широких взглядов, обладавший многочисленными талантами, он, казалось, был призван осуществить закладку фундамента для Града Божьего на земле, построения «христианской империи». Несмотря на то, что Карл христианизировал народы Европы с помощью меча, он вместе с тем приложил огромные усилия к духовному исправлению общества и Церкви. Карл всячески способствовал повышению уровня пастырской проповеди, которая должна была стать доступной простому человеку и служить ему руководством в жизни. Он категорически запретил духовенству принимать участие в светских делах: торговле, войнах, а также посещать харчевни и кабаки. Симония, то есть продажа церковных должностей, строго наказывалась. Карл поощрял благотворительность, заботу о бедных. Образ идеального Града Христова стоял перед его мысленным взором.

Особое внимание Карл уделял развитию культуры. В то время Византия имела безусловное превосходство над Западом в области просвещения, науки и искусства. В Восточной Империи был воздвигнут храм св. Софии, звучали гимны Иоанна Дамаскина, работали такие выдающиеся богословы, как Максим Исповедник, Феодор

Блаженный Ноткер
из города Галлена

Псевдо-Дионисий Ареопагит. На Западе франки, по их собственному признанию, преобладали во тьме невежества. Карла такое положение никак не устраивало, и он приложил все возможные усилия к развитию религиозной и светской культуры. За 14 лет его правления культура Западной Европы пережила невиданный подъем, получив название «Каролингское возрождение». В этот период стоял обладавший энциклопедическими познаниями английский ученый и богослов Алкуин, специально приглашенный Карлом из Франции вместе с другими известными учеными. По призыву Карла не только не пренебрегать своими занятиями, но со всею кротостью и благожелательными намерениями перед Богом «предаться» ему. Алкуин основал дворцовую школу в Аахене, где дети королевской семьи и высших придворных могли получить достойное образование. Однако просветительская деятельность Алкуина не ограничивалась кругом знати. Опираясь на традиции римского образования, Алкуин заложил основы будущих средневековых школ и университетов. Он же ввел начальное образование в сельской местности, основой просвещения которого стала Библия. Именно в этот период Новый Завет начался переводить на народный язык с непонятными терминами, осуществляется унификация канонического текста Библии, проводится реформа церковного ритуала, устанавливается богослужение по единому каролингскому образцу. По совету Алкуина Карл Великий призвал папу учреждать монастырские школы для подготовки толкователей Священного Писания.

Средневековые схоластики. Иоанн Скотт Эриугена (ок. 810 — ок. 877)

Деятельность Карла Великого и Алкуина дала толчок развитию философии и богословия. В этот период стали закладываться основы средневековой богословской системы, которая в течение нескольких веков будет безраздельно господствовать в западной мысли. Крупнейшим предшественником предсхоластики — так ученые называют период с 800 по 1050 г. — стал Иоанн Скотт Эриугена.

Карл Великий.
Конная статуэтка.
Каролингский период. IX в.

Иоанн Скотт Эриугена родился в Ирландии. О жизни его известно немного, но остались многочисленные труды этого выдающегося мыслителя. Он известен как переводчик на латинский язык Григория Нисского и Псевдо-Дионисия. К произведениям последнего он составил комментарии. Известны также комментарии Иоанна Скотта к Евангелию от Иоанна и произведениям философа Боэция. Эриугена также написал трактат о свободных искусствах.

В своей работе «О Божественном предопределении», завершённой в 851 г., Эриугена доказывает, что предопределение существует только к добру, но не ко злу. Благодаря дарованной ему свободе воли человек может грешить, но зло, не являясь физической реальностью, не предопределяется Богом.

Король Лотарь, франкский император,
внук Людовика Благочестивого.
Миниатюра. 840 г.

Основным трудом Иоанна Скотта является книга «О разделении природы». Написанная между 862 и 866 гг., она представляет собой диалог между учителем и учеником и отмечена сильным влиянием латинских и греческих авторов-платоников: блж. Августина, Псевдо-Дионисия, Максима Исповедника. В ней пять частей: в первой автор размышляет о Боге и о Его непознаваемости; во второй обсуждаются различные вопросы бытия, сотворенного и несотворимого; третья посвящена проявлениям Бога в мире, а четвертая и пятая связаны с судьбой человека — его изначально безгрешным состоянием, грехопадением и возвращением к Богу во Христе.

Иоанн Скотт считает веру предпосылкой знанию, хотя познание Бога невозможно вне проявлений. Бог есть «сверх-бытие», «сверх-зум», «сверх-жизнь». Бог присутствует во творении, но не сливается с ним: «Он творит не переставая в то же время быть выше всего». Таким образом, производит Он все из ничего своей сверх-сущности». Обладая рационалистическим складом ума, преклоняясь перед разумом, Иоанн Скотт в то же время стоит на пороге, отделяющем рациональное познание от мистического озарения. Разум сам по себе ничто, и только в свете Божественного Слова он может быть принят в качестве руководящего начала. Но что есть Божественное Слово? Прежде всего, это божественное Священное Писание. С другой стороны, в соответствии с представлениями Церкви того времени, Божественное Слово было неотделимо от авторитета Церкви и ее учителей. Однако разум каждого человека Эриугена рассматривает как первичный по природе, отдавая ему предпочтение перед наследием Отцов Церкви. Таким образом, Эриугена выстраивает иерархию постижения смысла: самое высшее — это Священное Писание, затем идут разум и авторитет Отцов.

Труды Эриугены ожидала трудная судьба. Работа «О Божественном предопределении» была осуждена поместными соборами IX в. Представления философа о всеприсутствии Бога в мире вызвали обвинения в пантеизме: главная книга Эриугены «О разделении природы» была осуждена поместными соборами XIII в. и приговорена к сожжению. Впервые напечатанная в Оксфорде в 1681 г., она она была тут же помещена в «Индекс запрещенных книг». Хотя элементы пантеизма действительно сильны в произведениях Эриугены и через них проникли не только в средневековую, но в ренессансную и даже современную мысль, его синтез теологии и неоплатонических идей явился важной вехой в развитии западноевропейской философии.

Конец империи Карла Великого

При всех видимых достижениях Карла его замыслы по созданию просвещенной и счастливой

христианской империи не удалось, более того, привели к довольно печальным результатам. Когда император распространил свою власть на Италию, римский престол, избежав таким образом византийского диктата, попал под диктат германский. Отводя папе римскому почетное место, Карл гораздо выше ставил самого себя. Подобно византийским императорам, он полагал возможным давать Церкви указания по догматическим вопросам. Когда же в 800 г. папа Лев III возложил на него, тогда еще короля, императорскую корону, Карл фактически стал диктатором в создаваемом им «Граде Божиим», а папы — лишь марионетками в руках императора. Объявляя христианство государственным законом, Карл ввел наказание за его нарушение. Вследствие этого западное христианство, подобно византийскому, стало чисто внешним, легко управляемым атрибутом государственной власти.

Неудивительно, что подобное христианство не стало внутренним религиозным стержнем империи. После смерти Карла Великого она стала приходить в упадок. Уже в 817 г. сын Карла Великого, Людовик Благочестивый, разделил империю между тремя сыновьями, оставив за собой лишь верховную власть. Междоусобные распри внуков Карла Великого привели к новому разделу империи в 843 г. (так называемый Верденский договор). На образовавшихся территориях начали складываться будущие крупнейшие европейские государства — Франция, Италия и Германия.

ЗАПАДНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУБЕЖЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

С распадом империи Карла Великого папское государство вначале получило некоторые преимущества. Обладая к тому времени определенным влиянием, а также избавившись от диктата всемогущего императора, оно стало самостоятельной политической единицей на международной арене. На какой-то период Рим сам начал диктовать внешне-политические решения европейским правителям. Однако такое положение существовало недолго.

Император Оттон I передает Христу модель собора в Магдебурге.

Миниатюра. X в.

Развал империи Каролингов вверг Европу в состояние феодального раздробления и упадка. Появились десятки независимых королевств, которые все более обособлялись и вели между собой непрерывные войны. Вдобавок Европа постоянно подвергалась нападениям норманнов, что мешало наладить торгово-экономическую жизнь.

На положении Рима, который мыслил себя силой политической, такая ситуация отразилась крайне болезненно. Если раньше Карл диктовал свою волю папе, но одновременно и обеспечивал римскому престолу защиту, считая его важным инструментом своей политики, то теперь папское государство оказалось предоставленным самому себе. Священный престол стал местом столкновения интересов феодалов в борьбе за власть и влияние. Это привело к резкому падению нравов высшего духовенства, усилению коррупции. О нравах, царящих в Риме, рассказывали самые чудовищные истории. Епископы, архиепископы, аббаты, подражая светским феодалам, командовали войсками,

охотились, жили в роскоши и разврате. Опять широко распространилась симония: стала возможной покупка не только кардинальского, но и папского сана. За 150 лет на престоле св. Петра перебивало 50 наместников.

Еще в 60-х гг. X в. папа Иоанн XII попытался сохранить раздираемое феодалами папское государство и свою власть. Поддерживаемый партией реформистов, Иоанн XII обратился также за помощью к германскому королю Оттону I. В это время король предпринимал попытки восстановить Римскую империю и продолжить тем самым объединительную политику Карла Великого. Германский король уже захватил Нормандию, разбил сильное венгерское войско; значительные европейские территории попали под его контроль. Зная о глубокой религиозности короля, реформисты в Риме надеялись, что его приход восстановит авторитет папства. В итоге Оттон I двинулся в Италию и разгромил войска феодалов. В 962 г. он был коронован Иоанном XII. В том же году было провозглашено создание Священной Римской империи во главе с германским королем. По специальному договору Оттон I признал притязания папы на светские владения в Италии, но их верховным сеньором провозглашался император. Вводилась обязательная присяга папы императору, что и являлось выражением подчинения папства империи. Светская власть, по существу, присвоила себе право «инвеституры» — назначения и утверждения в сане иерархов Церкви. Во время соответствующей церемонии епископ должен был преклонить колени перед светским государем и получить от него кольцо и посох в знак своей власти. Таким образом Церковь на Западе попала в полную зависимость от государства.

Клюнийская реформа и новая социальная политика Церкви

В условиях, казалось бы, полнейшего церковного упадка, на рубеже X и XI вв., в Западной Церкви началось реформаторское движение за ее оздоровление. Центром такой борьбы стал монастырь Клюни во французской Бургундии.

Клюнийская реформа должна была укрепить церковную организацию, привести в порядок ее материальную базу, строго регламентировать отношения Церкви со светской властью. Церковь, полагали реформаторы, должна выйти из-под контроля государства, стать, как когда-то при папе Николае I, могущественной силой. Поэтому папа как наместник Бога на земле провозглашался высшим арбитром в светских и мирских делах.

Монастыри изымались из собственности светских лиц и даже епископов, что способствовало централизации церковного управления.

Помимо укрепления правового и хозяйственного статуса Церкви, клюнийцы требовали коренного изменения ее внутренней, духовной, жизни. Они выступали за строжайшее соблюдение церковных обетов, сурово осуждали продажу церковных должностей, обличали нравы духовенства.

Император Оттон I с олицетворениями подвластных земель.

Миниатюра. X в.

использовали для него введения безбрачия. В эпоху реформаторского движения началась сначала открытая, а потом и явная борьба с двумя наиболее распространенными и позорными наказаниями Средневековья: ордалиями (судами богами) и бесчинствами феодалов.

«Суды Божии» заключались в «проверке» виновности подсудимого огнем, водой, раскаленным железом и другими варварскими способами. Правда, правомерность таких методов испытания была чрезвычайно сильна, и Церкви стоило большого труда приостановить ордалии: ненависть к язычникам и еретикам, проистекавшая из языческих представлений темного, необразованного народа, была неодолимой. Так, по сообщению одного из средневековых монахов, в XI в. «по приказанию короля и определению народа» было сожжено немало вольнодумцев (через несколько веков практика сожжения еретиков станет обычным делом).

Представления клонийцев в значительной степени окрашены в мистические тона: к 1000-го году ожидалось наступление конца света. В этот период ускальзывало ожидание Второго пришествия Христа и установления Его тысячелетнего Царства (такие настроения получили название хилиастических милленаристских). Распространились мистические настроения, тяга к чистой жизни, искоренению грехов.

Аскетический идеал казался многим христианами единственным путем спасения, особенно на фоне общего одичания, в которое погрузились феодалы и духовенство. Нищенствующие монашеские общины росли с небывалой быстротой. Монахи страстно предавались подвигам самоотречения и аскезы, как когда-то, на заре монашества. По всей Европе бродили странствующие проповедники, которые призывали к покаянию и отказу от власти имущих; религиозно-мистическое движение смыкалось со стихийными требованиями народной справедливости. Так началось народное религиозное движение, завершившееся лишь в XIII в.

Церковь под влиянием клонийцев пыталась изменить или хотя бы ослабить нравы, царившие среди феодалов по отношению друг к другу

и особенно к бесправным беднякам. В 1024 г. поместный собор запретил войну и военные действия, по меньшей мере в течение одного дня в неделю, и провозгласил «анафему тому, кто грабит имущество бедных». Собор 1041 г. подробно разработал систему периодических перемирий, так называемого «божьего мира». Событие это имело немаловажное значение в феодальном обществе, где непрерывно велись войны «всех против всех». Большое внимание клонийские монахи уделяли и образованию клира, для чего при монастырях были организованы школы подготовки духовенства, отличавшиеся строгой дисциплиной.

Представление о необходимости существования мира в лоне христианской Церкви, с одной стороны, и уверенность в первенстве кафедры св. Петра, с другой, привели к возрождению среди клонийцев прежней идеи о построении Града Божиего. Человечество, полагала Церковь, должно жить единым союзом под знаменем Боговластия, теократии. Однако под Градом Божиим понималась видимая Церковь, церковная организация, — отсюда вытекала необходимость достижения политической свободы и независимости Церкви. Осуществить столь грандиозные планы можно было только под руководством необычайно сильной личности, которая соединяла бы в себе твердость и дальновидность политика с приверженностью лучшим культурным и религиозным традициям. Таковую личность Церковь обрела в лице клонийского монаха Гильдебранда, будущего папы Григория VII.

Григорий VII (ок. 1020–1085)

Будущий папа родился в бедной итальянской семье, в городе Тоскане. Подобно апостолу Павлу и Иоанну Златоусту, он был маленького роста и довольно невзрачен на вид. Образование получил в монастыре св. Марии в Риме и был посвящен в монахи бенедиктинского ордена.

На горячую и впечатлительную натуру юного монаха (недаром он выбрал для себя имя Гильдебранд, что означает «яркое пламя») глубокое впечатление произвели реформаторские начинания клонийцев. С тех пор он вынашивал грандиозные

Статуя Генриха IV.
XI в.

планы по реформированию Церкви. Благодаря выдающимся способностям и известности Гильдебранд в 1046 г. стал помощником папы Григория VI и остался при нем во время изгнания его в Германию. После смерти Григория VI он поселился в одном из клюнийских монастырей, где получил нравственную закалку и стал еще более бескомпромиссным: так, когда император поставил папой клюнийца Льва IX, Гильдебранд, по-видимому, настоял на том, чтобы новоизбранный папа испросил согласия народа. Лев IX явился в Рим в сопровождении Гильдебранда в одежде кающегося и объявил, что не займет престола, пока народное собрание не снимет с него вины поставления светским лицом. С этих пор Гильдебранд стал самой влиятельной фигурой, во многом

определявшей реформаторскую политику нескольких пап. Отказавшись от претензий на святой престол, он, будучи архидиаконом и занимая должность папского казначея, фактически осуществлял контроль над выборами очередного папы.

После смерти в 1054 г. Льва IX в атмосфере смуты, междоусобиц и анархии Гильдебранд развернул кипучую деятельность. Полагая реформирование Церкви слишком важным для судеб мира, он в своей борьбе широко использовал любые возможности, в том числе и достаточно сомнительные. Так, чтобы подорвать зависимость св. престола от итальянских феодалов, архидиакон щедрыми денежными подачками настроил население Рима против папы Бенедикта X, поставленного баронами. Гильдебранд принес его в жертву своему

делу. Папа был низложен и умер нищим в приюте для бедных, а феодалам отныне выбирать папу было запрещено. В результате традиция симонии Гильдебрандом была успешно преодолена.

В другом случае кардинал Гумберт (это имя еще упомянем, когда речь пойдет об окончательном разделении Церквей), сторонник целибата, посоветовал Гильдебранду запретить мирянам посещать службы женатых священников и жестко их унижать. С этой целью были задействованы шайки потаров (оборванцев), занимавшиеся грабежами по всей Италии. Идея Гумберта привела к успеху — медленно, но верно целибат закреплялся в церковной практике.

После смерти папы Александра II в 1073 г. Гильдебранд наконец сам согласился занять папский престол под именем папы Григория VII. С этого момента началась его активная церковно-политическая деятельность, во многом определившая судьбы Церкви, да и Европы в целом.

Первым этапом деятельности Гильдебранда в качестве папы было окончательное запрещение браков среди духовенства. Он считал необходимым освободить священнослужителя от семьи, которая отвлекала его от духовных дел, и тем самым повысить нравственность клира. Это были самые мрачные страницы деятельности Григория: имели место грабежи, поджоги, убийства женатых священнослужителей. Тщетно сыпались на папу проклятия и пророчества, но он оставался верен себе: «цель оправдывает средства».

Теперь Григорию оставалось реализовать последний, самый трудный пункт своей программы — поднять римский престол на прежнюю высоту. Неуклонно проводя политику подчинения светского государства св. престолу, папа осуществляет активную внешнюю политику. Он вел переговоры с Византией и даже наладил контакты с князьями Руси. Испанцев он уверял, что их Церковь основана Петром и Павлом и поэтому неизбежно входит в юрисдикцию Рима. В польском королевстве, где влияние Рима значительно усилилось, Григорий отлучил от Церкви и низложил короля Болеслава Смелого, давая понять, что папа есть царь царей, а Римская церковь — мать церквей.

Однако мечта о всемирной власти первосвященника, объединившего в своих руках оба меча, духовный и светский, неизбежно должна была столкнуться Григория VII с интересами Германской империи, которую не устраивало подобное положение вещей. Началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Император Генрих IV не только не согласился прекратить практику продажи духовных должностей, но и, созвав в 1076 г. Собор в Wormse, отверг папскую власть. В ответ папа отлучил его от Церкви, сняв со всех немецких феодалов обязательство в верности Генриху. «Папа скорее пожертвует жизнью, чем оставит королевский венец на главе нераскаянного грешника», — заявил Григорий. Генриха покинуло большинство вассалов, и его положение стало безвыходным. Чувствуя, что с папой бороться невозможно, он сам отправился в Италию и прибыл к замку Матильды в Каноссе. Григорий VII укрепился там, ожидая нападения императора, но Генрих, «сняв

Генрих IV в Каноссе.

Миниатюра. XII в.

Генрих IV.
Реликварий собора в Аахене

все королевские украшения, без всякой пышности, с босыми ногами стоял в ожидании приговора римского епископа, постясь с утра и до вечера». Это было кульминацией унижения империи перед папством. После некоторого колебания папа простил Генриха.

Однако смирение Генриха оказалось показным. Как только политические обстоятельства изменились в его пользу, конфликт вспыхнул с новой силой. На этот раз успех был на стороне императора. В Риме начались беспорядки, и Григорию VII пришлось бежать. Смерть застала его в то время, когда на римский престол уже взошел новый папа.

Несмотря на поражение Григория VII, его идея освобождения Церкви от государственной зависимости уже обрела плоть и кровь и получила окончательное утверждение на I Латеранском Соборе 1123 г. Реформы, которые отстаивали Григорий VII и клонийцы, не только оказали

сильнейшее влияние на положение Церкви по отношению к светской власти, но и привели к глубоким положительным изменениям во внутренней жизни Церкви, ее духовном и культурном облике.

Развитие философии и богословия на Западе.

Ансельм Кентерберийский

Никакие реформы не дали бы результатов, если бы Западная Церковь не осознала, что необходимо поднимать религиозную культуру народа и способствовать просвещению суеверных и неграмотных масс. Помимо организации школ для духовенства, в монашеских кругах начали изучать античную философию, читать произведения еврейских и арабских мыслителей. В просветительской деятельности поддержку монахам оказывали и некоторые папы, особенно Сильвестр II,

занявший римский престол с 999 по 1003 гг, а также и Григорий VII.

После периода упадка в монастырях и церковных школах реформированный клир ревностно занялся науками. Тип епископа-солдата уходил в прошлое. Уже к концу XI века в Западной Церкви появилось больше выдающихся философов, богословов, историков и поэтов, чем за несколько предшествовавших веков.

Духовное и культурное наследие Церкви подпитывалось в тиши монастырских школ и библиотек. Особенно прославилась монастырская школа в Санкт-Галлене, на территории нынешней Швейцарии. В ней велась основная работа по переписке книг. Монастырские библиотеки хранили огромные сокровища мировой культуры: помимо христианской, здесь были представлены произведения античной и арабской литературы. Книжным делом занимались не только монахи, но и монахини.

В монастырских школах разрабатывались новые педагогические принципы. Если раньше успех воспитания видели в суровости учителя, то теперь влиятельные мыслители, в частности знаменитый философ и педагог Ансельм Кентерберийский, восстали против мнения, согласно которому плетка являлась основой воспитания; он особенно настаивал на предоставлении ученикам возможности самостоятельно развиваться. Искусственные и суровые условия, по его словам, калечат души.

В сфере богословия ученые искали ответа на наиболее волнующие проблемы нравственно-религиозной жизни, на хилиастические настроения и аскетические движения.

Переводы греческих писателей, особенно Псевда Дамаскина, давали неисчерпаемый источник новых идей и размышлений. Бурное развитие арабской философии требовало достойного христианского ответа. Философы искали новые формы выражения богословских понятий, прежде всего задаваясь вопросом о границах познания, о соотношении разума и веры.

Свое наиболее полное выражение философско-религиозные искания эпохи нашли в системе выдающегося философа и богослова

Ансельма, епископа Кентерберийского (ок. 1033—1109).

Ансельм прожил долгую и богатую событиями жизнь. Он был видным церковным деятелем и мыслителем, проводником идей Григория VII в Англии. В 1099 г. он предпринял попытку соединения церквей, а незадолго до своей смерти стал свидетелем первого похода крестоносцев, двинувшихся в Палестину.

Ансельм снова в полной мере ввел в богословие идеи блж. Августина. Отдавая дань зарождавшемуся увлечению рационализмом, Ансельм стремился доказать бытие Божие простым рассуждением. Сначала Ансельм считал свое желание искушением, но в конце концов изложил в книге «Прослогион» рациональные доказательства бытия Божия так, как он это видел.

Первое доказательство Ансельма сводилось к понятию абсолютного, совершенного Добра и Блага. Благо проявляется в самых различных фактах бытия. Но оно должно существовать и само по себе как независимое благое существо. Это Существо и есть Бог.

Второе доказательство связано с причинностью вещей в природе. Всякая вещь в мире имеет

Папы римские:
Лев, Григорий и Сильвестр.
Фреска. XI в.

Женский костюм.

Рисунок с мозаики. XII в.

причину. Мир же, как сумма вещей, тоже должен иметь причину, но такую, которая сама была бы уже беспричинна и обладала творческой мощью, то есть сама была бы способна стать причиной. Эта безусловная конечная первопричина и есть Бог.

Третье доказательство заключается в понимании и различении степеней совершенства. Один предмет совершеннее другого, а раз есть сравнительное совершенство, то должно быть и несравненное совершенство, которое есть Бог.

Наконец, четвертое доказательство Ансельм излагает следующим образом: «Даже безумец

должен признать, что в его уме есть идея о существе, выше которого нельзя представить себе ничего... И, несомненно, что этот объект, выше которого нельзя представить ничего, пребывает не в одном только уме, потому что если бы он пребывал только в уме, то можно было бы, по крайней мере, предположить, что он пребывает также в действительности. И такое условие делает существо высшим, чем существо, пребывающее только в мышлении... Поэтому-то наверняка существует такое существо, выше которого ничего нельзя представить ни в мышлении, ни в действительности».

Стремление Ансельма облечь вероучительные положения в рациональную систему приближа-

Наряд дамы-аристократки.

Рисунок с миниатюры. XIV в.

Одежда патриарха.
Рисунок с фрески. IX в.

Средневековую богословскую мысль к святоотеческому наследию. При этом Ансельм вовсе не переоценивал возможностей разума. Безусловный сторонник догматического авторитета, Ансельм считал, что его доказательства совершенно не обязательны для христианской веры. Действительно, мученики шли на костры отнюдь не во имя «конечной причины» и «необходимого следствия». Только тогда, когда вера становится живым опытом, она начинает обращаться к разумным, логическим предпосылкам — и вероучение, таким образом, есть лишь теоретическое обобщение осмысления веры. Уже имея веру, нужно, по

словам Ансельма, «познавать то, во что веришь».

Помимо вопросов логического обоснования Бытия Божьего, проявлений Бога в мире, Ансельму Кентерберийскому принадлежат детально разработанные концепции о первородном грехе и искуплении — концепции, во многом определившие пути развития схоластики.

Своеобразным было понимание Ансельмом сущности зла и свободы воли человека. Если свобода до сих пор традиционно рассматривалась как свобода выбора между добром и злом, то Ансельм исходил из учений апостола Павла и блж. Августина: все добро исходит от Бога, свобода же — это свобода сохранения добра. Тайна Святой Троицы также была предметом его размышлений — в Божественном Логосе ему виделись вечное самопознание и самолюбие Бога.

Если Иоанн Скотт Эриугена только приближался к основным методам и идеям схолистического богословия, то Ансельма Кентерберийского часто называют отцом схоластики. Признанный крупнейшим западным богословом в период между блж. Августином и Фомой Аквинским, Ансельм Кентерберийский оказал значительное влияние на многих выдающихся теологов и философов, в том числе и современных.

ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУБЕЖЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Византия в это время переживала свой последний культурный расцвет. Наступила пора, когда она должна была стать наставницей больших и малых народов, передав им свое духовное наследие. Византийские миссионеры несли христианскую весть по всему миру, отправляясь в далекие земли — к арабам, евреям и славянам. Из всех стран шли паломники и в Византию. Пораженные величием и красотой древней империи, многие из них обращались в христианство. Византия, этот «Париж Средневековья», как ее потом называли, с честью выполнила свою миссию.

Со времен патриарха Фотия империя практически восстановила прежнее величие. Границы были хорошо защищены, государственный аппа-

рат усилился, а власть царя Вазилевса достигла своего апогея. При дворе вошли в моду классические традиции, давшие этой эпохе название «византийского ренессанса». Столица поражала своей почти сказочной роскошью и великолепием.

В наименьшей степени пробудилась духовная жизнь Восточной империи. Ученые, богословы, философы, поэты, историки и ораторы создавали шедевры литературы и искусства. Император Константин VII Багрянородный, который занимал византийский трон с 913 по 959 гг., обладал недюжинным литературным талантом: он написал ряд медицинских, исторических и сельскохозяйственных трактатов; одним из первых стал относиться к истории не как к отвлеченной науке, а как к конкретному знанию, необходимому в практической жизни. Он собрал воедино множество жизнеописаний святых, подобно знаменитому поэту Симеону Метафрасту — автору огромной агиографической поэмы, основанной на народных преданиях и фольклоре. В эту же эпоху писал выдающийся хронист и историк Лев Диакон, а архиепископ Кесарийский Арефа собирал сочинения греческих мыслителей.

Влияние Церкви на общественную жизнь в этот период значительно усилилось. Союз Церкви с государством отличался особой прочностью, хотя Церковь и занимала подчиненное положение по отношению к светской власти. Выборы патриарха зависели от императора, епископы не имели личных владений. Доходы Церкви определялись опять же милостью императора — эти обстоятельства не давали духовенству возможности уподобиться феодалам, как на Западе.

Монашество в Византии было несравненно более многочисленным, чем на Западе. Каждый император, видный сановник, полководец возводил свои монастыри, наделяя их богатыми владениями. Крупнейшие монастыри вмешивались в политику, светские же лица в борьбе за власть искали поддержки монашества.

Как и на Западе, в Византии усилились мистические настроения, особенно среди обездоленных масс. Множество крестьян в ожидании конца света предавались духовному созерцанию, принимали монашеские обеты. Центром духов-

но-мистической жизни Византии, а потом и всего Востока становится Афон.

Афон

Происхождение этой своеобразной монашеской республики в Греции, на берегу Эгейского моря, уходит корнями в далекое прошлое. Заселение святой горы, Афона, отшельниками началось очень рано, возможно, в IV в. Монашество здесь прошло все фазы развития: отшельничество, затем создание лавры и, наконец, монастырей со строгим уставом. Основателем уставного монашества на Афоне считается св. Афанасий Афонский, при-

Коронавание Христом Константина Багрянородного.

Резьба по кости. 945 г.

Кирилл и Мефодий.

Скульптура

возникает знаменитая Лавра, названная его именем. В XII в. Афон уже становится общепризнанным центром византийского монашества, духовно-мистической жизни Востока. Название Лавры связано со следующей легендой: отличавшийся строгостью жизни, любовью к молитве и уединению византийский полководец Никифор Фока и монах Афанасий, сурового воина связывала крепкая дружба. Они решили провести остаток дней в каком-либо монастыре. С этой целью Афанасий выбрал монастырь на Афоне, которая вдавалась в море и казалась недоступной от всего мира. Но жизнь Никифора оказалась иначе: он стал византийским императором и женился. Афанасий очень скорбел об изменении своего друга. Но Никифор на престоле продолжал вести скромный образ жизни. Желая загладить вину, он всячески поддерживал маленькую обитель на Афоне. В 963 г. основали и другие монастыри, но Никифор

издал указ, в котором запрещал строительство новых обителей.

Афону принадлежало великое будущее в деле сохранения и приумножения восточного духовного наследия. Пережив века вражеских нападений, пожаров, монастырь, вернее, несколько православных монастырей, существует и сейчас, привлекая большое количество паломников. По словам историка, «из года в год — на всем христианском Востоке стремление к затвору привлекало на Афон все новые и новые толпы, склоняло наиболее гордые головы под суровый устав Афанасия и оказывало непобедимое очарование даже на души царей».

Особенно важная роль выпала Афону после падения в XV в. Византийской империи, когда вся духовная жизнь греческого Востока сконцентрировалась в стенах монастырей на этой святой горе.

Но усилий только афонских монахов было бы недостаточно для сохранения и приумножения духовных богатств восточного христианства. Эту миссию в период угасания и окончательной гибели Византийской империи приняли на себя славянские народы.

Христианизация славян. Святые Кирилл и Мефодий

Словно в преддверии упадка и последующей гибели Византийской империи восточное христианство стало распространяться и укрепляться среди юных народов, только еще обретающих свою государственность и религиозно-национальную идентичность. Речь идет прежде всего о распространении христианства среди славян. Эта миссия неразрывно связана с именами двух братьев, будущих святых Кирилла (ок. 826—869) и Мефодия (ок. 815—885).

Братья родились в греческом городе Солуни (Салоники), в семье видного военачальника, близкого к императорскому двору. Мефодий, старший брат, служил в славянском гарнизоне, где изучил местный язык. В разгар борьбы с иконоборческой ересью он стал монахом, удалившись в малоазийский монастырь Олимп.

Константин, младший брат, с ранней юности стал проявлять необыкновенную даровитость, прекрасную память и любознательность. Еще мальчиком он полюбил творения Григория Богослова, постоянно читал их и знал многое наизусть. Как одаренного ученика Константина отправили в византийскую академию, организованную Вардой при императорском дворе. Там он вместе с юным престолонаследником Михаилом III учился у лучших наставников (в том числе у будущего патриарха Фотия) и, как говорит житие, «вскоре был обучен всей мирской мудрости: грамматике и гомеровской поэзии, риторике и философии, арифметике и астрономии, музыке и всей эллинской науке и был на удивление учителям своим из-за такой быстроты ума своего прозван впоследствии Философом, т.к. преуспел в философии более других. Но не только же в эллинском языке был премудр, но и в других языках: римские писания изучил хорошо и сирийские диалоги, и другие иностранные изучил языки».

Видя блестящие дарования Константина, императорский сановник Феоктист хотел женить его на своей родственнице и способствовать его карьере при дворе. Однако у Константина были совсем другие намерения. Он тайно отправился на берег моря в один из монастырей и принял иночество под именем Кирилла, под которым и стал известен в истории христианства. Но юного философа убедили, что с его знаниями и дарованиями он может принести огромную пользу Церкви, не удаляясь в монастырь. Кирилл вернулся в Константинополь и получил место преподавателя философии и библиотекаря храма св. Софии. Огромная эрудиция и проповеднический талант позволили молодому ученому одержать несколько ярких побед в диспутах и сделали его имя широко известным. Когда в 851 г. один из мусульманских эмиров обратился к императору с просьбой прислать к нему опытного наставника-христианина, выбор пал на Кирилла.

По возвращении Кирилл провел несколько лет в монастыре Олимп, где настоятелем был его брат Мефодий. В 860 г., по инициативе патриарха Игнатия и поручению императора, братья были посланы к хазарам по их просьбе. Миссия была

успешной: братья не только обратили в христианство многих хазар, но и способствовали возвращению в Константинополь пленных греков.

В 863 г., в период патриаршества Фотия, братья отправились в славянские земли. С этого момента начинается самая славная страница их жизни. Проработав три года сначала в Моравии, а потом в Паннонии, братья обращали язычников, утверждали в вере и нравственности новообращенных. Но главная их заслуга состояла в том, что на основе греческого алфавита они изобрели славянскую азбуку, фактически став создателями славянского языка и письменности. Они перевели на славянский язык части Священного Писания, использовавшиеся в богослужении, и основные церковные службы. Кирилл создал школу для молодежи, где преподавание велось на славянском наречии.

Однако усилившееся именно в этот период противостояние Восточной и Западной Церкви чрезвычайно усложнило просветительскую деятельность братьев. Латинизированное немецкое духовенство, которое имело свои виды на славянские земли, опасаясь византийского влияния, обвинило Кирилла и Мефодия в ереси. Предлогом для обвинений было введение славянского языка в богослужение; по утверждению немецкого духовенства, воздавать хвалу Господу можно только на трех языках — еврейском, греческом и латинском — тех, на которых была сделана надпись на Кресте Господнем.

В 868 г. братья отправились за поддержкой к папе Адриану II в Рим. Папа поддержал миссионерскую деятельность Кирилла и Мефодия, подтвердил право служить по-славянски, освящать славянские книги. В Риме слабый здоровьем Кирилл заболел и скончался, перед смертью взяв от Мефодия обещание продолжить начатое в Моравии дело.

Мефодий, возведенный в сан архиепископа Паннонии, все более расширял миссионерскую деятельность. Тем временем политические и церковные распри разгорались. В 870 г. по обвинению в нарушении иерархических прав на Паннонию и Моравию Мефодий был вызван на собор немецких епископов в Баварию, где подвергся

боям и провел около трех лет в темнице. Лишь в 873 г. новый папа Иоанн VIII заставил баварский епископат освободить Мефодия. В последующие шесть лет при активном участии Мефодия славянская Церковь значительно расширилась, охватывая территории Чехии и Польши. Одновременно прямой и принципиальный Мефодий боролся с распущенностью светских правителей, что вызвал их недовольство. По-прежнему плело против него интриги немецкое духовенство, продолжая обвинять в ереси. Но главным противником Мефодия стал его собственный помощник — рукоположенный папой в епископы немец Вихинг. Вынужденный защищаться от постоянных обвинений, Мефодий тем не менее активно занимался церковной и просветительской деятельностью. В 883 г. он приступил к переводу на славянский язык полного текста Священного Писания, отдельных произведений святоотеческой литературы. Так, в трудах и борьбе он и встретил смерть в 885 г.

С кончиной Мефодия его ученики подверглись гонениям, как и неокрепшая еще славянская Церковь. В итоге на западно-славянских землях византийское христианство не утвердилось: западные славяне примкнули к германско-романскому миру. Однако деятельность солунских братьев получила дальнейшее развитие у южных славян, куда отправились многие ученики Кирилла и Мефодия — у сербов, болгар, а потом и у русских, соединивших в недалеком будущем свои судьбы с византийской Церковью. Для Русской Православной церкви, всех восточных церквей — как, впрочем, и для всего христианского мира, — святы Кирилл и Мефодий являются одними из самых любимых и почитаемых святых.

ВЕЛИКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

В эпоху Карла Великого ясно обозначилось отчуждение между западным и восточным христианством, хотя сам процесс отчуждения начался задолго до этого времени.

Когда Константин Великий в 330 г. перенес столицу Римской империи в Константинополь, он тем самым заложил основу политического, а за-

тем и церковного разделения империи на Восток и Запад. Император Феодосий в 395 г. ввел раздельное управление западной и восточной частями империи. С вторжением варваров и падением западной Римской империи в конце V в. политическое разделение стало полным и окончательным. Церковь формально оставалась единой (что выражалось в созыве Вселенских Соборов), но фактически в своем управлении она тоже раскололась на Восточную и Западную. Как мы уже знаем, на Востоке процветал цезарепапизм, когда императоры, по существу, управляли Восточной Церковью, становясь «папами». На Западе же папы все больше сосредоточивали в своих руках финансовую, военную и политическую власть, превращаясь в светских государей (такое положение некоторые историки определяют как «папоцезаризм»). В итоге на Востоке Церковь стала важным придатком и инструментом светской власти, а на Западе, наоборот, — государство рассматривалось как инструмент церковной власти.

Неудивительно, что подобное различие во взглядах провоцировало непрекращающиеся конфликты.

Другой важной причиной раскола была внутрицерковная борьба за первенство кафедр, за влияние во Вселенской Церкви. Из нескольких крупнейших церковных кафедр, существовавших в первые века, выделились две, представлявшие столицы империй, римская и константинопольская, которые начали между собой многовековую борьбу.

Важной, но не решающей, причиной были богословские разногласия, которые издавна существовали между Востоком и Западом. Греческое сознание, в значительно большей степени склонное к теоретическому осмыслению христианского учения, занималось детализацией и формулированием сложных богословских доктрин. По этой причине большинство ересей, раздиравших Церковь, рождалось именно на Востоке. Запад же больше решал вопросы практической церковной жизни. В результате развитие Восточной и Западной Церквей имело характерные отличия как в постановке религиозно-богословских проблем, так и в их решении.

Разделение Церквей в немалой мере вызвано причинами культурно-исторического и этнографического характера. Каждая поместная церковь в определенной мере усваивала традиции, обряды, способ мышления местного населения. Эти традиции не совпадали между собой у разных народов и в разных регионах, что привело к целому ряду обрядово-догматических несоответствий. Хотя подавляющее большинство этих причин являлось лишь выражением церковно-политической борьбы, нельзя не учитывать их собственно религиозный аспект.

Обрядово-догматические различия Западной и Восточной Церквей в период Великого раскола

К X в. исторически сложились и закрепились в обрядово-догматической жизни Западной и Восточной Церквей следующие различия:

1. Различия в Символе веры. Начиная с VI в. Западная Церковь стала вводить в формулировку Символа веры добавление: «и от Сына» (филиокве), говоря об исхождении Святого Духа. К XI в. эта редакция Символа веры окончательно закрепились на Западе.

2. Уже к середине II в. возникла проблема даты празднования Пасхи. Различные даты празднования Пасхи — главного христианского праздника — на Востоке и Западе, и соответственно несовпадение церковного года, препятствовали развитию нормальных отношений между Церквями.

3. На Западе в качестве общецерковного рано утвердился латинский язык, на Востоке же общецерковным языком продолжал оставаться греческий. «Разделение языков» вело к богословскому размежеванию.

4. Противостояние Западной Церкви иконоборческой ереси косвенным образом привело к ее вмешательству в дела Восточной Церкви, что в свою очередь усилило напряженность в отношениях между ними.

5. На Западе рано утвердился обычай совершать литургию на пресном хлебе (облатках), в то время как на Востоке она совершалась на квасном хлебе.

6. На Востоке был разрешен брак между духовенства, т.е. священников, не принявших монашества. На Западе для всего духовенства был установлен обет безбрачия (целибат).

7. Существовали, казалось, и совсем незначительные расхождения, например, правильно ли на Западе соблюдают пост в субботу или можно ли брить бороду священникам: на Востоке духовенство обязано было носить бороду, на Западе же священники могли бриться. И тем не менее даже такие расхождения порой вызывали яростные споры и приводили к крупным конфликтам.

Все вышеперечисленные причины немаломо вели к формальному расколу Церкви. Трагическая история раскола, завершившегося накопленными годами противоречия, состоит из двух этапов. Первый имел место в IX в. и связан с именем папы Николая I и константинопольского патриарха Фотия.

Папа Николай I Великий

Усиление папской власти на Западе

Замысел построения «Града Божия» в монархии Каролингов оказался несостоятельным, и империя развалилась. Но народы ее жаждали единства, оно воплощалось для них в лице Церкви, которую представлял римский престол.

Первым, кто стал решительно придавать папству государственно-имперские функции, был Николай I, занимавший папский престол с 858 г. до своей смерти в 867 г. Это был человек внушительной наружности, несокрушимой энергии и твердой веры во вселенско-монархическое значение папства. Приняв сан римского первосвященника, он первым из пап венчался трехъярусной короной (тиарой) в знак своего царского достоинства. Раздробленная Европа была бессильна перед умным и волевым «атлетом Божиим», как его называет летописец. Николай I заставлял считаться с собой мятежных епископов, баронов и королей. Ссылаясь на примеры Пипина и Карла Великого, он утверждал, что только папа дарует власть императорам. По мнению папы, как Бог господствует над миром, так и папа, его заместитель, должен стоять во главе земных царств: все должны припадать к стопам римского архиепископа, как к престолу Божию. Ради этого Николай I, по словам летописца, «повелевал королям и тиранам и покорял их своей власти».

Папа считал своим долгом пресечь епископские своеволие в национальных церквях. Если кто-нибудь отставлял от духовной должности без его ведома, он, невзирая ни на что, заставлял восстановить отлученного и, наоборот, отлучал невинно осужденных.

Юридическим обоснованием неограниченной власти пап стал сборник документов, который увидел свет при Николае I и получил название «Лже-исидоровы декреталии». Он включал в себя еще известную нам грамоту о «Константиновом маре», папские документы и грамоты со времен Климента Римского, отдельные постановления церковных соборов; составление его связывалось с именем Исидора из Севильи — главы испанской Церкви VI в. Документы (в массе своей вымышленные) провозглашали власть папы над все-

Св. Николай, папа римский

ми церковными руководителями и давали право любому епископу непосредственно обращаться к папе. Одновременно декреталии провозглашали свободу Церкви от светского контроля, более того, они объявляли о подчиненном положении светской власти по отношению к церковной. И в представлении папы его церковная власть распространялась повсюду. «Атлет Божий» напряженно следил за ходом церковной жизни во всем мире, и когда до него доходили слухи об успехах или неустройствах Восточной Церкви в далекой Византии или в славянских странах, он считал своим правом и долгом принять в событиях непосредственное участие и направить их в нужное для римского престола русло.

Борьба за константинопольскую кафедру

В Восточной Церкви к концу IX в. назревала острая борьба партий. Еще в период VII Вселенского Собора против слишком либерального патриарха Тарасия была настроена вся братия

Студитского монастыря — центра оппозиции правительству. Склонность византийских императоров к иконоборчеству заставляла студитов резко осуждать лояльность патриархов по отношению к властям и обращать свои взоры на Запад. Папы того времени с большим уважением относились к греческому православию и оказывали ему поддержку в тяжелые моменты — не случайно Феодор Студит называл папу «божественным пастыреначальником». Но положение изменилось, когда в 847 г. на константинопольской кафедре оказался патриарх Игнатий.

По отзыву современника, Игнатий был «отличный монах, но не блестящий патриарх». Он был необразован и не видел особого смысла в образовании, считая, что христианину достаточно вести аскетический образ жизни и постоянно пребывать в молитве. Основной своей целью он полагал укрепление монастырей, что часто делалось за счет других сфер государственной жизни; к тому же в своих оценках и решениях Игнатий бывал резок и несправедлив. В конце концов его деятельность стала вызывать недовольство в светских кругах.

В это время власть формально принадлежала Феодоре, матери юного императора Михаила III. Последний же находился под влиянием своего дяди Варды, человека порочного и не гнушавшегося никакими средствами для достижения власти. Патриарх Игнатий резко обличал развратное поведение Варды, а однажды не допустил его к причастию. Когда же Михаил III попытался лишить мать власти, потребовав от Игнатия насильно постричь ее в монахини, тот не согласился. Враги ему этого не простили: в 858 г. Игнатий был низложен и отправлен в ссылку, а на место патриарха был поставлен государственный секретарь Фотий (ок. 820—891).

Талантливый и высокообразованный Фотий понимал, что у Игнатия огромное число приверженцев, особенно среди монашества, и потому обещал почитать его, как своего отца. Однако надежды на мирный характер смены церковной власти не оправдались. Игнатий не согласился на добровольное отречение. Его сторонники предали Фотия анафеме. В ответ Фотий собрал

Собор, где в свою очередь предал анафеме Игнатия. После чего приверженцы патриарха Игнатия подверглись притеснениям и гонениям со стороны Варды, несмотря на заступничество самого Фотия.

Вступив на патриаршую кафедру, Фотий уведомил об этом лишь восточных патриархов.

Прошло три года, прежде чем в Риме получили какие-либо официальные сведения о происшедших на Востоке переменах, когда отчаявшийся Игнатий апеллировал к папе Николаю I Величавая его «патриархом всех кафедр, наследником князя-апостола», он жаловался на незаконное смещение его с престола. Письмо к папе послал и Фотий, оправдывая свое патриаршество вынужденными обстоятельствами и подчеркивая, что престол он занял против воли.

Папа Николай I отправил в Константинополь двух легатов разобраться с ситуацией на месте. В 861 г. состоялся Собор с их участием, на котором патриаршество Фотия было признано законным. Игнатий опять послал в Рим апелляцию; папе написали также император и Фотий. Николай I на этот раз заявил, что он не давал своим легатам полномочий решать дело, и не согласился с соборным решением. В 863 г. он осудил Фотия, низложил его и признал законным патриаршество Игнатия. Фотий, естественно, с решением Рима не согласился.

В это время происходили и другие церковно-политические события, еще более осложнявшие отношения Рима с Константинополем. Папа принял под церковно-административное управление Болгарию, что привело Фотия в крайнее негодование: он посчитал, что папа посягает на восточные земли. В 867 г. Фотий отправил послание восточным епископам, где жаловался на «латинян», посягающих на истинно христианскую веру. Он вспомнил о многочисленных теологических расхождениях между Востоком и Западом, объявив западное вероучение ложным и смертельным для христианства. Именно в этом послании богословские противоречия двух Церквей впервые сформулированы в явном виде и им придано такое значение (любопытно, что ранее, в 861 г. письмо Фотия к папе, напротив, отличалось либе-

ральностью в подходе к обрядово-догматическим вопросам). Тогда же Фотий созвал Собор, на котором папа Николай I был предан анафеме.

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. На константинопольском престоле сменилось несколько императоров, а на римской кафедре — несколько пап. За долгие годы церковно-политической борьбы Фотий был смещен, потом опять восстановлен в сане патриарха и, наконец, в 886 г. смещен окончательно. После этого борьба Рима с Константинополем несколько затихла — с тем, чтобы через полтора столетия разгореться вновь и закончиться самым печальным образом.

Разделение Церквей в 1054 г.

Второй этап борьбы крупнейших церковных кафедр и окончательное разделение Церквей связаны с именами еще двух выдающихся представителей Рима и Константинополя — папы Льва IX и патриарха Михаила Керулария.

Благодаря клюнийскому реформаторскому движению и поддержке немецких королей папство к середине XI в. значительно окрепло. Особый авторитет римский престол обрел при понтификате папы Льва IX, занимавшего его с 1048 по 1054 г.

До своего избрания папой Лев был немецким епископом и долго отказывался от возведения на папский престол. Лишь по настоянию императора Генриха III он согласился занять его. Способный руководитель, последовательный сторонник клюнийских реформ, он открыто стал бороться с симонией и браками духовенства — это дело впоследствии успешно завершил Григорий VII. Римская кафедра постепенно выходила из кризиса, в котором долго пребывала. Однако Италии и Риму постоянно угрожали норманны, а Генрих III отказался поддерживать папу. Суждаясь в политическом союзе с Византией, папа не мог не желать мира с константинопольским патриархом. Однако Лев IX не хотел лишиться церковного и политического приоритета Рима, в котором был глубоко убежден. Такое положение не устраивало его оппонента — константинопольского патриарха Михаила Керулария.

Михаил Керуларий происходил из знатной семьи. С юных лет он проявлял интерес к политике. Его даже прочили в императоры во время очередного дворцового заговора, участником которого он был. Однако заговор оказался неудачным, и летом 1040 г. Михаил Керуларий был лишен имущества и пострижен в монахи. В 1043 г. на престол взошел Константин IX Мономах, который приблизил к себе Михаила и сделал ближайшим советником; вскоре Михаил занял и патриаршую кафедру. Отдавшись служению Церкви, Михаил Керуларий сохранил черты властного, государственно мыслящего человека, но был столь честолюбив, что не терпел даже малейшего умаления своего авторитета и авторитета константинопольской кафедры.

Византия, в противоположность Риму, после короткого периода расцвета в X в. стала приходить в глубокий экономический и политический упадок. Положение усугублялось появлением на Востоке нового врага — сельджукских турок, против которых ослабевшая изнутри Византия уже не в состоянии была выстоять. Неудивительно, что ей необходимо было союзничество Запада.

Казалось, в таких обстоятельствах, когда Восток и Запад, объединенные общей христианской верой, нуждались друг в друге, их союз был естественен. Действительно, начался долгий процесс переговоров, который закончился полным разрывом двух ветвей Вселенской Церкви — Западной и Восточной.

Император Константин Мономах попытался заключить с папой договор о совместной защите Италии от норманнов, за что обещал Льву IX вернуть южно-италийские провинции, находящиеся под юрисдикцией Константинополя. Договор собирались скрыть от честолюбивого Михаила Керулария, так как константинопольский патриарх мог не согласиться с потерей своих владений. Однако он узнал о готовящемся договоре и решил доказать императору свою независимость и принципиальность. В 1053 г. Михаил Керуларий закрыл в Константинополе латинские церкви и монастыри, через которые папа, пользуясь политической ситуацией, стремился распространять

латинский обряд. Кроме того, по поручению патриарха один из византийских иерархов, Лев Охридский, написал сочинение, направленное против латинских обрядов (употребление опресноков, пост в субботу и т.д.). В ответ папа направил патриарху послание, где указывалось, что в Церкви должны царить мир и согласие: «Различие в обычаях, согласно с местом и временем, не вредит спасению, лишь бы мы были соединены верою и взаимной любовью, которая делает нас достойными перед Богом». Однако папа не преминул указать на грехи прежних константинопольских иерархов, отметил склонность последних к еретическим взглядам и даже привел чисто мифические сведения о том, что когда-то на константинопольскую кафедру была поставлена женщина. По сути, в своем письме папа предлагал константинопольской церкви почитать римскую церковь, как мать. Политическая ситуация была очень острой — и Керуларий, несмотря на обидный тон письма, склонялся к примирению и даже некоторым уступкам. Однако в одном вопросе его позиция оставалась непримиримой: он требовал признать права константинопольского патриарха равными правам папы. Папа на это пойти никак не мог: он упрекает Михаила Керулария за употребление титула «вселенский патриарх», который, по мнению Льва IX, надлежит носить только папе.

Конфликт начал разгораться. По поручению патриарха, монах Никита Стифат составляет новое обвинение Западной Церкви. В начале 1054 г. в Константинополь прибыло посольство из Рима, полномочное обсуждать вопрос о союзе с Византией против норманнов. В состав посольства входил кардинал Гумберт, который заблаговременно составил опровержение на обвинение Стифата. В ходе диспута Стифат признал свою неправоту, и его трактат был торжественно сожжен. Однако Гумберт не проявил достаточной мудрости и такта, чтобы поладить с патриархом и отнестись к нему с подобающим почтением. На созванном вскоре Соборе разгневанный Михаил Керуларий выделил папским легатам места позади греческих архиереев. Папские легаты сочли это унижением и отказались их занять; тогда патриарх прервал с ними всякие отношения.

У императора, озабоченного судьбой договора с Римом, и папских легатов возникла мысль созвать Собор и осудить патриарха. Хотя в один из этих дней папа Лев IX умирает, его посланцы идут на компромисс. 15 июля 1054 г. во время богослужения в Софийском соборе при огромном стечении народа легаты прошли к алтарю, обратились к византийцам с проповедью, жалуются на упорство их патриарха, после чего положили на святой престол буллу, в которой патриарха и его приверженцы обвинялись в ересь и предавались анафеме. Однако население Константинополя поддержало патриарха; начались волнения, чуть не стоившие жизни римским посланцам самому императору. Михаил Керуларий созвал Собор, и 20 июля 1054 г. на нем была произнесена анафема на всех, «кто трудился над изготовлением буллы», а сама булла сожжена.

Так, взаимным анафематствованием ознаменовался великий раскол Вселенской Церкви на Восточную и Западную. О причинах и характере раскола написаны сотни книг, виновниками объявлены обе стороны. Историки до сих пор спорят о событиях тех лет и выясняют, чьей вины было больше — Рима или Константинополя, Западной Церкви или Восточной. По-видимому, вина в равной степени лежала на обеих сторонах, точнее говоря, на Церкви в целом, — так как ее деятельность очень часто не имела ничего общего с евангельскими призывами. В любом случае, к концу IX в. идеологические и церковно-политические предпосылки скорого раскола Церквей уже окончательно сложились, а в середине XI в. реализовались окончательно.

Образовавшиеся независимые ветви Церкви получили название Католической и Православной, под которыми и известны на протяжении последних десяти веков. Но если Западную Церковь по-прежнему олицетворяет и возглавляет римская кафедра и ее предстоятель — папа римский, то Византия перестала быть оплотом восточного христианства. За несколько веков ее упадка, а затем гибели в XV в. под ударами турок центр Православия переместился на север — в русские земли. Новым оплотом Православия стала Русская Православная церковь.

Христос во славе, венчающий
князя Ярополка и Ирину.
Миниатюра. XI в.

О христианском единстве

Безусловно, разделение Церквей — событие глубоко трагическое для сознания всякого христианина, ибо в нем нарушается основной принцип жизни Церкви — ее единство. Многочисленные попытки преодолеть раскол носили по большей части искусственный характер и приводили к не лучшим результатам. Тем не менее задача достижения христианского единства по-прежнему стоит перед христианами Востока и Запада, которые обрели на своем индивидуальном пути бесценный опыт. Эту мысль прекрасно выразил русский философ Н. Бердяев: «Для таинственных дел Промысла религиозная жизнь челове-

ства распалась на два опыта, на два пути. Оба опыта имеют свою миссию и восполняют друг друга, но мы должны понять различие этих опытов и победить вражду на разных путях, мы можем и должны». Воссоединение христиан должно идти по пути взаимопонимания и взаимопознания. Духовный опыт Запада должен стать в той же мере достоянием Востока, как богопознание Востока должно принадлежать Западу. Когда отчуждение исчезнет, падут и вероисповедные перегородки. Только тогда будет и едино стадо — Вселенская Церковь, и один пастырь — Христос!

ХРИСТИАНСТВО НА РУСИ

Крещение Руси

Христианство стало проникать на Русь задолго до ее крещения. Существуют неоспоримые исторические сведения, что часть русов была крещена еще в IX в. при Аскольде (ум. в 882 г.). Более того, само крещение Руси носило официальный характер, а константинопольским патриархом Фотием на Русь был послан архиепископ для создания здесь церковной структуры. Однако в этот период на Руси, по-видимому, шла напряженная борьба между христианской и языческой партиями, и окончательно христианство утвердилось более чем через сто лет. Тем не менее, по свидетельству летописей, среди дружинников князя Игоря (ум. в 945 г.) было немало христиан, а в Киеве действовала христианская церковь, где совершались богослужения и приносилась присяга, «ибо многие варяги и хазары» были христианами. Приехавшая в Византию в 957 г. киевская княгиня Ольга уже была христианкой. У ее внука, князя Владимира (ум. в 1015 г.), еще до крещения четыре из пяти жен были христианками. Много христиан проживало до крещения Руси и в Новгороде, где действовала церковь Преображения Господня.

Русь в IX–X вв. была традиционно связана с блистательным Константинополем — Царьградом и со славянами в центральной Европе и на Балканском полуострове. Эти связи в значительной степени определили ориентацию Киевской Руси на восточно-христианский мир. При этом у киевских князей была возможность выбора между различными религиями, так как исповедующие их государства были заинтересованы в контроле над богатыми русскими землями. Именно о подобном соперничестве между крупнейшими монотеистическими религиями рассказывает эпизод из памятника древнерусской литературы «Повесть временных лет». Согласно этому эпизоду (подлинность событий, изложенных в нем, многими учеными отрицается), получившему название «Сказание о Владимиром крещении», в 986 г. в Киев пришли представляющие восточное хри-

стианство посланцы из Константинополя, миссионеры из Рима, а также представители иудаизма и ислама. Согласно легенде, князю Владимиру больше всего понравилась речь греческого проповедника, однако он еще не торопился принять христианство восточного обряда. На следующий год князь отправил в разные страны посольства, чтобы они на месте могли ознакомиться с каждой из религий. Летопись рассказывает, что латинские и мусульманские обряды не произвели на посла особого впечатления, Константинополь же и греческие церковные службы привели их в восторг, и они усиленно стали склонять Владимира к принятию христианства восточного обряда. Однако окончательное принятие христианства Владимиром было связано с военно-политическими обстоятельствами — походом на Корсунь и женитьбой на греческой царевне; условием женитьбы было крещение Владимира. Вернувшись в Киев в 988 г., Владимир разрушил языческие капища и крестил в Днепре народ, после чего начал «строить в городах церкви и назначать попов».

Даже из вышесказанного ясно, что крещение Руси Владимиром не было столь простым и быстрым делом, как его часто представляют. Прежде всего, летописи рисуют нам яркую и противоречивую фигуру князя, который до крещения мало походил на христианского святого. Язычник по натуре и верованиям, он содержал гарем, устраивал оргии, даже приносил в жертву христиан. Опыт полководца и мудрость политика сочетались в нем с необузданной жестокостью.

Процессу крещения предшествовали попытки Владимира реформировать языческий культ и даже ввести ислам, о чем есть недвусмысленные упоминания в исторических источниках.

Тем не менее не вызывает сомнений, что, крестившись, князь Владимир перестал быть язычником и стал ревностным христианином. Изменились ли его убеждения в силу данного ему откровения, пережитого духовного опыта или политических обстоятельств, не совсем ясно. Однако он решительным образом отверг язычество и утвердил новую религию. Естественно, люди не могли легко отказаться от прежних многовековых верований, — поэтому процесс крещения

народа был осуществлен в приказном порядке. По свидетельству митрополита Илариона, «крестились если не по собственной воле, то из страха перед приказавшим». В некоторых местах, в частности в Новгороде, замена традиционного языческого культа новым встречала открытое сопротивление. Но все же Русь оказалась готовой к принятию новой веры.

Впоследствии Владимир активно содействовал укреплению и распространению христианства, а официальной датой крещения Руси традиционно стали считать 988 год.

Начало Церкви на Руси

В славянской Руси вере Христовой суждено было приобрести особую окраску и новый облик. Свет истины, преломившись сквозь призму русского национального характера, вылился в одно из самых ярких и значительных явлений христианства — русское Православие. Оно выработалось в процессе исторического развития Руси и роста национального самосознания. Киевский период (до нашествия монголов) стоит в этом отношении как бы особняком от последующей истории, но уже в это время начинает складываться образ Святой Руси, ставшей центром восточно-христианского богопознания.

Как и у варваров, на Руси до принятия христианства жизнь человека была тесно связана с природой. Жизнь крестьян была во власти стихий, и отказаться от языческих богов, управлявших ими, — значило поставить под удар само свое существование. Вместе с тем древнеславянская религия была довольно примитивна и не оказывала большого влияния на народ. Поэтому, когда Перуна в народном сознании в конце концов заменил пророк Илья, переход совершился безболезненно, но одновременно и не слишком осознанно. К тому же пышность византийского православия, усвоенная Русью, способствовала выдвигению на первый план, скорее, обрядов, чем содержательной стороны христианства. Не случайно, все благочестие героев былин заключается нередко в том, что они «крест кладут по писаному» и поклоны ведут по ученому».

Но стихийная природа дохристианских народных верований имела и положительный аспект. Она дала возможность развиться тому чувству близости Бога, близости Христа, Господа-Батюшки,

Святой Владимир.

В. Васнецов.

Эскиз. 1894 г.

Собор св. Софии.
Киев.
XI в.

Который присутствует не где-то в заоблачных высях, а здесь, на земле, с людьми. Христос помогает и сострадает им. Это чувство естественной и непосредственной близости Христа стало основой русской святости, в целом лишенной страсти и порыва, свойственных западному христианству.

Киевский период был самым воинственным в истории Руси: дружины князей штурмовали Византию; войны-язычники пили из черепов поверженных врагов. В этот момент на Русь пришло христианство, и Русь приняла нравственную сущность евангельского учения. В отличие от германцев, она восприняла Христа не как вождя, а как «Милостивца».

Конечно, отнюдь не всегда христианские нравственные законы работали в полную силу, языческое прошлое все время давало о себе знать в

народном сознании (что привело к появлению понятия двоеверия применительно к Руси — сочетания христианской веры и языческих верований), и проявляется оно вплоть до наших дней. Столкновение жестокого и воинственного язычества со светлым и исполненным любви духом христианства привело к борьбе, первыми героями и мучениками которой народ справедливо почитает князей Бориса и Глеба — сыновей Владимира.

Святые Борис и Глеб (оба ум. в 1015 г.)

Когда должен был решиться вопрос, кто будет наследовать Владимиру, один из его сыновей — Святополк — решил захватить великокняжеский престол, насильственно устранив своих братьев Бориса и Глеба. Борис на предложение дружины начать борьбу ответил: «Не подниму я руку на брата старейшего, он мне вместо отца». Это было первое истинно христианское слово, прозвучавшее на Руси. Дружина покинула князя, считая его слова проявлением слабости. Когда убийцы пришли к Борису, слуги, как рассказывает житие, плакали и говорили: «Милый наш господин, дорогой! Ты не хотел противиться брату любви ради Христовой!» Борис был убит, такая же участь постигла и юного Глеба. Русь оценила их смерть как мученичество за веру и причислила братьев к лику святых. Христианская кротость и смирение князей-страстотерпцев помогали русскому народу в течение веков сохранять терпение и мудрость в самые трудные исторические моменты.

Просветительская деятельность Ярослава Мудрого

Киевский трон занял другой сын Владимира, Ярослав Мудрый (978—1054), сделавший для русской Церкви не меньше, чем его отец, — но уже на поприще просвещения и укрепления христианства на Руси. Человек широких взглядов, опытный правитель, тесно связанный брачными узами с европейскими государями, Ярослав стремился к упрочению христианства в Киевском государстве и достижению культурного уровня Византии и Западной Европы. Просвещение было жизненно необходимо Руси, так как она имела очень молодую и неразвитую культуру. Ее

зависимость от духовных и экономических центров мира создавала печальную перспективу замкнутости и одичания. Поэтому Ярослав налаживал связи со всеми странами, охотно принимал послов, старался перенять все достижения христианских цивилизаций, особенно заботясь о распространении духовной литературы. Из южнославянских стран стали прибывать священники — греки, болгары, сербы. Они привозили с собой церковную утварь, древнюю религиозную литературу, богослужебные книги, которые начали переводить на славянский язык. Появились книжники, специализировавшиеся на переписывании книг. Одновременно народ начали обучать грамоте — христианская Церковь стала просветительницей Руси.

Ярослав основал большую публичную библиотеку. К его времени относится древнейшая русская рукопись Евангелия (так называемое Ос-

тромирово Евангелие). Он выдавал специальные пособия священникам для проповеди народу, создал школу для боярских детей. Просветительское дело Ярослава продолжил его сын Святослав II (1027—1076), который издал «Изборник» — книгу, составленную из переводов на славянский язык отрывков из произведений Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Августина, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и других Отцов Церкви.

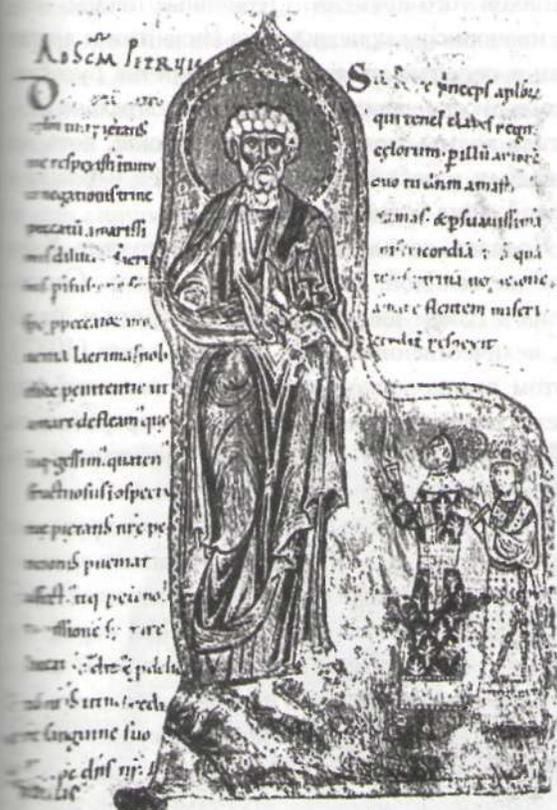
Не меньшая заслуга принадлежит Ярославу Мудрому в деле становления русской правовой системы. Введение христианства сыграло огромную роль в изменении нравственного состояния народа, ранее жившего языческими представлениями о добре и зле. Нормы древнерусского права в их христианском переосмыслении становились нормами права церковного. Ряд таких норм по своей гуманистической природе превосходил даже византийские аналоги — например, законы о браке, убийстве, оскорблении. Такие правила были введены еще Владимиром, но в наиболее полном и детальном виде они сформулированы в так называемом Уставе Ярослава, одним из авторов которого был Иларион — первый русский митрополит.

Становление Церкви на Руси. Христианская культура и искусство

Вскоре после введения христианства на Руси была создана начальная церковная структура в форме митрополии константинопольского патриархата. Ее возглавлял митрополит, назначавшийся Константинополем и имевший местом пребывания кафедральный собор св. Софии в Киеве. Во многих крупнейших городах — Белгороде, Новгороде, Полоцке и других — были созданы епископии. В XI и XII вв. русская Церковь управлялась митрополитами греческого происхождения. Это в известной мере делало ее независимой от симпатий той или иной партии и власти. Но уже Ярослав сделал попытку изменить это положение и в 1051 г. поставил митрополитом русского папстыря Илариона, выдающегося мыслителя и писателя, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Этот первый дошедший до нас

Апостол Петр и князь Ярополк.

Миниатора. XI в.

памятник древнерусской литературы свидетельствует, какой духовный подъем испытала Русь и какие великие пастыри окормляли ее, хотя не прошло еще и ста лет со времени крещения народа Владимиром. В форме торжественной проповеди, разделенной на три части, Иларион развивал три идеи: о духовном превосходстве Нового Завета («благодати») над Ветхим Заветом («законом»), о великом значении крещения Руси и роли князей Владимира и Ярослава, о величии Русской земли. Интересно, что в «Слове» князь Владимир превозносится как «новый Константин», а его деятельность приравнивается к деяниям апостолов. По мнению автора, Владимир, мудрый политик и отважный воин, принял христианство по божественному внушению. Литературные достоинства «Слова» высоки; его торжественный стиль выдержан в жанре византийской риторики; в произведении можно обнаружить массу символических параллелей, традиционных приемов византийского красноречия. Не случайно «Слово» сильно повлияло на развитие последующей древнерусской литературы.

Огромное значение для становления русской культуры, литературы, истории имели летописи. Подобно «Слову» Илариона, летописание было проникнуто стремлением осознать текущие события путем обращения к прошлому, поэтому интерес монахов-летописцев к истории своего народа выразился в прославлении не только деяний христианских подвижников, но и подвигов древних языческих князей. Летописцы опирались в своем повествовании на самый разный материал — исторические документы, устные предания. В летописях широко используется народный фольклор: для стиля летописания характерны прямая речь героев, публицистические приемы, использование пословиц и поговорок. В Киеве летописи записывались игуменом Киево-Печерской Лавры Никонем во второй половине XI в.; появились свои летописцы и в Новгороде. В начале XII в. киево-печерский монах Нестор собрал летописные своды воедино. Этот свод получил название «Повесть временных лет» и является основным источником сведений для современных ученых-историков.

Собор св. Софии.
Новгород.
XI в.

В многочисленных монастырях концентрировались основные силы ученых, писателей, художников того времени. Церковные писцы, зодчие, иконописцы приезжали из Византии и других стран и передавали секреты мастерства русским. Вскоре русские мастера уже самостоятельно возводили храмы, писали фрески и иконы, которые приводили в восхищение иностранцев и вошли в золотой фонд мировой культуры.

Ярослав хотел сделать свою столицу Киев такой же великой, как Константинополь. Он построил в Киеве дворец, Золотые ворота и, наконец, величественный храм святой Софии (1037). В этом великолепном сооружении византийские приемы зодчества были творчески переработаны на основе местных традиций греческими и, во всей вероятности, русскими мастерами.

Снаружи храм был увенчан пятью круглыми куполами. Внутренность храма украшает грандиозная мозаика с изображением воздевшей руки Богородицы, словно благословляющей народ. Ешестиметровая фигура в центре алтарной апсиды как бы поддерживает церковное здание.

Незабываемы мозаичные фигуры Отцов Церкви в нижнем поясе апсиды; их лики, светлые одеяния с черными крестами изображены

удивительно тонко и гармонично. В мозаичной композиции «Евхаристия» художнику удалось замечательно передать стремительный порыв, в котором апостолы направляются к храму.

В те же годы была построена и церковь Спаса на Берестове с барельефами, созданными по древневосточным мотивам, и выдающийся по красоте храм святой Софии в Новгороде с пятью куполами в форме воинских шлемов. Новгородский собор святой Софии окончательно определил рубеж, когда русское религиозное искусство перестало быть только ветвью искусства византийского. Соборы XI в. сыграли в жизни Руси огромную роль, превратившись в центры духовного просвещения, национальную святыню, знамя единства русских христиан.

Весь христианский мир стал местом познания и обретения духовного опыта для тысяч новообращенных. Русский народ отличался особой любовью к святым местам — они зачастую были для него единственными источниками познания и вдохновения. Вчерашние язычники, еще жившие во власти своего прошлого, отправлялись в те уголки мира, где была ключом благодатная сила молитвы и Духа Святого, хранимая и приумножаемая подвижниками и святыми. Монастыри Византии, Святой Земли, Афона принимали первые потоки паломников, шедших из далекой Руси приобщиться к сокровищнице христианской веры. И, наконец, духовный уровень русского христианства настоль-

Успенский собор Печерского монастыря.

Киев.

XI в.

ко возрос, что такая же сокровищница появилась и на русской земле. Ею стала Киево-Печерская Лавра — монастырь, которому предстояло стать средоточием веры Христовой на Руси.

Киево-Печерская Лавра

В эпоху князя Ярослава среди многочисленных паломников-богомольцев, отправлявшихся в нелегкий путь к святым местам, был молодой странник Антипа. После долгих скитаний он остановил свой выбор на Афоне и вскоре стал там иноком, приняв имя Антоний. Его горячая вера и святая жизнь обратили на себя внимание игумена. Настоятель монастыря, как рассказывает летопись, велел Антонию: «Иди на Русь обратно, и да будет на тебе благословение Святой горы, ибо от тебя пойдет много чернецов». Символично, что именно на Афоне — святыне византийского христианства — было дано напутствие будущему основателю русской христианской святыни, преподобному Антонию.

В лесной пещере на берегу Днепра, где Иларион «молился Богу в тайне», Антоний зажег первую свечу Киево-Печерского монастыря. Вскоре о его монашеском подвиге заговорили повсюду. Антоний не отгораживался от людей, и многие приходили к нему за благословением. Появились и ревностные ученики, стремившиеся во всем подражать святому. Образовалась маленькая община монахов, проводивших дни в молитве, труде и воздержании. Антоний взял себе в помощь одного из подвижников — Феодосия. Община монахов привлекла внимание князя Изяслава, и он разрешил им построить на горе монастырь. Община разрасталась, и вскоре Антоний, привыкший жить в одиночестве, выстроил себе неподалеку хижину. Там он и скончался в 1073 г. Феодосий же собрал до 100 иноков и по благословению Антония ввел в монастыре (названном Печерским — от слова «пещера») строгий устав по образцу греческого студитского, перенеся главные обители монастыря на близлежащую гору.

Преподобный Феодосий (ум. в 1074 г.) — одна из наиболее ярких фигур в светлом сонме

киевских подвижников. Боярский сын, он еще с детства пренебрегал мирскими удовольствиями. Феодосия манила жизнь в тихих лесных скитах, в далеких греческих монастырях, о которых рассказывали странники; он мечтал о путешествии в Святую Землю. Однако семья не хотела такой судьбы для сына и всячески препятствовала желаниям мальчика. Наконец, в 1056 г. он тайно ушел из дома и, явившись к Антонию, попросил принять его в число иноков. Мать Феодосия после бесплодных увещеваний, обращенных к сыну, сама стала монахиней.

Несмотря на юный возраст, Феодосий сразу явил подлинный образец любви, послушания и кротости. В 1063 г. он стал настоятелем Печерской обители.

Трудолюбие было отличительной чертой святого игумена. Он всегда первым подавал пример во всяком деле. Будучи старцем, Феодосий, по словам жития, «часто ходил в пекарню и веселый духом пек хлеб». В житии преподобного Феодосия поражает именно это «веселие духа», отсутствие столь привычной для Востока мрачной аскезы и самоуничужения.

Подвижник хорошо знал Священное Писание и всегда учил монахов ценить «предание отеческое и чтение книжное». С монахом Никоном, по рассказу летописца, они многие часы посвящали оформлению книг. Таким образом, стараниями Феодосия было положено начало и просветительской деятельности Киево-Печерского монастыря.

Руководство братией было для Феодосия делом первостепенной важности. Он учил их воздержанию как знаку добровольной жертвы Богу. Он говорил им о смысле Иисусовой молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», о великой мистической силе, которая заключена даже в самом имени Спасителя. Сосредоточение мысли и чувства на Божествен-

ном образе Христа было для Феодосия равнозначно очистительному огню.

Феодосий заботился не только о монахах, но и «о мирских душах, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходивших к нему, а иной раз в дома их приходя и благословение им подавая». В лице Феодосия Русь сумела преодолеть недостаток Византии: один из самых великих ее подвижников в монастырской жизни, он не замыкался от мира в общества, а поучал народ, боролся с языческими пережитками. «Господь и апостолы, — обращается он к тем, кто проводил новые праздники по старинным языческим обрядам, — заповедали праздновать светлые праздники, но праздновать не телесно, а духовно, чтобы они не работали чреву и пьянству, а молились Богу о своих грехах и кормили нищих».

Всю свою жизнь преподобный Феодосий положил на укрепление христианства на Руси.

После смерти Феодосия Лавра продолжала жить по его наставлениям. «В любви пребывая, младшие слушались старших... так же и старшие с любовью относились к младшим, учили их, утешали как детей возлюбленных», — рассказывает летописец.

Какова была духовная атмосфера в первом русском монастыре, можно судить по словам его воспитанника — автора «Повести временных лет»:

«Все совершается в любви, — пишет он. — Любви ради и грехи исчезнут, любви ради и Господь сошел на землю и распял Себя за нас грешных, взяв грехи наши, пригвоздил Себя ко кресту, дав нам крест, чтобы отгонять им ненависть бесовскую».

Это ощущение величия любви поставило киево-печерских подвижников на ту высоту, с которой они и поныне светят нам своею жизнью, по прошествии почти десяти веков. Свет этот неугасим.

ВУЗОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПЕДАГОГИКИ
ПРИЛОЖЕНИЕ

История педагогической мысли

1. Понятие педагогической мысли
2. Развитие педагогической мысли в древности
3. Развитие педагогической мысли в средние века

4. Развитие педагогической мысли в новое время
5. Развитие педагогической мысли в XIX - XX вв.

6. Развитие педагогической мысли в XX - XXI вв.

7. Развитие педагогической мысли в России

8. Развитие педагогической мысли в СССР

9. Развитие педагогической мысли в современной России

10. Развитие педагогической мысли в зарубежной педагогике

11. Развитие педагогической мысли в педагогической науке

12. Развитие педагогической мысли в педагогическом образовании

13. Развитие педагогической мысли в педагогической практике

ИУДАИЗМ ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ ВТОРОГО ХРАМА

Михаил Горелик

На переломе истории

Разрушение Второго Храма (70) — трагический рубеж в истории еврейского народа. Вспыхнувшее четырьмя годами раньше Великое восстание против Рима не завершилось под обломками Храма. Оно не завершилось и трагедией Масады (73), где повстанцы покончили с собой, чтобы умереть свободными людьми, а не рабами Рима. Огонь борьбы, то тлея, то вспыхивая, горел еще 70 лет, еще раз полыхнув пожаром восстания Бар-Кохбы (132—135).

В этом огне сгорели сотни тысяч жизней. Но одновременно ушли в небытие идеи, которые многим казались незыблемыми: Храм — это краеугольный камень национального существования — так считали саддукеи; осударственная и политическая независимость — необходимое условие самой жизни еврейского народа — так считали лоты; уже нынешнее поколение увидит ессию (Машиах) — на это надеются очень многие.

Великий рабби Иова признал Мессий Бар-Кохбу. Кива, — сказал ему

на это один из законоучителей, — у тебя скорее трава из щек вырастет, нежели Мессия придет».

Бар-Кохба (Сын звезды) упоминается в Талмуде как Бар-Козива (Сын лжи). «Пусть Бог не помогает — лишь бы не мешал», — говорил Бар-Кохба. Но фарисеям не нужны были такая независимость и такое государство, в котором Бог «лишь бы не мешал».

В Талмуде ничего не говорится о Масаде. Убивая своих жен и детей, а затем и друг друга на вершине горы, откуда взору открывается марсианский пейзаж Иудейской пустыни и Мертвого моря, защитники крепости завершали не толь-

ко собственную жизнь (с твердым упованием на жизнь вечную). Для них это был конец еврейской истории.

Они ошиблись. Занавес еврейской истории не опустился. Законоучители Талмуда были против личного и национального самоубийства, какими бы мотивами оно ни диктовалось. Поэтому-то история Масады не попала в Талмуд. Иоханан бен Заккай (I в. н.э.) —

Масада — остатки форта, символа борьбы еврейского народа с завоевателями в I в.

Монета времен восстания Бар-Кохбы
с изображением фасада
Иерусалимского храма

законоучитель, символизирующий поворот (но не конец!) истории, — бежал из осажденного Иерусалима, потеряв надежду, что его слово будет здесь услышано. Попадись он в руки защитников Масады, они убили бы его как предателя.

Говорят, что Иоханан бен Заккай, ускользнув из рук непримиримых патриотов, явился к осаждавшему город Веспасиану (9–79) и предрек ему императорский жезл. На вопрос Веспасиана, чего желает он для самого себя, Иоханан бен Заккай попросил дать ему небольшую духовную школу в провинциальном Явне. Эта школа стала затем носительницей новых форм существования еврейского народа — без Храма, без государственности, даже без собственной земли, откуда евреев изгоняли римские завоеватели.

Император Адриан (76–138) заново отстроил Иерусалим, переименовав его в Элия Капитолина. Теперь это был языческий город, закрытый для евреев. Что же оставалось? Тора и учителя, преданные ей.

Слово «тора» в переводе с иврита означает «учение», «концепция», «теория». Можно сказать:

«тора (теория) Эйнштейна». Но когда по-русски пишут просто «Тора» — это означает Божественное откровение, Божественный закон, Божественное учение.

Император запретил изучать Тору и выполнять данные в ней заповеди. Он повелел сжигать священные свитки и обагрил Землю Израиля кровью мучеников. С рабби Акивы, который, презрев императорский указ, открыто учил Торе, железными гребнями содрали кожу. Он умер, молясь. Рабби Ханину сожгли, завернув его в свиток Торы. Ученики донесли до нас его последние слова: «Пергамент сгорает — буквы улетают на небо».

Те, кто, подобно Иоханану бен Заккаю, не считал, что следует отдавать жизнь за национальную независимость, без колебаний были готовы отдать ее за Тору. В их глазах только она была абсолютно необходимым условием существования еврейского народа. Ибо в понимании законоучителей народ Израиля был призван в историю именно для того, чтобы хранить Тору.

Союз и Тора

Для того чтобы созидать будущее, следовало осмыслить происшедшую катастрофу и ее причины. Каким образом язычники смогли разрушить Храм — дом Божественного присутствия? Разве Бог не верен Своему Союзу? Разве Он покинул избранный Им народ?

Слово «Храм» пишется здесь с заглавной буквы как имя собственное. Речь идет о единственном и уникальном Храме, где только и были возможны жертвоприношения.

Точно так же пишется с заглавной буквы слово «Союз». Согласно Торе, — это не один из множества союзов, но единственный в своем роде союз Бога с избранным Им народом. Словом «Союз» переводится здесь используемый в Торе термин *брит*, значения которого суховато-прозаичны: союз, договор, контракт (в Синодальном переводе Библии *брит* переводится как *завет*).

Разрушение Храма заставило еврейский народ с особой напряженностью мысли и чувства обратиться к содержанию этого Союза, потому

что все катаклизмы, повороты и пороги на реке истории в сознании Израиля определялись именно им. Разумеется, обращение к Союзу с Богом, стремление как можно лучше и полнее его исполнить существовало во все моменты еврейской истории, но во времена трагические, переломные оно не могло не приобрести особую остроту.

Итак, что же это за Союз, что за Договор? О чем «договорился» Бог с еврейским народом? Еврейские мудрецы понимали это следующим образом¹.

На горе Синай еврейскому народу, вышедшему из Египта, из «дома рабства» (XIII в. до н.э.), была вручена («дарована») Богом Его Тора. «Дарование Торы» — это акт Бога. Что же касается человека, то принять Тору один раз на всю жизнь невозможно — принятие Торы должно постоянно происходить в каждый момент его жизни. И если бы вдруг весь народ разом принял Тору, мир бы кардинально изменился и пришел Мессия. Что означает «принять»? «Принять» — означает «выполнить».

Однако важно то, что у горы Синай весь еврейский народ, не только физически там находившийся, но и пребывавший духовно в виде нерожденных еще душ (то есть все будущие поколения евреев), — все едиными устами и единым сердцем сказали: «Выполним и выслушаем». Комментаторы обращают внимание на порядок слов. Казалось бы, естественным было бы сначала обдумать («выслушать») то, что говорит Бог, а уж только затем давать обязательства выполнения («выполним»). Однако здесь эти действия парадоксальным образом меняются местами. Полностью вверившись Богу, евреи проявляют поразительную готовность выполнить все, что Он говорит, без какого бы то ни было предварительного анализа: сначала — выполнить, а размышлять по этому поводу можно всю жизнь и даже после ее завершения. Все последующие поколе-

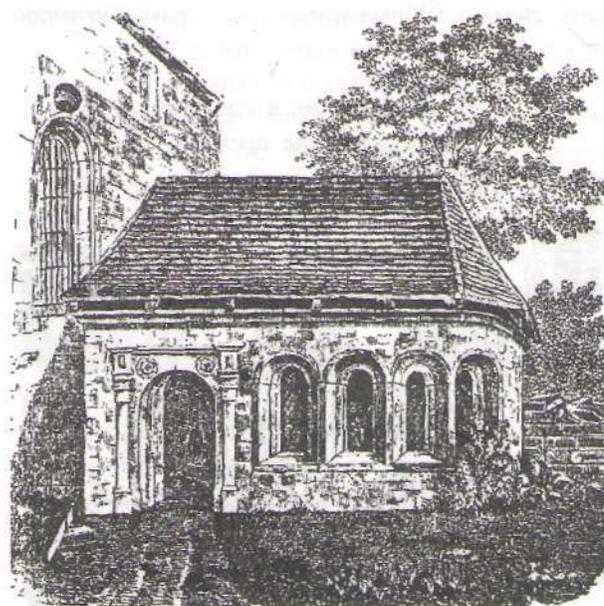
ния еврейского народа очень много размышляли на сей счет.

Часть Торы, которую Бог даровал Израилю на Синае, была Моисеем записана (не написана!). Она получила название Письменной Торы. Другая часть была рассказана пророком своим ученикам, те впоследствии передали ее своим. Это предание называется Устной Торой.

Торой называют пять книг, которые были записаны Моисеем. Позже в Письменную Тору вошли книги пророков и книги, объединенные общим названием «Писания». Письменная Тора называется еще *Танах*. Это аббревиатура трех слов: Тора, Пророки, Писания. Итак, Бог в Торе, дарованной Им у горы Синай еврейскому народу, выразил Свою волю, предъявил Свои требования по заключаемому договору. В их число входят известные всем Десять Заповедей. Согласно учению законоучителей периода Второго Храма, эти Десять Заповедей чрезвычайно важны, но не более прочих. Общее же число всех заповедей — *мицвот* — 613.

Содержащиеся в них повеления охватывают всю жизнь человека: от рождения до смерти. Поскольку выполнение практически всех повелений

«Молельня Раши» (г. Вормс)

¹ В современном иудаизме существуют направления, по-разному интерпретирующие общее духовное наследие. Изложенное здесь понимание актуально для ортодоксального иудаизма, который занимает преобладающие позиции в религиозном мире Израиля и России.

сопровождается благословением, жизнь соблюдающего их превращается в непрерывное освящение мира. При таком стиле жизни исчезает грань между религиозным и житейским: нет ничего отдельного от Бога, буквально каждый шаг человека должен быть посвящен Ему.

От соблюдающего все это еврея требуется отстранение от обыденной семейной, профессиональной и общественной жизни, чтобы где-то в уединении вести какую-то специфическую «религиозную» жизнь. Напротив, он должен жить обычной жизнью, но по законам Торы. Отказ от семьи, от сексуальных отношений расценивается как отказ от выполнения категорических повелений: «и прилепится (муж) к жене своей и будут двое плоть едина» и «плодитесь и размножайтесь».

Еврейский народ добровольно принял к исполнению 613 заповедей («выполним»), за что, согласно заключенному Союзу, несет полную ответственность. Это обязательства народа. Каковы же обязательства его Всемогущего Союзника? Он обязуется быть Богом избранного Им народа, не переставая быть Богом каждого (независимо от национальности) человека и всех народов, всего человечества в целом, Он вступает с еврейским народом в особые отношения. Кроме того, Он обещает евреям в качестве драгоценного дара Землю Обетованную — страну, которой

предстоит стать Эрец-Исраэль, — Страной (или Землей) Израиля. Раши (рабби Шломо Итраки) (1040–1105) — один из самых авторитетных и почитаемых комментаторов Торы и Талмуда, повторяет старинный талмудический вопрос: почему Тора начинается не с заповедей, то есть с наиболее существенных устоев человеческой жизни, а с сотворения мира? И отвечает на него так: «Всевышний поведал народу своему историю сотворения мира для того, чтобы евреи знали, что отвечать, если народы мира будут оспаривать право народа Израиля на свою землю, говоря: мы, вы захватчики, присвоившие себе чужую страну! Евреи им ответят: “Вся земля принадлежит Всевышнему. Он ее сотворил и отдал тем, кому пожелал. А затем, когда счел нужным, Он отнял ее у них и — по желанию Своему — отдал нам”». Эти слова были сказаны в XI в.

Подобно тому как Бог всех народов избирает Себе в удел евреев, Он среди других стран особо выделяет землю, обещанную Им Аврааму и народу Израиля. Вся земля — «Господня земля» (Пс 23:1), но эта земля, Эрец-Исраэль, Господня не только потому, что Он ее создал, но и по собственному Его избранию.

В случае невыполнения евреями своих обязательств перед Богом Он предрекает им череду исторических бедствий: изгнание и рабство. Однако в конечном итоге Он обещает избавление и возвращение в Эрец-Исраэль. Бог утверждает неизблемость и неотменимость Своего Союза с еврейским народом, независимо ни от каких обстоятельств.

В контексте всего этого учителя Израиля постоянно размышляли над постигшей еврейский народ катастрофой. И тут надо сказать, что похожий исторический опыт у них уже был: ведь столетиями ранее Навуходоносор разрушил Первый Храм. Еврейская мысль дала ответ на причины этого ужасного события. Виной всему было невыполнение евреями взятых на себя обязательств. Это была оптимистическая и конструктивная идея, своего рода благая весть: ведь если дело в человеке, то он может измениться, а если люди изменятся, Бог возвратит им и Храм, и Эрец-Исраэль, и утерянную государственность.

Богослужение в синагоге
в библейские времена

Так все и произошло. Вплоть до возрожденного хасмонейми государства.

Таким образом, у коллег Иоханана бен Заккай был перед глазами весьма утешительный пример. В чем же были виновны поколения, отстоявшие от них более чем на 600 лет? Они впадали в идолопоклонство. Но разве предавались идолопоклонству поколения эпохи Второго Храма? Нет, в этом они повинны не были. Они были повинны в ином: в беспричинной вражде друг к другу, в отсутствии взаимной любви. Так решили явненские учителя. Иоханан бен Заккай знал это по собственному горькому опыту.

Теперь надо было жить без Храма, без Святой Святынь, где обитало Божественное присутствие, без жертвоприношений. Со времен разрушения Первого Храма стали возникать синагоги — дома общественной молитвы и изучения Торы. Теперь они были распространены повсеместно. Весь народ знал, любил и учил Тору. Разумеется, в разной степени. Мудрецы посвящали этому всю жизнь, а простой народ... Ученые были не в восторге от его знаний. Однако же простые люди были грамотны, по субботам ходили в синагогу и пытались, как могли, построить свою жизнь в соответствии с тем, что требовала от них Тора.

А жертвоприношения... Они были заменены молитвами. Главное, что у народа была Тора. И была готовность ее выполнять («выполним»), изучать («выслушаем») и передавать последующим поколениям.

Талмуд

Итак, школа в городке Явне стала кузницей новых форм существования еврейского народа. Здесь были сосредоточены лучшие духовные силы страны. Анализируя и систематизируя Тору, законоучители вырабатывали общеобязательные правила общественной жизни. Это дало возможность еврейскому народу, рассеянному по всей земле, в условиях национального и религиозного унижения сохранить свое духовное лицо, свою неповторимость.

Стремясь как можно лучше выполнить все, что написано в Торе, мудрецы Израиля в тече-

ние веков обсуждали и комментировали ее. Исходя из Торы, они разрабатывали законодательные акты, имеющие для народа обязательный характер. Дискуссии, объяснения, комментарии, выводы передавались устно от учителя к ученику. К тому времени, о котором идет речь, этот материал уже не мог быть охвачен человеческой памятью и настала необходимость его письменной фиксации.

Побуждали к тому и другие причины. Во время восстания Бар-Кохбы число мучеников было столь велико, что угрожало самому существованию еврейского народа. Огромное число учителей погибло, вместе с ними безвозвратно ушло и все, что они знали. Возникла насущная необходимость записи того, что передавалось ранее только устно.

И тогда наработанное веками наследие было записано. Оно получило название *Мишны*. На иврите это слово означает «повторение», поскольку Мишна заучивалась наизусть. Мишна написана на иврите.

Работа по ее составлению была проделана многими учеными — *таннаями*, что значит арамейски «изучающие». Главным составителем и редактором этого труда был Иегуда га-Наси (135—217), живший в Галилее, которая после поражения восстания Бар-Кохбы стала духовным центром еврейской жизни.

Мишна, завершенная в начале III в., в свою очередь тоже являлась объектом обсуждения и комментирования. Комментаторы Мишны назывались *амораи*, что значит в переводе с иврита «толкователи». Амораи работали параллельно в Галилее и в академиях Вавилона. Результатом их работы стала *Гемара*. Это слово произошло от арамейского «учить», «разбирать». Гемара написана на арамейском языке.

В широком смысле *Талмудом* (в переводе с иврита это слово означает «законченное, завершённое учение») называют Мишну и Гемару. В узком смысле — только Гемару, поэтому говорят о Вавилонском Талмуде (созданном в Вавилоне — он больше по объему и авторитетней) и Иерусалимском (созданном в Галилее). В V в. Талмуд был завершен.

Анализируя Тору и комментарии к ней, мудрецы Талмуда искали ответы на вопросы, как жить в полном соответствии с ней и как поступить в той или иной конкретной жизненной ситуации. Такого рода рассуждения и выводы называются *галахой*. *Галаха* — это правило, закон, постановление. Само это слово на иврите происходит от глагола «ходить», «идти». Оно содержится в совете, полученном Моисеем от его тестя: «Научай их уставам [Божиим] и законам Его, указывая им путь, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать» (Исх 18:20). Галаха была и задумана, и осуществлена именно как такое «научение» и «указание пути».

Однако содержание Талмуда вовсе не исчерпывается только «указанием», оно не сводит-

ся к законодательству. Дело в том, что в Талмуде не меньшее значение имеет сам ход дискуссии, приводящей к тому или иному решению. При этом приводятся различные мнения, в том числе и отвергнутые. Один из принципов Талмуда гласит, что путь к истине не менее важен, чем сама истина. Процесс изучения Талмуда имеет самостоятельную ценность.

Помимо галахи, в Талмуде есть тексты совсем иного рода: притчи, нравоучительные истории, размышления, словом, все то, из чего нельзя сделать четкого формального вывода: при таких-то условиях следует поступать так-то. Такой жанр Устной Торы называется *агада*, что переводится с иврита как «сказание».

Содержание Талмуда не сводится только к религиозным проблемам. Это грандиозная энциклопедия знаний по истории, философии, экономике, медицине и так далее. Историки относятся к Талмуду как к уникальному источнику для понимания еврейской жизни на протяжении многих веков.

Но Талмуд — это не только свод знаний, не только каталог готовых галахических предписаний, но и набор принципов, с помощью которых возможно решение новых проблем, неизбежно возникающих в ходе исторического развития. Евреи жили в разных странах, в разных социальных условиях, перед ними вставали вопросы, неведомые мудрецам Талмуда. И еврейский мир нашел способ их разрешения. Общины, которые не знали, как вести себя в новой исторической ситуации, задавали вопросы наиболее выдающимся ученым-талмудистам своего времени, и те выносили решения. Эти «вопросы-ответы» называются *респонсами*. Еврейские купцы разносили их по общинам всего мира, они становились всеобщим достоянием. Респонсы возникли вскоре после завершения Талмуда и существуют поныне. Это своего рода незавершаемый «динамический» Талмуд, Талмуд после Талмуда.

Еще во времена таннаев идея Устной Торы подвергалась резкой критике и неприятию со стороны саддукеев. И хотя саддукеи сгорели в огне Великого восстания, однако их идеи неожиданно возродились через сотни лет. В VII в. против

Страница Торы Рамбама.
1180 г.

авторитета Устной Торы восстали караимы — еврейский протестантизм возник на 800 лет раньше христианского! Караимам удалось отвоевать свое собственное пространство, где они смогли построить жизнь без Талмуда. Но для всего еврейского мира Талмуд продолжал оставаться оплотом. Реформисты предприняли новое наступление на Талмуд, однако это произошло уже в конце XVIII в.

Талмуд — это источник, к которому постоянно обращается еврейская мысль. Почти сразу же после завершения он сам становится объектом комментариев. Классическими, без которых не обходится ни одно издание Талмуда, считаются комментарии Раши, который объяснял не только Талмуд, но и Тору. Все еврейские школьники, изучающие эти книги, непременно пользуются комментариями Раши.

Общий объем Талмуда поистине огромен: он занимает около 20 томов! Поэтому, естественно, возникла потребность в его сжатом изложении. Эту задачу выполнил Рамбам (рабби Моше бен Маймоном) (1135—1204), известный в европейском мире как Маймонид.

Одной из главных книг Рамбама стала *Мишне Тора* («Повторение Торы»), которая представляет собой краткий (краткий относительно Талмуда) свод законов Талмуда вместе с наиболее важными комментариями, включая и комментарии самого Рамбама.

Другой свод законов Талмуда, имеющий для практического иудаизма наиболее важное значение — *Шулхан арух* («Накрытый стол»). Эта книга, автором которой был Иосиф Каро, написана в XVI в. Человек, желающий стать раввином, должен и сегодня сдать экзамен по Шулхан аруху.

Все-таки чудо, что в мире, где не было самолетов, поездов, телеграфа, электронной почты, эта книга стремительно распространилась по всем еврейским общинам, была всюду признана, одобрена и превратилась в подлинный эталон еврейской жизни. Для ортодоксального еврейства таким эталоном Шулхан арух продолжает оставаться и сейчас, спустя больше 400 лет после того, как она была написана. Много ли подобных книг на

Портрет Рамбама с автографом

свете? Существует забавный анекдот. Раввин спрашивает студента на экзамене:

— Назовите пять томов Шулхан аруха.

Студент, прекрасно знающий, что в Шулхан арухе всего четыре тома, удивляется:

— Но ведь пятого тома нет!

— Есть! Пятый том — это здравый смысл!

Если у тебя нет пятого тома, все предыдущие просто не будут иметь значения, хотя бы ты их вы зубрил назубок!

Конечно, этот «пятый том» — необходимая принадлежность всего еврейского наследия.

Враги евреев прекрасно понимали центральное положение Талмуда в еврейской жизни. Трудно найти в истории человечества книгу, которая в большей мере подвергалась бы такой клевете и ожесточенным, совершенно несправедливым,

Караимы в Крыму

а зачастую и просто абсурдным нападкам, вызванным ненавистью и невежеством. На протяжении веков Талмуд неоднократно публично сжигался в разных странах Европы.

Со времени составления Талмуда прошло полторы тысячи лет, но он не превратился в музейный экспонат, в литературно-религиозный памятник, представляющий интерес лишь для узкого круга специалистов. И сегодня, как и на протяжении многих веков, его изучают студенты *иешив* (высших религиозных школ) во всем мире. Талмуд по-прежнему современен, причем зачастую в нем находят постановку тех проблем, которые считаются характерными для XX в.

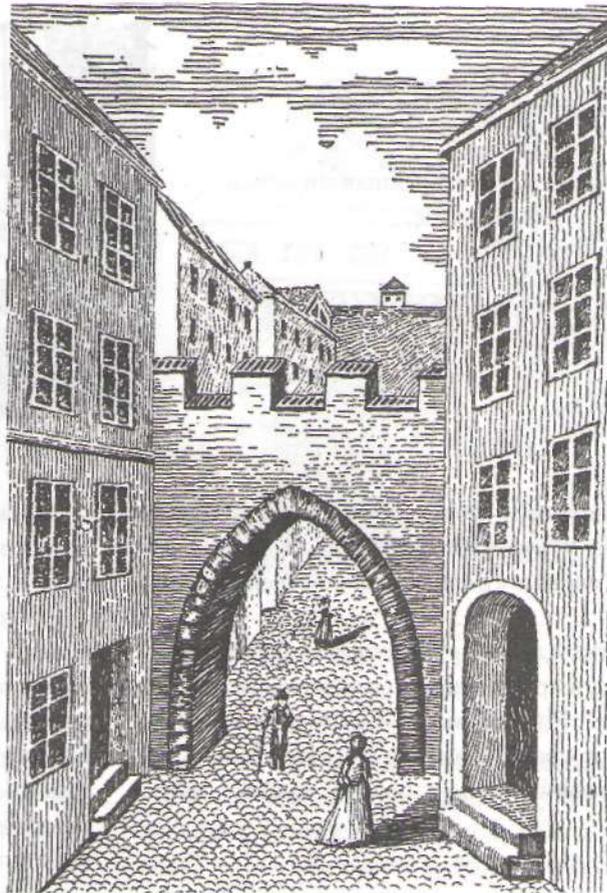
Сейчас очень велик интерес к Талмуду и в нееврейском мире. Израильским Институтом талмудистских публикаций предпринят грандиозный проект перевода Талмуда на разные языки. Открывающий это издание вводный том увидел

свет на русском языке в 1994 г. В предисловии к нему выражается надежда, «что эта книга позволит читателям-евреям лучше узнать самих себя, постичь свои духовные и культурные корни», а также даст возможность «всем русскоязычным читателям познакомиться с далекой и одновременно близкой культурой и таким образом обогатить свое понимание культуры в целом».

Еврейская диаспора

Трагические события в Эрец-Исраэле в I–II вв. н.э. и последовавшее затем запустение страны привели к массовой эмиграции населения. Еврейская диаспора насчитывала к этому времени уже сотни лет, и процветающие общины существовали едва ли не во всех сколько-нибудь значимых городах Римской империи и во многих местах за ее пределами. И это в значительной мере облегчало эмиграцию из Страны Израиля. Законо-

Ворота еврейского гетто в Вене

учители пытались препятствовать этому процессу, но с таким же успехом можно было бы остановить лавину.

Судьба разбросала евреев по всему свету. Еврейские общины существовали в разных странах, в непохожих друг на друга с точки зрения культуры мирах — Испании, Хазарском каганате, Йемене, на Украине, в Индии и т.д. Наиболее общая классификация еврейских общин определяется как раз тем, где они возникали. Говорят об ашкеназских, сефардских и восточных евреях. *Ашкеназ* — это на иврите Германия, *Сфарад* — Испания. Ашкеназы — потомки средневековых евреев Германии, сефарды — потомки испанских евреев, восточные евреи — выходцы из африканских и азиатских общин.

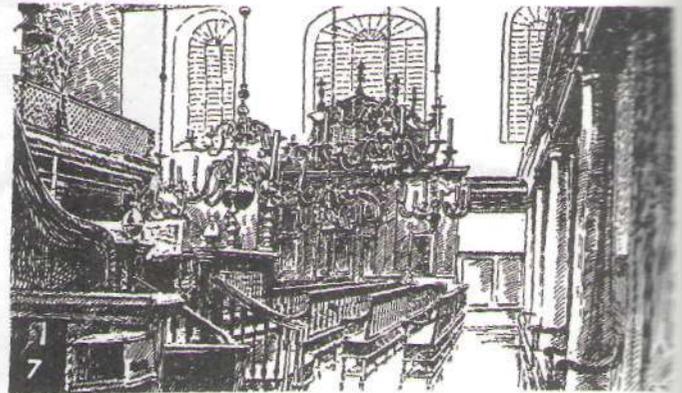
Бесспорно, что культура каждой страны, где проживали евреи, оказывала на них влияние. Евреи говорили и писали на разных языках. Но

общим священным языком оставался иврит. И что самое важное: евреи сохранили единый язык и в более широком смысле слова. Таким языком была Тора, которая определяла всю их жизнь на территории от Великой китайской стены до Тауэра. История еврейского странствования исполнена драматизма. Часто бывало, что евреи бежали из одних стран в другие в результате гонений. Было бы неправильно утверждать, что они подвергались дискриминации исключительно из-за своих религиозных убеждений, но то, что это одна из главных причин, сомнению не подлежит.

Отказ от иудаизма снимал дискриминационные ограничения, порой приносил немалые выгоды, а часто даже спасал жизнь. И все же евреи в большинстве своем были готовы терпеть все, но не отказаться от своей веры.

В христианском мире евреям нередко навязывались религиозные диспуты. Побеждать в них

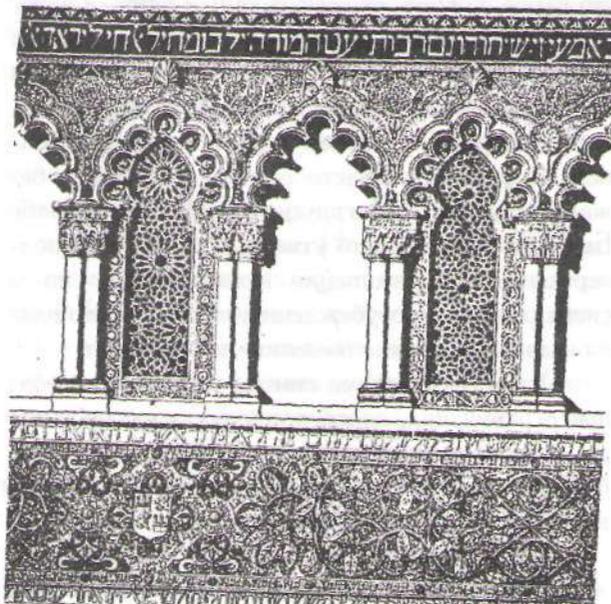
«Бевис-Маркс» — старейшая синагога
в Лондоне.
XVII в.

было рискованно, потому что это задевало религиозные чувства оппонентов. В случае же поражения евреев грозило насильственное крещение.

Во многих случаях евреи стояли перед выбором: переход в христианство (или мусульманство) или изгнание. Иногда выбор был еще более тяжким: отказ от своей веры или смерть. Дороги еврейской истории обильно политы кровью мучеников.

Фрагмент отделки синагоги в Толедо.

Конечно, мужества хватало не всем. Были люди, которые под давлением обстоятельств отказывались от иудаизма.

Особенно массовый характер приняло это явление в XV в. в Испании. Евреев, принявших христианство, презрительно называли марранами, что в переводе со староиспанского означало «свиньи». Многие из марранов продолжали тайно исповедовать иудаизм, и тогда они нередко становились жертвами инквизиции. При первой же возможности марраны старались вернуться к своей вере.

Несмотря на тяжелейшие испытания, духовное творчество евреев никогда не прекращалось. Порой, когда все силы народа уходили только на то, чтобы выжить физически, оно замирало, но как только появлялась возможность, возникали новые духовные центры — в разное время в разных концах земли: в Вавилонии и Испании, Египте и Франции, на Украине, в Литве, Америке и т.д. Так, например, в Испании в X—XII вв., где мусульманские правители того времени создали атмосферу веротерпимости, еврейская культура достигла такого расцвета, что этот ее период получил название «золотого века». Возникла духовная поэзия, ставшая не только национальным явлением, но и достоянием мировой культуры. Религиозная философия «золотого века» в дальнейшем повлияла не только на еврейское мировоззрение, но также на христианское и мусульманское. Испания того времени стала центром взаимодействия трех великих религий и античности, заново открываемой европейской культурой.

Замечено, что время катастроф способствует процветанию мистики, время благополучия — торжеству рационализма. «Золотой век» Испании был воистину «золотым веком» еврейского религиозного рационализма. Символической фигурой этого времени можно назвать Рамбама.

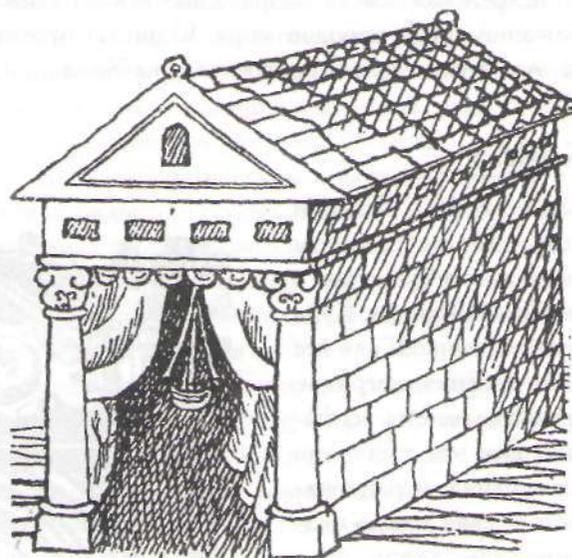
Раши и Рамбам — два самых известных имени среди еврейских комментаторов. Но в отличие от Раши, чьи духовные и научные занятия были всецело сосредоточены на текстах Торы и Талмуда, Рамбаму присуща исключительная широта интересов. Он был также философом, ученым, врачом. Кто-то даже пошутил, что, если знакомься с трудами Рамбама, не зная, что их написал один человек, можно было бы подумать, что это название научно-исследовательского института.

Главным галахическим сочинением Рамбама была уже упоминавшаяся Мишна Тора; главной религиозно-философской книгой — *Море невухим* («Наставник колеблющихся»). В «Море невухим» он комментирует Тору в духе философского рационализма, отвечает на вопросы людей, которые не могли разрешить противоречия между откровением и философией.

Рамбам оказал огромное влияние не только на еврейскую мысль. Мусульманские мыслители считают его во многом своим. Такие христианские мыслители, как Альберт Великий, Фома Аквинский, Мейстер Экхарт часто цитируют Рамбама и ссылаются на него. Декарт, Лейбниц, Спиноза, Кант испытали его воздействие.

Рамбам вовсе не был одиноким мыслителем. Говоря об Испании, невозможно, например, не назвать Иегуда га-Леви (1075—1141). Поэт мирового значения, он писал светские и религиозные стихи. Многие из них вслед за псалмами по праву считаются вершинами еврейской литургической поэзии. «Золотой век» — поистине век энциклопедистов. Иегуда га-Леви знаменит не только как поэт: он был также астрономом, математиком и выдающимся врачом. Но главное, чем прославился он, — это его поэзия и *Кузари* («Книга Хозара»).

Полное название *Кузари* — «Книга доказательства и довода в защиту угнетенной веры».

Синагога в Риме.

V в.

Сюжет ее таков: хазарский царь спрашивает об истинной вере христианина, мусульманина и философа-рационалиста (последователя Аристотеля). Их ответы не удовлетворяют его, и он обращается к еврею. Тот излагает ему сущность еврейской веры, отвечает на вопросы царя и убеждает его в истинности иудаизма.

«Золотой век» испанского еврейства был не долгов. В Испании утвердились христиане, в 1492 г. король Фердинанд и королева Изабелла сочли, что евреи должны либо креститься, либо покинуть страну. Ветер, попутный каравеллам Колумба, надувал и паруса тех кораблей, которые увозили из Испании еврейских беженцев. Одни искали золота, славы и приключений, другие же отправлялись в изгнание, в скитание, в неизвестность...

Изгнание из Испании было для евреев одним из многих, но самым масштабным. Эта печальная традиция продолжилась как в новое, так и в новейшее время, в XX в. Правда, уже в конце XIX в. среди бесконечных еврейских маршрутов все большее значение стал приобретать один, никогда не исчезающий, — в Страну Израиля.

Еврейская мысль напряженно искала смысл скитаний среди народов мира. Один из ответов на этот мучительный вопрос дала каббала.

Каббала

«Золотой век» Испании был словно оазисом мира и благополучия в еврейской истории. Куда более обычными для нее были гонения, погромы, кровавые наветы, изгнания. Все это требовало объяснения, и рационалистическая мысль оказывалась здесь бессильной. Не случайно расцвет каббалы совпал с изгнанием евреев из Испании.

Каббала — это еврейская мистика. Слово «каббала» в переводе с иврита означает «получение», «предание». Речь идет о предании, тайно передававшемся от учителя ученикам. На первый взгляд это выглядит довольно странно: почему какие-либо знания должны передаваться тайно? Ведь центральная идея иудаизма состоит в том, чтобы весь народ, а не только узкий круг избранных, мог понять волю Всевышнего и исполнить ее.

Однако то, что каббала хранилась и передавалась в условиях тайны, имеет свои очень серьезные причины. Еврейские мудрецы хорошо понимали, что к мистическому опыту нельзя относиться легкомысленно. Даже для подготовленных и серьезных людей он может представлять немалую опасность.

В Талмуде рассказывается о четырех мудрецах, достигших высот мистического созерцания. У одного из них сердце не выдержало того, что ему открылось, и он умер. Другой сошел с ума. Третий потерял веру. И лишь самый великий — рабби Акива, «вошел с миром и ушел с миром».

Главная книга каббалы *Зогар* («Сияние»), написанная на арамейском языке, была обнаружена в XIII в. Моше де Леоном в Кастилии. Согласно традиции, ее автором считается живший во II в. в Стране Израиля Шимон бен Иохай. Во время гонений, устроенных императором Адрианом, Шимон бен Иохай 12 лет скрывался в пещере. Рассказывают, что сам пророк Илия являлся ему и открывал мистические тайны. Этот духовный опыт и был зафиксирован в книге *Зогар*.

В книге *Зогар* предпринимается попытка понять сокровенный смысл Торы, зашифрованные в ней тайны Бога и творения. Так, если Рамбам считал антропоморфные выражения, отнесенные к Богу, не более чем метафорами, то каббалисты понимали их

как символы духовной реальности. Иными словами, «Рука Господня» — это не просто поэтический образ, но знак того, что в некоторой реальности действительно существует. И такими знаками наполнена вся Тора.

В учении каббалы Бог предстает абсолютно непознаваемым. К Нему в принципе не применимы никакие человеческие определения. Каким же

Титульный лист
первого издания книги Зогар.

Мантул.

1558 г.

Саббатай Цви — лжемессия

образом можно получить знание о Боге? И как возможен контакт с таким недоступным Богом?

Каббала отвечает на этот вопрос так: непостижимый Бог связан с миром (точнее, с чередой творимых Им миров) исходящим из Него сиянием. Именно в нем Он и открывается людям. Наш материальный мир — всего лишь видимая часть огромной невидимой реальности, недоступной физическому восприятию. Однако эта реальность сказывается на нашем мире.

Видимый и невидимый мир многообразно взаимосвязаны. Причем не только по направлению сверху вниз. Все происходящее на земле отражается наверху и вновь возвращается на землю, влияя на личные судьбы людей и исторические пути народов.

Поэтому человек может стать активным сотрудником и союзником Бога. А руководством в этом сотрудничестве как раз и служит Тора. Ее заповеди, помимо их содержания, которое может быть понято рационально, имеют еще и скрытый смысл. Он-то и является основным.

Человек, исполняющий заповеди, даже толком не понимая, почему это надо делать, запускает

тонкий и сложный механизм в духовном мире, вызывая таким образом ответные действия сверху. Понимание этого механизма и сознательное управление им с помощью молитвы дают посвященному огромную духовную власть.

В своем мистическом опыте каббалисты обрели радость, которая была столь полна и глубока, что плохо поддавалась словесному выражению. Однако их мысль насыщена и глубоким трагизмом, с особой силой проявившимся в каббале Ицхака Лурии (1534–1570) — ученого, жившего сначала в Египте, а затем в Цфате — городке на севере Эрец-Исраэль, ставшем духовным центром каббалистов. Ицхак Лурия говорит о катастрофе, возникшей в самом начале творения, о *клиппот* — скорлупе, коже зла, мгле, в которой мерцают искры Божественного света. Смысл *галута* (изгнания), в котором пребывает Израиль, блуждания вне Земли, подаренной ему Господом, заключается, в частности, в собирании этих искр в мировом масштабе на протяжении всей истории. Результатом должно стать восстановление Божественного миропорядка, пострадавшего от духовной катастрофы, историческим отражением которой является трагическая судьба Израиля.

Эта идея была развита некоторыми каббалистами в неожиданном направлении. Схождение во мглу для освобождения Божественных искр было понято ими как погружение во грех. Такое понимание привело к самым ужасным последствиям.

В XVII в. еврейский мир был потрясен кровавой жатвой Богдана Хмельницкого. Погибло более ста тысяч человек, многих из которых зверски замучили. Всего в мире тогда жило около полутора миллионов евреев. Зло, казалось, дошло до предела. Чаша страданий была переполнена. Но, согласно общему мнению, именно предельное сгущение зла и невыносимые страдания должны были стать родовыми муками перед приходом Мессии.

И вот на волне этого страстного ожидания явился лжемессия Саббатай (Шабтай) Цви (1626–1676), увлекший за собой едва ли не половину еврейского мира. Он провозгласил

Яков Франк — лжемессия

себя Мессией и сочетался мистическим браком со свитком Торы. Затем Саббатай Цви отменил Закон как потерявший силу в мессианские времена и объявил запретное дозволенным.

Однако предреченные Исаией (Иешаягу) времена, когда лев ляжет с ягнком, так и не наступили. Вскоре Саббатай Цви, заключенный в турецкую крепость, принял ислам. Отнюдь не все его последователи ужаснулись. Нашлись каббалисты, которые истолковали его необъяснимый поступок как добровольное нисхождение в самую бездну греха для извлечения связанных там Божественных искр. Кое-кто принял ислам вслед за ним. Так возникла саббатрианская секта *денме* (в переводе с турецкого «перевернутые»).

На самое дно греха увлекал своих последователей и Яков Франк (1726–1791), объявивший себя воплощением духа Саббатая Цви. Он

считал, что не только все дозволено, но и что грех является выражением воли Божьей. И выполнял понимаемую таким образом волю Божью с большим усердием. Франк действовал в соответствии с принципом, согласно которому «похвально грешить, чтобы преодолеть силу зла изнутри». Впоследствии вместе со своими сторонниками он принял христианство, войдя в историю помимо всего прочего и клеветой на иудаизм. Эту клевету охотно взял на вооружение христианский антисемитизм.

Саббатрианство и франкизм были темными болезненными наростами каббалы, ее *клиппот*. В целом же значение каббалы было очень велико, причем не только в еврейской среде. Она серьезно повлияла на религиозно-философскую и мистическую мысль Европы, в том числе и России. Достаточно назвать имена Владимира Соловьева и Николая Бердяева. Интерес к каббале и сегодня велик. Сами каббалисты относятся к моде на каббалу с иронией. «Исследователи мистики, — сказал как-то один современный каббалист, — похожи на бухгалтера: он может знать где лежит богатство, но не может им воспользоваться».

Хасидизм

Польское еврейство пребывало в XVIII в. в глубоком кризисе. Еще свежи были воспоминания о резне, учиненной казаками Хмельницкого. Ужас гайдаматчины леденил сердца. Велико было разочарование, вызванное Саббатаем Цви. Кругом царил дух уныния.

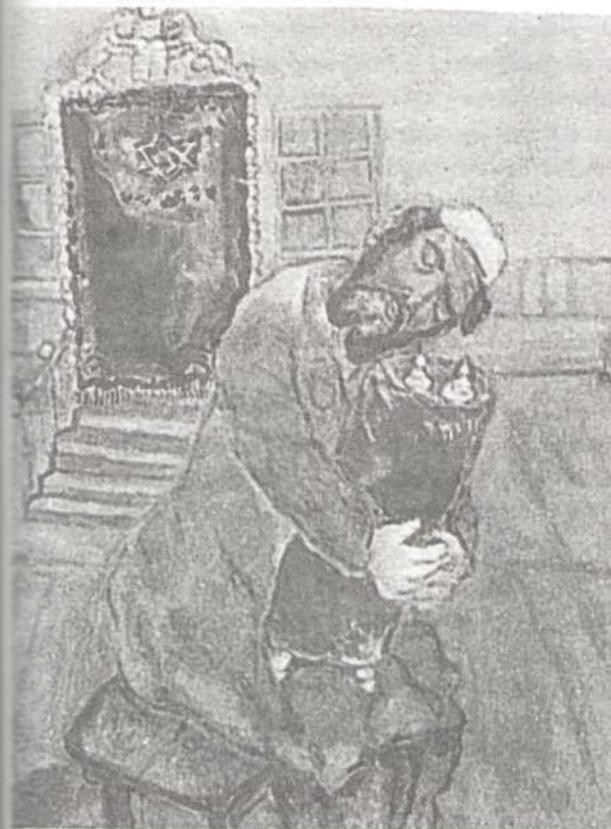
Основная масса еврейского населения Польши жила в крайней бедности. Содержать *иешивы* было под силу только очень крупным общинам. Число учителей сокращалось. И хотя грамотность среди мужчин у евреев и в те времена была всеобщей, чаще всего она оставалась на уровне начальной школы — *хедера*. Бедные люди напрягали все силы, чтобы заработать себе на жизнь. У них не было возможности уделять время изучению Торы. Раввины становились элитарной группой специалистов. Прочие же все более ощущали себя «невежами», несведущими в Торе и не исполняющими свой религиозный долг.

Имя человека, вдохнувшего дух надежды и радости в пораженных унынием людей, было Израэль бен Элизер, а прозвище — Баал Шем Тов (сокращенно Бешт), что значит «владеющий добрым Именем». Речь шла, конечно, не о собственном имени Бешта, но об Имени Божьем, которым он исцелял людей, стекавшихся к нему в поисках утешения.

Баал Шем Тов родился в 1700 г., умер в 1760. В раннем детстве он стал сиротой и воспитывался на деньги общины. Жизнь бедняков была его жизнью. К ним он обращался в первую очередь, хотя очень скоро к его учению примкнули и многие блестяще образованные люди.

Основной идеей Баал Шем Това было то, что к Богу можно приблизиться не только через изучение Торы, но и через любящее, благодарное и радостное сердце. Он явственно ощущал по-

Молящийся.
Марк Шагал

стоянное Божественное присутствие. Оно наполняло его сердце радостью, которая щедро изливалась на всех, кто приходил к нему. Он научил своих последователей — хасидов (а это слово означает «благочестивые») — всегда радоваться перед лицом Божиим. Хасиды молились танцуя и танцевали молясь. Чудачествами и эксцентрическими выходками они шокировали своих серьезных и респектабельных противников.

Хасиды создали своеобразный фольклор, в котором большое место занимает жанр притчи.

Они распевали духовные песни, повторяя вновь и вновь одну или несколько строк, постигая их содержание. Это могли быть строки из псалмов или из молитв. А могли быть и песни, сложенные самими хасидами.

Например, одна из них:

«Не боюсь я никого,
Кроме Бога Одного».

Повторяя эти две немудреные строки с очень глубоким и обязывающим жизненным содержанием, хасиды стремились, чтобы слова были не только на кончике языка, но заполняли ум и сердце, давали мужество и радость, преображали саму жизнь человека!

Хасидские общины группировались вокруг цаддигов — праведников, мистически одаренных людей, направлявших духовную жизнь своих многочисленных учеников. Возникли даже «дворы» и династии цаддигов.

После смерти Баал Шем Това хасидизм разделился на несколько направлений. Наиболее активным из них стало движение Хабад.

Слово «Хабад» — это аббревиатура трех слов: «мудрость», «разум» и «знание». Объединенные вместе, они означают человеческое знание в его целостности.

Хасиды отстаивали права радующегося человеческого сердца, но здесь таилась и определенная опасность пренебрежительного отношения к изучению Торы. Поворот к интеллектуализации хасидизма был осуществлен основателем Хабада Шнеуром-Залманом Шнеерсоном (1746—1813). Он придавал этому движению тал-

мудическую остроту и ученость. Но учение хасидов отнюдь не стало из-за этого сухим, отвлеченным. Оно всегда обращено к живому Богу.

Раньше резиденция главы хабадников находилась в местечке Любавич нынешней Смоленской области. Цаддики этого движения носили титул любавичского ребе. После революции 1917 г. Любавичский ребе был вынужден покинуть Россию. Вот уже много десятилетий его резиденция находится в Нью-Йорке. После смерти в 1994 г. седьмого Любавичского ребе, у

которого не было преемника, движение осталось без главы.

Хасидизм едва не привел к расколу иудаизма. Он вызвал резкое противодействие раввинов, подозревавших, что новое учение как-то связано с саббатянством, и видевших в хасидском небрежении учением покушение на основы иудаизма. Хасиды назвали своих врагов *митнаги*, что значит «противники».

Отзвуки этого противостояния слышны сейчас, однако острая борьба давно уже сдана достоянием прошлого.

ИСЛАМ

Фарид Асадуллин
Джиржис Джермиев

Ислам — одна из трех мировых монотеистических религий. Мусульманские общины существуют более чем в 120 странах мира. Число приверженцев ислама непрерывно растет — причем не только в Азии и Африке, где исторически всегда проживало большое количество мусульман, но также в Европе, Америке и Австралии. Роль мусульманской духовности в становлении и развитии мировой цивилизации огромна. Величайшие ученые, поэты, мыслители, исповедовавшие ислам, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Почему религия, возникшая значительно позже других монотеистических вероучений, оказалась способной духовно объединить миллионы людей? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории и перенесемся в эпоху зарождения ислама — в конец V в. н.э.

В ПРЕДДВЕРИИ ИСЛАМА

В пустынях Южной Аравии

Почти тысячу лет в южной части Аравийского полуострова процветала цивилизация Аль-Йаман, или Йемен (отсюда название современного арабского государства). Издревле на плодородных землях Аравии существовали города-государства. Йеменские царства влияли на политику крупнейших империй; порты Южной Аравии служили перевалочными пунктами в торговле между Ближним Востоком и Южной Азией, Средиземноморьем и бассейном Индийского океана. К портам вели пути, по которым в страны Средиземноморья потоком шли караваны с индийскими специ-

ями и аравийскими благовониями. Важное торговое и военное значение Аравийского полуострова делало его лакомым куском для мощных империй — Византии и Ирана. Пятый и шестой века были отмечены бесконечными войнами и стычками армий двух гигантов. Приходили в упадок города, разрушались ирригационные системы, плодородие почвы ухудшалось; населению приходилось переходить к кочевому образу жизни.

Полумесяц — символ ислама

К VI в. основное население Южной Аравии состояло из многочисленных племен арабских бедуинов-кочевников (номадов). В поисках воды и пищи они переходили с места на место со стадами верблюдов, коз и овец. Основное ядро племени составляла семья с большим количеством сыновей; она принуждала другие семьи признавать авторитет ее главы (шейха). Человек, изгнанный из племени, оказывался почти в безвыходном положении, если не заручался поддержкой другого племени. Мужчины обычно занимались скотоводством, охотой. Очень часто они совершали набеги на соседние племена, угоняли скот, а иногда забирали женщин и детей, за которых потом брали выкуп. По мере того как разрушались плодородные земли и росло население, стычки между племенами вспыхивали все чаще и чаще. Наиболее влиятельные и сильные заставляли жителей близлежащих районов платить дань за проход по их территории.

Однако достаточно плодородная территория вокруг Мекки считалась священной и неприкосновенной для набегов. Чтобы понять причину этого, обратимся к древним религиозным верованиям кочевников — жителей Аравийского полуострова.

Арабское язычество

Арабские племена придерживались традиционных для язычества верований в многочисленных мужских и женских богов. Важную роль играло почитание луны и планет. Солнце считали грозным и губительным божеством. Почитались и природные явления: дождь, гром. Все они носили подчиненный характер по отношению к верховному божеству, который обычно считался творцом мира и людей, покровителем племени, дарителем дождя.

Особенно важно, что верховное божество считали и предком рода — поэтому преданность кочевников своему семейному клану имела, по существу, религиозный характер. Племена, образовывавшие большие группы, имели общего предка — божество, в честь которого на алтарях сжигали благовония. Понятие «кровной мести» имело религиозное значение — убийство врага считалось возмещением не только родственного, но и

религиозного ущерба, понесенного семьей, главной единицей общества.

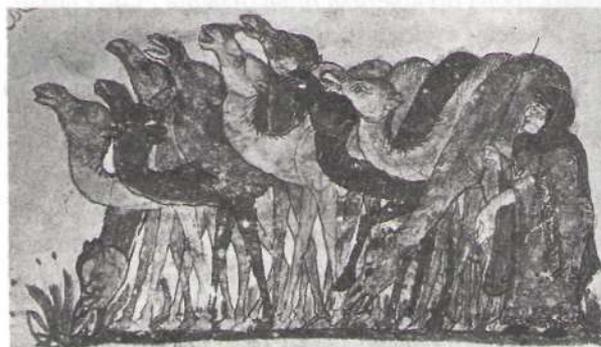
Богам отводилась священная территория, где находился бейт-эль («дом бога»), считавшийся одновременно жилищем и земным воплощением божества. Это были обычно скала, дерево или грубо обработанный камень. Иногда вокруг бейт-эля возводилось здание кубической формы — кааба (куб). Из древней литературы известны больше всех почитаемые красный камень Каабы из города Гайман, белый камень Каабы из аль-Абалата (к югу от Мекки) и, наконец, черный камень Каабы из самой Мекки. Верующие обходили вокруг бейт-эля, прикасались к нему, черпая в нем силу. Иногда бейт-эли были передвижные, их брали с собой в сражения, перевозили на верблюдах под балдахинами. Вокруг балдахина прорицатели и прорицательницы выкрикивали заклятия и били в барабаны.

Помимо культа бейт-элей, у кочевников существовал культ мертвых. Погребение умершего сопровождалось жертвоприношением. Обычно в жертву приносили верблюда.

В VII в. некоторые арабские племена приняли христианство монофизитского толка, которое принесли сюда завоеватели — абиссинцы. С христианством успешно соперничал иудаизм, давно известный на полуострове: значительное количество евреев переселялось в Аравию после разрушения первого и второго Иерусалимского храма. Особенно иудаизм укрепился в северной части Аравийского полуострова, где арабские племена

Стадо верблюдов.

Миниатюра. XIII в.

усвоили библейские сказания об Аврааме, Агари и Исмаиле и вели от них свой род. К VI в. иудаизм проник и в Южную Аравию, где на какое-то время даже стал государственной религией в йеменском Химьярском царстве.

В целом, однако, язычество в Аравии сохранило свои позиции, что связано с кочевым образом жизни большей части населения и ее оторванностью от городов. И все же нельзя недооценивать влияние, в самых разных формах, христианской и еврейской религий на сознание древних арабов. Особенно сильным оно было в Мекке.

Мекка

Крупнейший город Аравийского полуострова, Мекка расположена в жаркой, бесплодной долине, в окружении гор. Своим возникновением и существованием Мекка была обязана древнему источнику Земзем, впоследствии ставшему для мусульман священным. Но главной святыней Мекки был черный камень Каабы. Почитание его к VI в. было широко распространено. Мекка и ее окрестности стали местом паломничества в великий годовой праздник хадж — время перемирия бедуинских языческих племен, когда прекращались все набеги и стычки. К хаджу приурочивались крупнейшие ярмарки, устраивавшиеся в небольших селениях на территории вокруг Мекки, куда съезжались бедуины из самых отдаленных краев. Немногочисленные селения оживали, купцы раскидывали свои палатки. Многие бедуины читали здесь свои поэтические произведения, устраивали состязания, подобные тем, что имели место в Древней Греции. Эти произведения, прославлявшие родное племя и предков-героев, отличались образным языком и нередко обладали высокими художественными достоинствами.

Со временем Мекка, будучи точкой пересечения караванных путей, идущих с севера на юг и из Ирана к Красному морю, стала центром торговой и финансовой деятельности на полуострове. Календарь, по которому жила Мекка, был принят и в большей части Аравии.

Неудивительно, что за священное для бедуинов место издавна велась ожесточенная борьба

между племенами. По преданию, один из потомков Исмаила, Курайш, стал основателем нового могущественного племени — курайшитов. Согласно арабским источникам, курайшиты под предводительством шейха Кусая к середине V в. полностью овладели городом и святилищем. Кусай восстановил культ Каабы, пришедший в предыдущие годы в упадок, ввел систему законов, учредил постоянное местопребывание совета города в здании вблизи Каабы. Ведя практически оседлый образ жизни, курайшиты стали осуществлять функции, ставшие основой их привилегий и богатства, — они руководили паломниками, обеспечивали их питанием, хранили военное знамя. Укрепляя свое влияние и усиливая роль святилища как религиозного центра Аравии, они поощряли исповедание и других культов в Мекке. К V в. на стенах Каабы стояли уже многочисленные идолы. Свободно исповедовали здесь свою веру также христиане и евреи.

В 70-х гг. VI в. в Мекке шло ожесточенное соперничество между различными племенами и самими курайшитами за контроль над наиболее выгодными торговыми операциями. Отдельные кланы готовы были пожертвовать независимостью и обратиться за помощью к враждующим гигантам — Византии и Ирану, у которых были свои интересы в этом регионе. И именно в эпоху обострения междоусобиц, усиления внешней военной опасности, в условиях чрезвычайно пестрой религиозной жизни в Мекке было суждено родиться человеку, сумевшему вокруг новой религии — веры в Аллаха сплотить аравийцев, а затем и другие (афро-азиатские) народы. Это был пророк Мухаммад.

МУХАММАД

Детство и юность Пророка

Биография Мухаммада основывается на сведениях, приведенных в Коране, а также в сире — сборнике повествований о жизни Пророка, который арабские историки начали составлять с VII в.

Мухаммад родился в 570 г. в семье Абдаллы из рода Хашим, одного из десяти родов племени

курайшитов. Согласно преданию, его матери перед рождением сына явился ангел и сказал: «Ты носишь под сердцем повелителя этого народа, и когда он родится, скажи: Вверяю его заботе Единственного. Назови его Мухаммад (достохвальный)». Отец Мухаммада умер за два месяца до его рождения, мать умерла, когда ему было шесть лет. Таким образом, мальчик знатного происхождения (он был прямой потомок знаменитого Кусая) рано остался сиротой. Родители его были бедны и не оставили юному Мухаммаду средств к существованию. Сначала его воспитывал дед, а потом дядя Абу Талиб. Еще в отрочестве Мухаммад помогал дяде в торговых делах. Так, он сопровождал его в поездке в Сирию, где, по преданию, несторианский монах Бахира предсказал Мухаммаду великую судьбу. В 584 г., во время одной из междуусобиц, юноша чем мог помогал своим сородичам. Во время сражений он собирал для них падавшие стрелы.

До 24 лет Мухаммад работал у своего дяди: пас скот, был погонщиком верблюдов. Уже тогда он, благодаря своему уму и честности, получил прозвище *эль-амин* (надежный). В 594 г. его заметила и сделала своим приказчиком дальняя родственница по имени Хадиджа. Сорокалетняя вдова владела большим состоянием. Мухаммад успешно перегонял ее караваны в Сирию, снискав репутацию мужественного и верного человека, и через год Хадиджа, полюбив его, вышла за него замуж. Несмотря на разницу в возрасте, брак их оказался счастливым. У них родилось шестеро детей. Последняя дочь появилась на свет, когда Хадидже был уже 51 год. После этого Хадиджа прожила еще 13 лет. До самой смерти жены Мухаммад относился к ней с большим почетом.

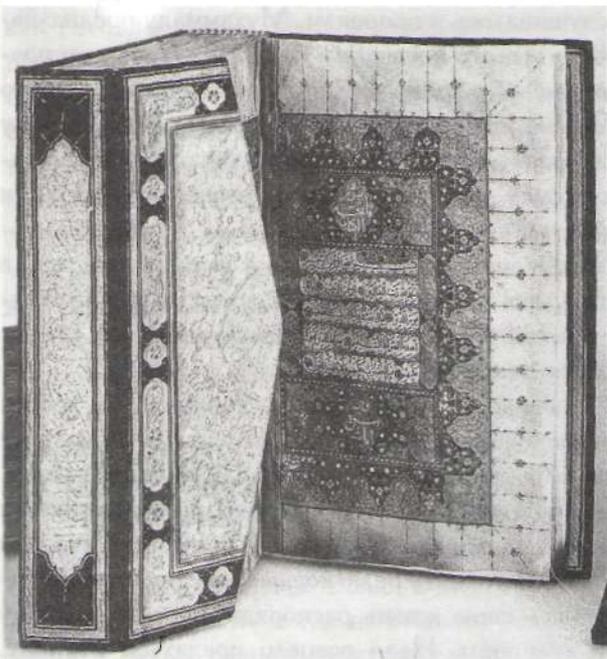
Семейное счастье и работа не мешали Мухаммаду сосредоточенно предаваться религиозным размышлениям. С интересом беседовал он с христианскими монахами, которых встречал в Сирии, общался и с иудеями Мекки. И уж, конечно, любознательный Мухаммад еще ребенком с восторгом слушал пение бедуинов, собиравшихся на ярмарках, размышлял над древними арабскими легендами, связанными со святыней его города —

камнем Каабы, и разнообразными религиозными верованиями кочевников. При малейшей возможности он уединялся в пещере на горе Хира, вблизи Мекки, где горячо молился и предавался благочестивым помыслам. Казалось, ничто не должно было нарушить неспешный ход его жизни. Однако суждено было случиться тому, что Бог призвал его к великому пророческому служению.

Откровение Мухаммаду

Однажды в месяц Рамадан 610 г., когда сорокалетний Мухаммад по обыкновению уединился в своей пещере и после молитвы заснул, он ясно услышал обращенный к нему Голос: «Читай!». Сначала Мухаммад отказался, не поняв, кто перед ним. Однако ему было повторено: «Читай!». Почувствовав, что это Глас Божий (предание говорит, что Мухаммаду явился архангел Гавриил), он спросил, что ему читать, и на третий раз повторил за Голосом: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил — сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший... научил человека тому, чего он не знал» (96:1–3,5). Так родились первые пять аятов божественного откровения, положившие начало Корану — главному исламскому первоисточнику. Потрясенный, выходил Мухаммад из пещеры, и в этот момент снова услышал голос ангела: «Мухаммад, ты посланник Бога, а я — Джабраил».

С этого момента и отсчитывается история становления великой религии — ислама. Мухаммад явственно ощутил, что услышанные слова глубоко запали ему в душу, вся жизнь его чудесным образом преобразилась и отныне должна быть посвящена Творцу, исполнению Его воли. Когда он вернулся домой, Хадиджа с волнением выслушала его и поняла, что мужу уготована великая миссия. После первого видения несколько недель ничего не происходило. Однако душа Мухаммада ждала новых откровений. Он уходил в пустыню, подолгу бродил; молчание небес приводило его в такое отчаяние, что однажды Мухаммад был готов броситься со скалы. В этот момент сияние неопишуемой красоты озарило местность, и он почувствовал необыкновенную умиротворенность. Вернувшись домой, он завернулся в

Коран.
XVI в.

плащ — его стала бить дрожь. Он опять услышал: «О ты, завернувшийся! Встань и увещевай! И Господа Твоего возвеличивай!» (74:1–3).

После второго откровения Мухаммад уже не сомневался: Всевышний избрал его своим пророком и повелел проповедовать арабам истинную веру. С тех пор видения посещали его регулярно, не прекращаясь до конца жизни.

Сам Мухаммад так рассказывал о своих видениях. «Откровения нисходят ко мне по-разному: иногда Джабраил принимает вид человека, который говорит со мной, как говорят люди, а иногда он является в виде крылатого существа, и я запоминаю все, что он мне говорил. Иногда я слышу как бы звон в ушах — это самое тяжелое испытание, и когда это необычайное состояние проходит, я помню все как нельзя лучше, как будто это врезалось в мою память».

Однажды в полночь Пророка, спавшего у Каабы, разбудил громкий призыв: «Проснись, спящий!». Открыв глаза, он увидел ангела Джабраила в ослепительно белом одеянии. Рядом стояло удивительное животное: белая лошадь с челове-

ческим лицом и лучистыми крыльями. На эту лошадь, именуемую ал-Бурак («блеск», «молния»), на которой по преданию ездил пророк Ибрахим (Авраам), сел Мухаммад и мгновенно перенесся на север.

Сначала Пророк, сопровождаемый Джабраилом, остановился на горе Синай, где Мусе (Моисею) являлся Бог. После молитвы Мухаммад был перенесен в Вифлеем, город, в котором родился Иса (Иисус). Помолвившись, они полетели дальше и опустились на Храмовой горе в Иерусалиме. Здесь Мухаммад совершает молитву вместе с Ибрахимом, Мусой, Исой и другими пророками. После этого он увидел опускающуюся с неба лестницу. Пророк мгновенно поднялся по ней к небесам, где был встречен прародителем Адамом. Поднявшись выше, он предстал перед Аллахом, чей лик был скрыт тысячами покрывал. Здесь ему было даровано предписание о пятикратной молитве и были предложены три сосуда: один с вином, другой с медом, третий с молоком. Мухаммад выпил молока. «Ты поступаешь правильно, — сказал Джабраил. — Если бы ты выбрал вино, весь народ твой сбился бы с пути истинного». Спустившись, Пророк сел на коня и в тот же миг оказался там, где заснул.

Утром Мухаммад созвал людей и, встав на ограду Каабы, рассказал о случившемся с ним. Жители Мекки не хотели верить рассказу о ночном путешествии и вознесении на небеса, но пророк в доказательство подробно описал Иерусалим, что в нем происходит, и даже перечислил караваны, следующие в сторону Мекки.

Слово Аллаха

В своих видениях Мухаммад познал все глубины Божественных откровений, которые Творец велел ему открыть людям. Эти откровения и составили Коран — священную книгу новой религии: Мухаммаду открылось, что она вечно существовала на небе и была сообщена ему прямо «на сердце»: «Это — послание Господа миров. Снизшел с ним дух верный на твое сердце, чтобы оказаться тебе из числа увещевающих, на языке арабском, ясном» (26:192–195). В Коране говорилось, что мир сотворен Единым Всемогущим

Писец.
Миниатора. XIII в.

Богом, Который из-за своей любви к миру стал открываться людям — сначала через прародителя человечества, Адама, а потом через 124 тысячи пророков, посылаемых Богом (из них в Коране упомянуты имена 25). В ряду пророков особое место занимали Нух (Ной), Ибрахим, Муса и Иса.

Люди должны поклоняться только Аллаху, а не рукотворным идолам, проявлять любовь и милосердие по отношению друг к другу. Об этом говорили древние пророки, слова которых приведены в еврейских и христианских книгах — от Адама и Мусы до Исы: «Скажите: “Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу (Измаилу), Исхаку (Исааку), Иакубу (Иакову) и коленам и что было даровано Мусе и Исе”» (3:84). Однако человечество не при-

слушивалось к пророкам. Мухаммаду предназначалось стать последним из них — *Печатью пророков* — и распространить окончательное Слово Божье, предостеречь свой народ, разъяснив ему Волю Творца и убедив в неотвратимости Божьего суда. В конце времен мертвые пробудятся, и каждый будет судим по его делам. Грешники, идолопоклонники будут гореть в вечном огне ада, в то время как праведники удостоятся вечного блаженства: «добродетельно живущие будут избавлены от страха и мучений».

Люди, учил Мухаммад, должны быть добропорядочными, почитать родителей и ближних. Они должны быть честными, правдивыми, милосердными и добрыми, трудолюбивыми и умеренными в своих словах и поступках. Верующие должны свято исполнять религиозные предписания и подчинять свою жизнь распорядку, установленному Всевышним. Надо всецело предаться Господу, покориться Его Воле — отсюда название религии и учения Мухаммада: *ислам* («покорность»). Приверженцев ее стали называть *мусульманами* («покорные Богу» или «верующие»).

Укрепление ислама

Близкие родственники и друзья безоговорочно поверили в пророческую миссию Мухаммада, давно известного своей честностью и благородством. Первой мусульманкой стала жена Мухаммада, Хадиджа, затем эту веру приняли и другие члены его семьи, в том числе близкий друг — богатый купец Абу Бакр. Количество приверженцев нового учения стало изо дня в день возрастать. Они признали Всемогущество Единого Бога. Символом такого признания стал момент, когда молящиеся впервые простерлись ниц, коснулись лбами земли и стали молиться вместе с Мухаммадом, в котором признали пророка Божьего. Однако в течение еще трех лет он делился своими видениями только с близкими, и лишь в 613 г. выступил с открытой проповедью перед жителями Мекки.

Временами они молились в Каабе. Мухаммаду открылось, что своим богатством и процветанием Мекка обязана Божьей милости, за что следует возносить благодарственные молитвы Богу

как *Господу Каабы*. Ведь многие арабские кланы возводили свою родословную к Исмаилу; Господь же открыл Мухаммаду, что Исмаил вместе со своим отцом Ибрахимом отправились в Мекку, где и основали Каабу. Так Мухаммад вернул великой святыне ее утраченное достоинство, ранее погрязшее и искаженное язычниками, и превратил Каабу в место поклонения приверженцев новой религии, каковым она и является до сих пор.

Известны имена 70 приверженцев учения Мухаммада, которые присоединились к нему почти с самого начала. Большинство из них были молодыми людьми до 30 лет, в том числе сыновья и братья богатейших людей Мекки.

Однако далеко не все из соплеменников-язычников, живших в родном городе Мухаммада, Мекке, с готовностью приняли Волю Божью. Проповедь Мухаммада не могла не вызвать сопротивления в самых разных слоях населения Мекки. В Аравии конца VII столетия среди язычников процветали пьянство и азартные игры. Не случайно этот период в истории аравийского общества получил название — *джахилия* («неведение», «невежество»). Проявление диких нравов было повсеместным: новорожденных девочек порой закапывали заживо. Пророк Мухаммад, стремясь быть верным своему предназначению, поставил грандиозную задачу превратить дикую невежественную толпу в людей, которые почитали бы Всемогущего Бога, вели праведный и достойный образ жизни. Он стал мужественно открыто обличать идолопоклонников и выступил против мекканских божеств, а также стал призывать население покаяться и начать жизнь праведников, верующих в Единого Бога.

Проповедь Мухаммада очень не понравилась вождям курайшитских кланов, особенно тем, которые соперничали с кланом пророка, Хашимом. Мекка давно стала центром паломничества бедуинов-язычников, и призывы Мухаммада отказаться от идолопоклонства могли сильно повлиять на их доходы и ослабить влияние вождей. Столь же неприязненно отнеслись к Мухаммаду богатые купцы и многочисленная челядь, состоявшая при Каабе и жившая за счет жертвоприношений. Кроме того, вожди кланов боялись, что

Мухаммад благодаря успешному распространению нового учения может стать единоличным народным вождем.

Сначала противники Мухаммада пытались смягчить его обличения щедрыми посулами, предложив ему выгодные торговые сделки и возможность заключить брак с женщиной из очень богатой семьи. Однако Мухаммад решительно отверг эти предложения. Тогда враги пророка перешли к более активным действиям. Однажды Мухаммада чуть не убили, накинув на его шею петлю, — в последний момент Абу Баقر успел сорвать ее. От дальнейших покушений Мухаммада спасали только кровные узы, связывавшие его с двумя могущественными кланами Мекки, — Хашимом и Мутталибом (как мы уже знаем, с незапамятных времен защита членов своего клана для арабов во всех случаях была священной обязанностью). Особенно любил и защищал Мухаммада его дядя Абу Талиб.

Между тем враги стали искать другие пути противодействия растущей популярности Пророка. В 616 г. их глава — Абу Джахиль организовал бойкот кланов Хашима и Мутталиба со стороны

Караван паломников.
Миниатюра. XIII в.

других кланов, прекратив с ними все торговые дела и заключение брачных союзов. Эти события совпали со смертью самых близких и верных Мухаммаду соратников — в 619 г. умерли его жена Хадиджа и дядя Абу Талиб. Главой хашимитов стал другой дядя Мухаммада, Абу Лахаб, которого больше заботило материальное благополучие и поддержка вождей курайшитов. Он перестал защищать Мухаммада; преследования Пророка и его сторонников усилились. Попытки Мухаммада найти поддержку в городе Таифе были безуспешны; верные последователи Мухаммада вынуждены были бежать в Эфиопию, чтобы спастись от гонений. Пророк был близок к отчаянию, но в этот момент в защиту Мухаммада выступили жители города Ясриба.

Хиджра

Ясриб в те времена был процветающим оазисом с оросительной системой, плодородными полями, пальмовыми рощами и виноградниками. Но жители города страдали от междоусобиц, раздиравших два основных населяющих город племени — аус и хазрадж. Учение ислама о единении всех людей под владичеством Всевышнего, о мире и согласии между ними привлекло наиболее здравомыслящих граждан Ясриба, которые надеялись положить конец кровавым распрям. К Мухаммаду прибыла группа паломников из Ясриба, и после разговора с ним они, просветленные откровеннейшей им истиной, приняли ислам. Они обе-

щали распространять среди земляков новое учение. Через два года к Мухаммаду уже прибыла делегация из 75 человек, которая просила его переселиться вместе с учениками в Ясриб и стать их вождем. Согласившись, Пророк велел сподвижникам переселяться; сам он решил отправиться последним. Враги узнали об этом и замыслили с ним расправиться. Группа молодых людей, которым обещали щедрое вознаграждение, должна была ночью подкараулить его у дома и убить. Но Мухаммаду вместе с Абу Бакром все же удалось незаметно ускользнуть. Три дня они скрывались в пещере и затем добрались до Ясриба, чуть не погибнув в пути, но Мухаммад знал: Аллах хранит его. Когда враги почти настигли их, Абу Бакр в отчаянии вскричал: «Нас только двое!». «Нет, трое, — поправил Мухаммад, — ведь с нами Бог».

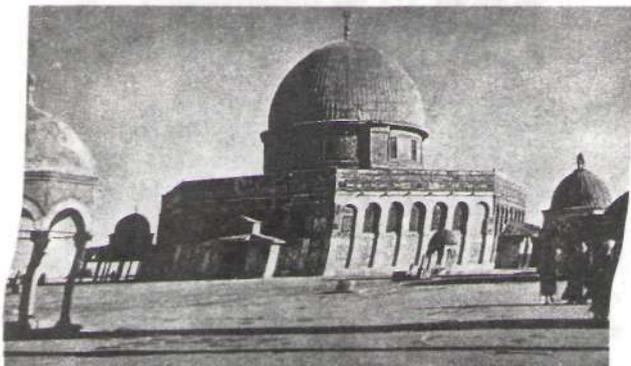
Путешествие Пророка из Мекки в Медину, которое началось 10 сентября 622 г. и открыло новую эру в истории ислама, известно под названием *хиджра* («переселение»). С этого момента начинается отсчет времени по мусульманскому лунному календарю. Сам же город Ясриб с тех пор стал называться Мадинат ан-Наби («город пророка»), или Медина.

Мусульманское государство в Медине

Годы, проведенные Пророком в Медине, имеют важнейшее значение для истории ислама. Именно здесь Мухаммад впервые реализовал основные законы религиозно-общественной жизни людей, которые Бог даровал ему в Откровении. Здесь же получили жизнь основные предписания ислама, касающиеся ритуальной практики.

Жители города выделили Мухаммаду и его последователям часть земли, на которой он прежде всего построил мечеть — первый мусульманский храм, где можно было воздавать хвалу Всевышнему. В строительстве ему помогали все мусульмане Медины. Рядом с мечетью пророк построил для себя домик. Бесчисленных посетителей Мухаммад принимал в мечети, быстро ставшей центром верующих Медины. В мечети же обсуждались все дела общины, новообращенные в ислам учили молитвы и изучали законы нрав-

Мечеть в Иерусалиме.
VII в.

Минарет в Афганистане.
XII в.

ственности. Пророк читал молитвы и обращался к верующим с проповедями. С тех пор мечеть в Медине стала одной из двух главных святынь ислама.

Результаты не заставили себя долго ждать. В Медине воцарились мир и спокойствие. Пророк примирил враждующие кланы, составив устав мусульманской общины. В нем провозглашалось, что отныне все племена образуют единую общину верующих, куда также входят евреи и христиане, сохраняющие свою религию. Трудолюбие и честность, к которым приучал жителей Медины Мухаммад, привели к экономическому процветанию города, влияние которого в Аравии стало быстро усиливаться.

Складывающаяся ситуация очень встревожила курайшитов. Они стали опасаться, что Мекка потеряет свою роль святыни и духовного центра арабов из-за растущей популярности новой монотеистической религии. Вожди-курайшиты решили всеми силами подрывать мир и благополучие в Медине. За денежные посулы племена кочевников-язычников начали нападать на кара-

ваны, направлявшиеся в Медину и из Медины, грабить имущество, урожай и скот мекканцев. Мухаммаду ничего не оставалось как предпринять ответные действия против караванов из Мекки. Два города стали готовиться к войне.

Борьба мусульман Медины с язычниками Мекки

В марте 624 г. Мухаммад решил атаковать богатый караван мекканцев, который шел из Сирии. Злейший враг Мухаммада, Абу Джахиль, принял вызов. В битве, завязавшейся у колодца Бадр, Мухаммад показал, что он не только пророк Божий, но и блестящий полководец. Умело построив тактику боя, он с отрядом в 315 человек разбил противника числом более 800. Мекканцы потеряли более 50 человек убитыми, включая Абу Джахилья. Воины Мухаммада захватили также около 150 верблюдов, значительное количество оружия, потеряв всего 15 человек. Битва эта, получившая название «Битвы при Бадре», стала первым победоносным сражением в истории мусульманской цивилизации.

Битва при Бадре подняла на новую высоту авторитет Мухаммада. На процветающую и крепнущую Медину все больше стали обращать внимание иноземные купцы. Курайшитские вожди и торговцы Мекки поняли, что под угрозой поставлено их будущее. Они яростно стали готовиться к ответному удару. Собрав огромное войско, около 3 тысяч человек, мекканцы двинулись на Медину.

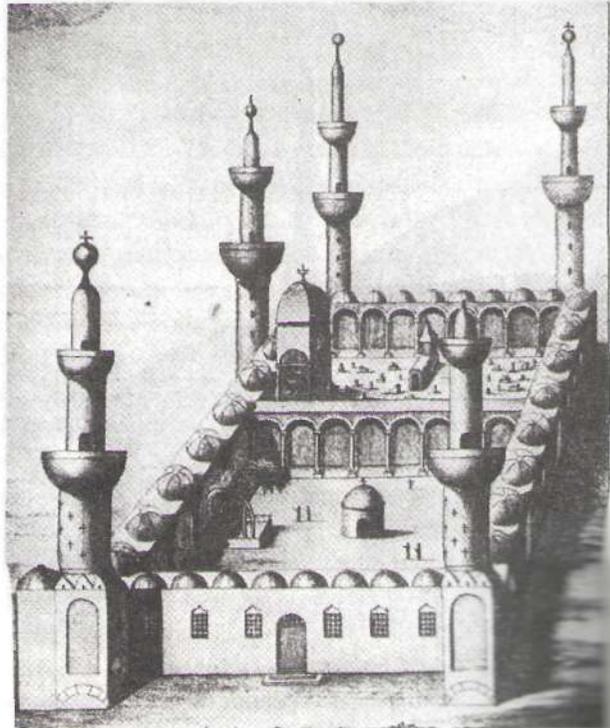
Мусульмане Медины, собравшись на военный совет, долго решали, что делать. Пророк Мухаммад уединился в своей комнате и через некоторое время вышел в латах. Армия его в три раза уступала по количеству воинов мекканцам, да и в тактическом плане противник проявил себя гораздо лучше, чем в битве при Бадре. Мусульмане были разбиты, раненый Мухаммад вместе с 15 воинами с трудом спасся. Мухаммад так объяснил причины поражения: «Когда вы нарушили волю Божию и приказания Его посланника, справедливое наказание обрушилось на вашу голову — и враги одержали победу. Но Бог милостив и снисходителен; Он простил ваш грех и не допустил вас до конечной гибели».

Однако, несмотря на поражение, влияние мусульман в Аравии продолжало возрастать. В 627 г. курайшиты Мекки решили окончательно покончить с Мухаммадом и, собрав уже десяти-тысячное войско, снова двинулись на Медину. На этот раз предусмотрительный Мухаммад, собравший 3 тысячи воинов, применил хитрую тактическую новинку, неизвестную доселе в Аравии. Он приказал вырыть на подступах к Медине глубокий круговой ров. Растерянные мекканские военачальники не знали, что им предпринять, и через три недели осады, исчерпав запасы продовольствия, отошли. Это событие явилось переломом в войне: мекканцы потеряли веру в собственные силы; два лучших их военачальника перешли на сторону Мухаммада. Одновременно Мухаммад не переставал вести успешную дипломатическую деятельность, заручаясь поддержкой все новых властителей соседних государств.

Многочисленные арабийские племена, видя на примерах правоту миссии Мухаммада, стали уже считать, что ему во всем покровительствует небо. Пророк же, понимая, что время работает на него и на его последователей, решил окончательно завоевать власть и на следующий год во главе двухтысячного войска двинулся на Мекку. Мекканцы, пребывавшие еще в шоке после прошлогодней неудачи, запросили перемирия. В качестве условия перемирия Пророк потребовал раз в год разрешать ему и мусульманам совершать паломничество (*хадж*) к Каабе. Первое паломничество во главе 2 тысяч своих сторонников он совершил через год. Бедуины Аравии, которые издревле почитали Каабу, присоединились к паломническому каравану, после чего многие из них стали обращаться в ислам. Внушительное число паломников, их дисциплинированность, религиозное горение произвели сильное впечатление на жителей Мекки. Тем самым была подготовлена почва для полного обращения в ислам родины Пророка.

Взятие Мекки. Победа ислама и смерть пророка Мухаммада

В конце 629 г. мекканцы нарушили договор о перемирии, и Мухаммад без промедления двинулся на Мекку во главе своего войска. Мекканские

Большая мечеть в Медине.
Рисунок. XIX в.

вожди, которые уже не могли опереться даже на собственное население (многие мекканцы были на стороне Мухаммада), запросили мира. Пророк милостиво объявил амнистию всем жителям Мекки и триумфально вошел в город 11 января 630 г.

Из Каабы были выброшены и разрушены языческие идолы, и Пророк семь раз обошел вокруг святыни. Мекканцы, в том числе и их вожди-язычники, прошли вокруг сидевшего у скалы Сафа Пророка, дав ему клятву верности.

С тех пор Мекка стала священным городом и центром паломничества мусульман, хотя сам Мухаммад решил вернуться в Медину и остаться в ней со своими ближайшими сподвижниками: «Я хочу жить и умереть вместе с вами». Отступившие вожди кочевых племен пытались воспользоваться поражением курайшитов, чтобы захватить власть над караванными путями, проходившими через Мекку. Но военное преимущество и авторитет Пророка позволили, хотя и в напряженной

приняли ислам и не отказались твердостью в вере и надежности. По-прежнему многие бедуны и жили в обстановке взаимных племенных распри; появились и аженпророки, желавшие занять место Мухаммада. Было неспокойно и за границы: Бизантия и Иран все еще вели внутренне-боевые действия, втягивавшие в свою сферу и Аравийский полуостров. Все эти обстоятельства требовали военного усиления мусульман и перехода к активным наступательным действиям. Реальной базой для таких действий была уже выработанная при жизни Пророка принцип *дар аль-ислам* (мусульманский мир, земля ислама). По учению Пророка, дар аль-ислам должен был распространяться на *дар аль-харб* (земля войны), где законны ислама не действуют и где мусульмане не подвергнутся притеснениям. В этих условиях начинала действовать принцип *джихада* — стратегической войны, целью которой было обращение людей в ислам.

Уже при халифе Абу Бакре мир в Аравии восстановился и началось завоевание Сирии и Ирака. После его смерти в 634 г. халифом стал Омар, при котором были завоеваны Египет, Палестина, Сирия, Месопотамия и Иран. Арабы-мусульмане проявляли чудеса храбрости, отчаялись железной дисциплиной и верой в победу ислама на всей земле. Исламские военачальники, помимо владения военной стратегией, вели умелую дипломатическую игру на противоречиях не только великих империй. В итоге Омар закрепил завоевания своего предшественника. После гибели Омара в 644 г. халифом стал Осман. В его правление восточная часть арабов распространилась на огромную территорию: до Ливии на западе, Кавказских гор на севере и предгорий Имамаев на востоке. Однако в этот же период усилилась борьба между претендентами за право наследования Мухаммаду. После убийства Османа в 656 г. халифом стал Али, двоюродный брат и зять Мухаммада.

Кандидатура Али вызвала серьезные сомнения и разногласия среди мусульман. Если Египет, Мекка и Медина поддерживали Али, то наместник Сирии, двоюродный брат убитого Османа, был против. К нему присоединилась ядро

борьбе, смонтировать их сотрудничество и обратиться к Мекке и Медине в ислам. В то же время опытный Мухаммад сумел установить контроль над христианскими поселениями в Азии византийских владений. Оставив право исповедовать христианскую религию и организовываясь требованьем платить ежегодную дань, он гарантировал христианам свое покровительство. В аналогичные условия в конце концов были поставлены и евреи, хотя взаимоотношения Мухаммада с ними носили довольно напряженный характер; порой велись даже военные действия. В персидских владениях Центральная Аравия после военных неудач в борьбе с Византией и смерти в 628 г. папы Хосрова II между арабскими племенами развернулась жестокая борьба за власть, в ходе которой многие вожди, ища покровительства Мухаммада, принимали ислам. В итоге к 631 г. в ислам обратились почти все Аравийский полуостров.

В начале 632 г. пророк Мухаммад совершил торжественное паломничество в Мекку. Он принес проникновенную проповедь, прощаясь с многочисленными верующими и объявив, что считает свою миссию законченной. Вернувшись в Медину, он тяжело заболел (предполагают — пневмонией), чувствуя приближение смерти, раздал имущество бедным и сиротам. Проведя несколько дней в полузабытьи, он на короткий момент почувствовал себя лучше и отправился в мечеть. Прочитав последние молитвы и простившись с мусульманами, он вернулся домой, отдав последние указания своим женам (после смерти Хадиджи он снова женился), родственникам и верным соратникам. 8 июня 632 г. великий Пророк, посланник Аллаха, скончался.

Ислам после пророка Мухаммада

Пророк не оставил наследника мужского пола, и вопрос о преемнике Мухаммада вызвал острый политический кризис — за первенство боролись мединцы и мекканцы. В итоге после напряженных обсуждений халифом (наместником) Пророка стал его ближайший соратник Абу Бакр. Ему и его помощникам выпала трудная задача: боольшинство бедуныских племен лишь недавно

Пророка, Айша, давно питавшая неприязнь к Али. Развернулась ожесточенная борьба за власть. Именно в этот период началось разделение мусульман на два течения — *шиитов*, которые признавали право наследовать Мухаммаду, т.е. право на власть (*имамат*) только за Али и его наследниками, и *суннитов*, не признающих династического принципа и требующих избрания или назначения *имам*а — главы мусульман, путем *иджма* — всеобщего коллективного согласования.

После нескольких лет изнурительной борьбы, происходившей с переменным успехом, в 661 г. Али был коварно убит, и с ним закончилась эпоха, которую называют эпохой *четырёх праведных халифов*.

После смерти Али власть захватила династия Омейядов — представителей одного из родов мекканских курайшитов. При Омейядах арабская гегемония распространилась на значительную часть Средней Азии и на большую часть Испании. Именно эпоха Омейядов считается «золотым веком» ислама, когда Арабский Восток стал центром мировой науки и культуры. На завоеванных территориях мусульманские правители терпимо относились к представителям других монотеистических религий, благодаря чему и христианство, и иудаизм очень многое почерпнули из религии и философии ислама. Вследствие глубокого изучения в то время античного наследия великая греческая культура, в частности философия Аристотеля, снова стала достоянием Европы. Эта же эпоха явилась «золотым веком» и для двух других великих мировых религий, дав человечеству непревзойденные образцы архитектуры, поэзии, философии.

Омейядский халифат в 750 г. сменило правление династии Аббасидов. При Аббасидах ислам распространился на севере до Волжской Булгарии (нынешние Татарстан и Башкортостан). В правление этой династии особенно расцвели будущие столицы ислама, в частности, Дамаск и Багдад. Но в этот же период начинается ослабление огромной мусульманской державы. Появились мелкие мусульманские государства, и арабский мир, став ареной соперничества сразу нескольких династий — Аббасидов, Фатимидов

и других, — постепенно стал погрязать во внутренних междоусобицах. В то же время окрепшие христианские правители стали вытеснять арабов с захваченных европейских земель, но полностью искоренить их влияние в культуре и науке уже было невозможно. Правление Аббасидов завершилось в 1258 г. с падением столицы Багдада под ударами монголов.

Основы ислама

От первого Откровения, дарованного Мухаммаду, до победы ислама в 632 г. почти вся территория огромного Аравийского полуострова прошло немногим более 20 лет. Такой грандиозный успех за столь короткий период знала ни одна религия. Не случайно основатель ислама Мухаммад считается у мусульман самой влиятельной фигурой в истории человечества. И то, что этот успех был закономерен, доказывает не только последующее шестивековое победоносное шествие ислама, но и нынешняя распространённость его по земному шару. В чем же секрет причины такого успеха?

Жизнеспособность ислама проистекает из единичного сочетания глубокой веры мусульман и неукоснительного исполнения им религиозных обрядов с необходимостью вести праведный образ жизни. Для Мухаммада быть «повелителем Божьим», т.е. быть истинным мусульманином, значило соблюдать три главных условия веры: в отношении к Богу — это молитва, в отношении к ближнему — милостыня, относительно собственной природы — воздержание (пост). Руководящим принципом всей жизни мусульманина — религии общественной, личной — служит священное писание ислама — Коран.)

Коран

Не случайно первым словом, услышанным Мухаммадом от архангела Гавриила, было «Читай». «Коран» в переводе с арабского означает «то, что читают, произносят».

Коран делится на 114 сур (глав), расположенных в порядке убывания их длины, за исключением первой суры. В свою очередь каждая сура делится на аяты — фразы или фрагменты

Страницы Корана.
1282 г.

Фраз. Впоследствии для удобства чтения Коран был разделен на тридцать частей (джуз), или на шестьдесят разделов (хизбов). Все суры (кроме 9-ой) начинаются с традиционного зачина: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного» — «*Bismillah*».

Как уже говорилось, Коран был передан Мухаммаду в откровениях. Мухаммад называл источник своих откровений «Небесную книгу», которая открывалась Пророку частями, сначала в Мекке, а потом в Медине. Поэтому мекканские суры, которые делят по происхождению на три периода, отличаются от мекканских по содержанию, стилю, языковым особенностям. Суры первого мекканского периода (древнейшей из них считается сура 96) возвышенны и эмоциональны; в них в большей степени чувствуется влияние древней арабской поэзии с ее особыми ритмическими приемами. Суры второго периода более спокойны, философичны, посвящены в основном проповеди Единобожия. В сурах третьего периода много сказаний о пророках. Суры мекканского периода в основном содержат множество куравовых, юридических и этических предписаний, поскольку именно в Медине Пророк стал государственным деятелем.

При жизни Мухаммада Коран существовал в устной форме, и некоторые люди (их называли *кари*) заучивали его наизусть. Тогда же начали записывать отдельные фрагменты, но полные сборники суры еще не были составлены. После смерти Пророка, чтобы не утерять священные тексты, их начали собирать и записывать вместе. В годы правления халифа Османа (644–656) была

составлена рукописная книга, которая считается первым изданием Корана. Существовало несколько вариантов друг от друга версии Корана, но в эпоху Омейядов (VII–VIII вв.) была составлена каноническая версия, которая не претерпела изменений вплоть до наших дней. Однако благодаря специфике арабской письменности (краткие гласные звуки не записываются), одно и то же слово часто можно прочесть и понять по-разному, поэтому существуют семь канонических вариантов чтения Корана, из которых сейчас практически используются два.

При наизустьном чтении Корана оставалось в то же время возможность для раздумий и разговоров. Это обстоятельство, а также многочисленные разночтения потребовали создания традиционной толковательной литературы, которая получила название *тафсира*.

Кроме того, как и в других великих религиях, письменный священный текст мусульман дополняется устными преданиями (*хадисами*) о Пророке и его сподвижниках, которые в VIII–IX вв. были собраны вместе и записаны. Сборник по лучшему источнику вероучения мусульман. Суры являются источником вероучения мусульман. Суры являются раннего периода ислама. В более поздние эпохи стали составляться сборники хадисов по тематическому принципу, а также сборники избранных хадисов.

Основные требования к мусульманину

Религиозно-социальные требования, предъявляемые исламом верующим, отличаются простотой, глубиной и обязательностью для исполнения. Жизнь мусульманина, по учению Мухаммада, должна опираться на пять столбов, или основ, *аль-пять*: 1. *Шахада* — формула исповедания веры: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Любод человек, с искренним чувством пронесший эту формулу, может считать себя мусульманином. Ислам — строго монотеистическая религия, в связи с чем категорически запрещается поклонение идолам и почитание любых

антропоморфных изображений. Ислам учит, что каждый человек несет ответственность за свою духовную жизнь: «И всякий, кто грешит, грешит во вред своей души» (4:112). При этом религиозная вера должна быть принята свободно, по велению сердца: «Нет принуждения в религии» (2:257).

2. *Салат* — молитва, которую мусульманин должен произносить пять раз в день, в течение суток от рассвета до заката. Особо благочестивые люди совершают дополнительные молитвы. Цель молитвы — стремление к наивысшему ощущению своего единства с Богом. Молитва укрепляет человека в вере и помогает ему помнить о Боге каждую минуту его жизни: «А когда вы закончите молитву, то помните Аллаха — стоя, сидя и лежа на боку» (4:104). Молитва, как учил Пророк, есть величайшая радость и одновременно дело огромной важности: «И когда поднялся раб Аллаха, вызывая к Нему, то они (джинны) готовы были собраться вокруг него» (72:19).

Молиться можно в любом подходящем для этого месте, но предварительно требуется совершить ритуальное омовение, чтобы сердце молящегося исполнилось чистоты. По преданию, Мухаммаду принадлежат слова «Чистота — половина веры». Где бы мусульманин ни находился, во время молитвы он должен быть обращен лицом к Мекке. Предпочтительней совершать молитву в мечети.

В пятницу, святой для мусульман день, молитву требуется совершать в мечети, при этом которую верующий обязан снимать обувь, что выражает его богобоязненность и смирение.

Мечеть (*масджид*) — не только место молитв, но и помещение для религиозных занятий, диспутов и вообще центр мусульманской общественной жизни. Главное место в мечети — *михраб* (ниша), указывающая направление на Мекку. В ней молящиеся обращаются лицом, там же на-

Минарет в Гранаде. Испания.
XII в.

дится священнослужитель, ведущий молитву — имам. Рядом с имамом ставится *кади* — возвышение, с которого читается призыв по пятницам. Каждая мечеть имеет одну или несколько *минаретов* — башенок, с которых специальным призывом пять раз в день мусульман призывает о молитве *муаззин* — служитель мечети.

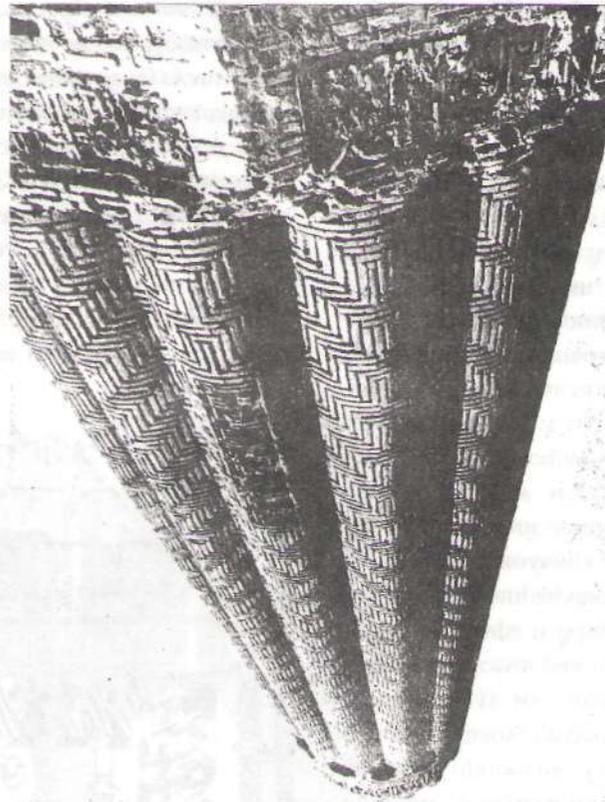
Молитва состоит из *ракатов* — набор произносимых религиозных формул, которые соответствуют определенному положению молящегося. Выполнив ракат, молящийся может становиться на колени, простираться на землю, касаясь лбом пола. При этом читается одна из сур Корана, благословения. Помимо основной

молитвы *салата*, существуют специальные молитвы-просьбы, молитвы за упокой души.

3. *Закят* — подаяние нуждающимся. В мекке требование милосердия занимает особое место. Не случайно, слово «закят», означавшее, первоначально означало «очищение». Закят

4. *Сам* — пост. Для очищения души и тела женщины мусульманки обязаны постичься в течение священного месяца Рамадан, девятого по мусульманскому календарю. Согласно преданию, именно в этот месяц Мухаммаду было дано первое Откровение. Днем (от восхода до заката солнца) верующему запрещается есть, пить, развлекаться. Он должен работать, молиться, читать Коран, предаваться благочестивым размышлениям. Намеренное нарушение поста строго карается. Вплоть до тюремного заключения. Однако требования к постижению довольно мягкие: пост может быть разумы: от поста освобождаются больные, дети, беременные женщины, путешественники, воины во время боевых действий и т.д. Допускается также случайное нарушение поста. При этом же латально возмещение поста в другое время или замена его блатворительной деятельностью — в этом процессе высшая роль, отводится миссердине. «Справедливости — сестра бавости. Бог обещает миссердине Свое и савнюю награду тем, кто с верой соединяет засаду добрых дел». *Миссердине и духовное совершенствование*

Для настоящих мусульманки неотделимы, воздержание же предписывается Кораном не в целях умерщвления плоти, а для сохранения души. Важнейшим постом у мусульман является пост в месяц Рамадан. Считается, что именно в этот период человеку легче всего исккупить его грехи, особенно жизнестойким и привлекательным для истинской нравственности ислама стала его «пост» (90:12—16). Подобная социальная норма кормить во дни голода сироту ближнего и нищего вершина добродетели? Выкупить пленного, другим способом всякий человек: «Знаешь ли, что Однако быть миссердине — сохранять воздержание, с исккупением плоти и жеко им сопротивляясь — шой к Богу; также труднее возвыситься другим земными работами. Людям, обремененная вторая наиболее важная — миссердине и поста — заповедей — молитвы, право-нравственных из трех основных религий. По учению ислама, миссердине.

Минарет в Узбекистане. XII в.

человеческого сердца достигается миссердине: «Никогда не достигнете вы блаточестия, пока не будете расхоловать то, что любите» (3:86). Разместя, миссердине довольно искривлена, а не «из измерения перед людьми». Каждый верующий мусульманин должен отдать часть доходов или имущества бедным. В древности обычно взималась десятина или двадцатая часть доходов и общая сумма перераспределялась между немилыми. Миссердине также могла отдаваться про- требование закята реализуется через систему налогообложения, согласно принципам социальной справедливости. Тем не менее добровольные пожертвования, подача миссердине считаются почетнейшим делом каждого блаточестивого мусульманина.

По учению ислама, из трех основных религий.

Однако быть миссердине — сохранять воздержание, с исккупением плоти и жеко им сопротивляясь — шой к Богу; также труднее возвыситься другим земными работами. Людям, обремененная вторая наиболее важная — миссердине и поста — заповедей — молитвы, право-нравственных из трех основных религий.

Знаешь ли, что другим способом всякий человек: «Знаешь ли, что есть вершина добродетели? Выкупить пленного, кормить во дни голода сироту ближнего и нищего» (90:12—16). Подобная социальная норма истинская нравственность ислама стала его особенно жизнестойким и привлекательным для миссердине.

План мечети в Мекке
и свидетельство о совершении хаджа

совершенные за целый год. Однако особо благочестивые мусульмане соблюдают и добровольные посты: по какому-либо обету, ради искупления, в дни полнолуний, солнечных и лунных затмений и т.д.

5. *Хадж* — паломничество в определенное время года. Каждый правоверный мусульманин, чтобы явить свое благоговение перед Всевышним, а также в память о пророке Мухаммаде, должен хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Однако понятно, что выполнение этого требования связано с материальным положением верующих, их здоровьем и другими обстоятельствами, поэтому оно не является столь же неукоснительным, как названные ранее. От хаджа освобождаются немощные, слабоумные, одинокие женщины. Веской причиной для освобождения раньше могли стать опасность маршрута и разбой на дорогах. Но в любом случае верующий должен использовать все имеющиеся возможности,

чтобы совершить паломничество, в крайнем случае послать кого-то от своего имени. Мусульмане, совершившие хадж, пользуются большим уважением и часто носят особую одежду, подчеркивающую их особый статус, например зеленую чалму.

На период хаджа верующие входят в особое состояние *ихрам*: одеваются специальные белые одежды, с этого момента и до конца хаджа им запрещено стричь ногти и волосы. По прибытии в Мекку паломники совершают ряд обязательных ритуалов, составляющих хадж и посвященных различным событиям из жизни Мухаммада и других великих пророков. Сначала верующие семь раз обходят Каабу, целуют священный черный камень и пьют воду из священного источника Земзем. Затем они семь раз пробегают между двумя холмами — Сафа и Марва. На втором этапе хаджа паломники направляются в долину Мина, находящуюся в нескольких километрах от Мекки. Они проводят целый день на горе Арафат, где происходит массовое моление и произносится проповедь. Последующая ночь проходит у горы Муздалифа, а на следующий день происходит торжественное заклятие овец. В тот же день хадж завершается главным общемусульманским праздником *жертвоприношения* — *ид аль-адха*.

Помимо Мекки, святыми местами для мусульман считаются Медина и Аль-Кодс (Иерусалим) — отсюда, с Храмовой горы, Мухаммад вознесся на небо. Здесь же произошло событие, одинаково почитаемое приверженцами трех монотеистических религий: мусульманами, христианами и иудеями — Ибрагим в доказательство силы своей веры готов был принести сына в жертву Богу. Существуют также мусульманские святыни в Ираке, Иране, Сирии, Афганистане, связанные с жизнью и деятельностью великих мусульманских подвижников. Все эти места также являются объектами паломничества.

Повседневная жизнь мусульманина

Жизнь мусульманина, основанная на пяти *столпах*, в то же время регулируется дополнительными, немногочисленными, но строгими предписаниями и запретами, помогающими ему сохранять чистоту и праведность мыслей и поступков.]

Мечеть в Каире.
XV в.

Такие предписания и запреты содержатся в Коране и в священных преданиях. На их основе сформирован канонический закон ислама (шариат). На протяжении веков этот закон подвергся систематизации, истолкованию, дополнению с помощью методов правоповедения (фикха). Важной тенденцией шариата была оценка различных жизненных ситуаций с точки зрения казуса ислама и вынесение решений по конкретным случаям. В итоге появились сборники фикха, содержавшие нормы уголовного и гражданского законодательства, обязательные к исполнению. Такие знатоки религиозного культа и права (улемы) пользовались большим почетом и уважением у мусульман. Они же зачастую являлись высшими судьями — кади. Важно отметить, что религия освящает всю жизнь мусульман, и поэтому любое нарушение норм шариата считается преступлением перед Создателем. Согласно законам шариата, за нарушение которых предусматривается строгое наказание, мусульманам запрещается употребление алкоголя и

наркотиков, свинины, мяса некоторых диких животных и мертвечины. Строго запрещены аморальные занятия — воровство, ростовщичество и азартные игры.

Шариат предусматривает систему особых обрядов и ритуалов, которым мусульманин должен следовать в жизни. Помимо соблюдения основных религиозно-культурных предписаний, о которых речь шла выше, существуют и некоторые другие требования к мусульманину. Например, специальные обряды именнаяречения, обрезания для мальчиков, свадебные и похоронные обряды.

Мужчины и женщины считаются равноправными в исламе, но на мужчину как на главу семьи налагаются дополнительные обязанности. Мусульманам предписывается вести скромный и умеренный образ жизни, посвящать основное время труду, семье и религиозным обязанностям. Особенная забота должна проявляться по отношению к детям и родителям.

Мусульманину, строго следующему канонам ислама, свойственно стремление к миру и согласию,

Арабская монета.
VII в.

уважение всех людей, независимо от их религиозной принадлежности: «Не делайте насилия людям из-за их веры». Ранний принцип *дар аль-ислам*, реализация которого была необходима на первой стадии существования исламского сообщества, был впоследствии дополнен принципом *дар ас-сульх* («земля мирного договора»), ставшим религиозно-теоретическим базисом мирного сосуществования народов. Преднамеренное убийство в исламе решительно осуждается, за исключением особых случаев, вызванных внешней агрессией: «Преступивший закон против вас заслуживает того же» (2:195).]

Религиозно-философские течения в исламе

Как любая живая религия, ислам, требуя от своих последователей соблюдения основных религиозных принципов, допускает в рамках вероучения значительное разнообразие традиций, обрядов, философских воззрений, обусловленных культурно-историческими факторами. Это разнообразие зависит от многих исторических, культурных и религиозных причин.

Известно, что еще при жизни Мухаммада в среде мусульман проявились религиозные разногласия, хотя и не оказавшие решающего значения

на единство уммы. Согласно словам самого Пророка, записанным в одном из хадисов: «После меня в исламе будет 72 пути», но все эти «пути», как показала история, не выходят за рамки основных догматов вероучения. Самым крупным разделением ислама были и остаются течения *суннитов* и *шиитов*, о причинах которого мы указали выше. По учению шиитов, Али, наделенный божественной благодатью, и его потомки-имамы олицетворяют принципы наследственной верховной власти и пророчества. Имамы, по учению шиитов, непогрешимы и безгрешны, что ставится под сомнение суннитскими богословами, отстаивающими идею выборности каждого имама.

За много веков развития двух главных направлений в исламе они стали отличаться не только своим пониманием законной власти, но и многими особенностями в других сферах религиозно-общественной жизни. Существуют различия в принципах юридических решений, в праздничных ритуалах, в отношении к иноверцам, в деталях молитвы, в гражданском праве. Опираясь на собственную традицию *иджтихада* — систему методов и приемов в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса — шииты создали свое научное направление экзегетики — комментирование Корана. Шиитам в большей степени, чем суннитам, присущи религиозный темперамент и рвение, их религиозные праздники сопровождаются экзальтацией верующих и выливаются в шумные манифестации.

В последние годы среди мусульманских богословов как суннитского, так и шиитского толка ширится понимание необходимости преодоления разногласий и сближения позиций. В Каире усилиями суннитского и шиитского духовенства создан *Дом сближения исламских течений*; в крупнейшем мусульманском теологическом университете Аль-Азхар есть кафедра сравнительного суннитско-шиитского богословия.

Существуют и другие направления в исламе: *хариджизм*, *мурджиизм*, *махдиизм*, *исмаилизм* и т.д., отличающиеся друг от друга как в смысле религиозной интерпретации, так и в решении вопросов социально-политической жизни.

Особую роль в истории ислама и мировой культуры сыграло мистико-аскетическое течение — суфизм (от слова «суфи» — шерсть, из которой изготовлялась одежда аскетов). Появившись на заре ислама, суфии проповедовали аскетическую, равнодушную к мирской жизни и бескорыстную любовь к Аллаху. Они считали, что экстазная, экстатическая молитва, полная погруженность в себя, ведут к просветлению, высшему знанию. Главным для суфиев было постижение и приближение к Нему. Некоторые суфии считали возможным слияние со Всевышним. В этом некоторые из них использовали ритмичную музыку в своих духовных упражнениях. Среди прославившихся мистиками-суфиями были Хасан аль-Басри (642–728), Рабия аль-Хайсам (ум. в 686 г.) и другие подвижники. В IX в. суфизм разделился на несколько направлений. Суфии умеренного направления занимались традиционными суннитскими науками —

Архангел Израил.
Миниатюра. XIII в.

Кн. 2

Вознесение Мухаммада на небо.
Миниатюра. XVI в.

хадисоведением, правоведением; предметом их интересов были и естественные дисциплины, космология. В этих занятиях их поддерживали и сотрудничали с ними богословы традиционных суннитских школ. Среди наиболее выдающихся суфиев известны: знаменитый ученый-энциклопедист Аль-Газали (ум. в 1111 г.), влияние которого на средневековую европейскую науку было огромным, и Ибн аль-Араби (ум. в 1240 г.), величайший философ и поэт. Более радикальные течения в суфизме разрабатывали общественную проблематику, ратовали за социальную справедливость.

Суфизм известен высочайшими образцами религиозно-философской прозы (вобравшей в себя и античную мудрость), неподражаемой поэзией. Приемы суфийской поэзии использовали крупнейшие поэты Востока. Начиная с XI–XII вв. возникают суфийские ордена (подобные монашеским орденам в Европе), что значительно расширило географию ислама и самого суфизма.

В заключение надо отметить, что ислам является одним из самых могущественных духовных движений. Он играл определенную роль в

мировой истории и продолжает оказывать существенное влияние на эволюцию современного общества. Исламское вероучение завершает монотеистическую миссию авраамического цикла — начатую первым ханифом («исповедующим единобожие») Ибрахимом (Авраамом), продолженную посланниками и пророками Мусой (Моисеем) и Исой (Иисусом) и заканчивающуюся Мухаммадом. Отсюда понятно, что для мусуль-

ман ислам воплощает высшую богооткровенную Истину, возведенную в Коране:

«Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою, и избрал для вас Ислам, как веру вашу» (5:4).

Возможно, в этих словах и содержится ключ к пониманию ислама как религии всемирного значения и одновременно — ответ на вопрос, поставленный в начале статьи.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Двенадцать апостолов. Икона. XV в.
2. Христос и четыре евангелиста. Миниатюра. XII в.
3. Евангелист Матфей. Витраж. XIII в.
4. Ангел, символ евангелиста Матфея. *Андрей Рублев*. Миниатюра из Евангелия Хитрово. *Начало XV в.*
5. Евангелист Лука. Миниатюра. *Около 1000 г.*
6. Сошествие Святого Духа на апостолов. Мозаика собора в Сицилии. XII в.
7. День Пятидесятницы. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
8. Апостол Петр. *Феофан Грек*. Икона. Конец XIV в.
9. Апостол Петр. *Мазаччо*. Фреска «Чудо со статиром». Фрагмент. 1426–1428 гг.
10. Исцеление хромого. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
11. Апостол Иаков Зеведеев. Средневековая деревянная скульптура
12. Купальня Силоам
13. Иерусалим. Синагога «Слава Израиля»
14. Первомученик Стефан. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
15. Город Тарс
16. Дамаск
17. Обращение Савла. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
18. Апостол Павел спускается в корзине. Мозаика. XII в.
19. Апостолы Петр и Павел. Афонский монастырь. Фреска. XII в.
20. Апостол Павел. Фреска Дмитровского собора во Владимире. Фрагмент
21. Апостол Филипп. *Г. Фишер*. Скульптура. *Около 1510 г.*
22. Апостол Филипп. Мозаика. 546–548 гг.
23. Апостол Петр. Средневековая деревянная скульптура
24. Обращение евнуха эфиоплянина. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
25. Исцеление апостолом Петром Тавифы. Мозаика. XII в.
26. Видение Петра. *Ю. Карольсфельд*. Гравюра
27. Кесария. Археологическая зона
28. Город Газа
29. Церковь Симеона Столпника близ Антиохии. V в.

30. Антиохия Сирийская
31. Монета Антиохии Сирийской
32. Монета Антиохии Писидийской
33. Апостол Иоанн. Церковь Успения на Волотовом поле. Новгород. Фреска. 1380 г
- Б4/. Апостол Павел. Андрей Рублев. Икона. Начало XV в.
35. Апостол Иаков Старший. Т. Рименинейдер. Деталь алтаря
36. Древний корабль
37. Город Икония
38. Развалины сирийского города
39. Апостолы Варнава и Павел в Листре. Ю. Карольсфельд. Гравюра
40. Евангелист Лука. Миниатюра из Евангелия Карла Великого. 781—783 гг.
41. Апостол Иаков. Миниатюра. XIII в.
42. Апостол Андрей. Мозаика. XI в.
43. Апостол Фома. Мозаика. 546~548 гг.
44. Апостол Павел отправляется проповедовать. Т. Лонгаретти
45. Ваал
46. Гонения на апостола Павла и Силу. Фреска. 1700 г. Фрагмент
47. Фессалоники
48. Акрополь в Афинах
49. Проповедь Павла в Афинах. Ю. Карольсфельд. Гравюра
50. Коринф
51. Театр в Эфесе
52. Иерусалим. Старый город с Дамасскими воротами
53. Храм Артемиды в Эфесе. Реконструкция
54. Артемида. Роспись. IV в. до Р.Х. Фрагмент
55. Павел прощается с эфесянами. Ю. Карольсфельд. Гравюра
56. Император Диоклетиан. /// в.
57. Аппиева дорога в Риме
58. Император Нерон. / в.
59. Прибытие Павла в Рим. Ю. Карольсфельд. Гравюра
60. Распятие Петра. Микеланджело. Фреска. 1542—1550 гг. Фрагмент
61. Казнь св. Георгия. Рельеф. XIII в.
62. Петр Александрийский. Фреска. Новгород. 1199 г.
- ББ. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Икона. XII в.
64. Евангелист Иоанн. Мозаика церкви Сан Клементе. Рим
65. Император Константин. Константинополь. Фреска. X в.
66. Император Константин. Рим. Скульптура. V в.
67. Арианский баптистерий. Равенна. Начало VI в.
68. Второй Вселенский Собор. Дионисий. Фреска. 1500 г.

69. Арий. *Мануил Евгений*. Фреска. 1384–1396 гг.
70. Василий Великий. Киев. Мозаика. 1043–1046 гг.
71. Василий Великий. Мозаика. XI в.
72. Кончина Василия Великого. Миниатюра. XII в.
73. Григорий Богослов. Фреска. XIV в.
74. Григорий Назианзин
75. Сцена пахоты. Миниатюра из рукописи «Слов» Григория Богослова. XI в.
76. Троица Ветхозаветная. *Тихон Филатов*. Икона. XIV в.
77. Древняя библиотека
78. Св. Амвросий, епископ Милана. Миниатюра. XII в.
79. Св. Иероним. *Фра Анджелико*. Фреска. 1440-е гг.
80. Св. Иероним. Школа *Боттичелли*. Около 1495–1498 гг.
81. Иоанн Златоуст. Икона. XVI в.
82. Иоанн Златоуст. Киев. Мозаика. 1042–1046 гг.
83. Иоанн Златоуст. Киев. Мозаика. 1042–1046. Фрагмент.
84. Базилика св. Антония. Падуя
85. Интерьер базилики св. Антония. Падуя
86. Испытания св. Антония. *М. Шонгауэр*. Гравюра. 1470–1475 гг.
87. Мария Египетская. Фреска
88. Монастырь св. Екатерины. Синай. VIII в.
89. Макарий Египетский. *Феофан Грек*. Фреска. 1378 г.
90. Монастырь в Метевре. Греция
91. Симеон Столпник-Дивногорец. *Феофан Грек*. Фреска. 1378 г.
92. Райское дерево жизни. Мозаика
93. Добрый Пастырь. Равенна. Мозаика. V в.
94. Александрийский обелиск
95. Церковь Сан Витале. Равенна. VI в.
96. Базилика Санта Мария Маджоре. Интерьер. V в.
97. Евангелист Марк. Мозаика церкви Успения Богоматери в Илнее. XI в.
98. Евангелист Матфей. Миниатюра
99. Мадонна с Младенцем и святыми. *Чимабуэ*. Икона. XIV в.
100. Иоанн Златоуст. Фреска. 1040–1045 гг.
101. Апостолы Иоанн, Андрей, Петр. Мозаика. XII в.
102. Апостол Иоанн. Скульптура. XV в.
103. Тайная Вечеря. *Леонардо да Винчи*. Фреска. 1495–1497 гг.
104. Григорий Нисский. Мозаика. 1043–1046 гг.
105. Римская зала судебных учреждений
106. Конная статуя Марка Аврелия. II в.
107. Блаженный Августин. Скульптура кафедрального собора в Дрездене. XVII в.

108. Папа Лев I Великий направляется на встречу с Атиллой. Рафаэль. Фреска. 1511–1514 гг.
109. Лев Великий, папа римский. В честь этого святого родители дали имя Льву Толстому. Этой иконой его благословляла бабушка.
110. Философы. Фреска. XII в. Фрагмент
111. Кельтский крест
112. Вестготская вотивная корона. VII в.
113. Св. Бенедикт Нурсийский. Средневековая миниатюра
114. Григорий Великий. Средневековая миниатюра
115. Император Юстиниан со свитой. Мозаика. VI в.
116. Император Юстиниан. Константинополь. Мозаика. 986–994 гг.
117. Императрица Феодора. Скульптура. VI в.
118. Поединок на ипподроме перед императором. Рисунок с миниатюры. XIII в.
119. Иоанн Лествичник. Икона. XIII в.
120. Видение Иоанна Лествичника. Мастерская Дионисия. Миниатюра. XVI в.
121. Папа Иннокентий III с теологами Бонавентурой и Фомой Аквинским. Рафаэль. Фреска. 1511–1514 гг.
122. Фома Аквинский. Фреска
123. Архиепископ Максимиан. Мозаика. VI в.
124. Императрица Феодора со свитой. Мозаика. VI в.
125. Храм св. Софии в Константинополе. 532–537 гг.
126. Город Мекка. Камень Кааба во дворе мечети
127. Страница из универсальной истории Рашида аль Дина с миниатюрой из жизни Мухаммада. 1314 г.
128. Мусульманские войны
129. Иоанн Дамаскин. Фреска. 1380 г.
130. Святые в славе. Мозаика. VI в.
131. Союз Христа и Церкви. Фреска. 1679–1680 гг.
132. Вселенский Собор в Никее. Миниатюра. X в.
133. Св. Феодосий и Феодор Студит. Мозаика. 1042–1056 гг.
134. Император Лев VI перед Христом. Мозаика. X в.
135. Император, архиепископ и придворный. Рисунок с мозаики. VI в.
136. Христос. Палермо. Капелла Палатина. XII в.
137. Папа Бонифаций VIII. Рафаэль. Фреска. 1511–1514 гг.
138. посох св. Бонифация
139. Блаженный Ноткер из города Галлена
140. Карл Великий. Конная статуэтка. Каролингский период. IX в.
141. Король Лотарь, франкский император, внук Людовика Благочестивого. Миниатюра. 840 г.
142. Император Оттон I передает Христу модель собора в Магдебурге. Миниатюра. X в.
143. Император Оттон I с олицетворениями подвластных земель. Миниатюра. X в.
144. Статуя Генриха IV. XI в.
145. Генрих IV в Каноссе. Миниатюра. XII в.

146. Генрих IV. Реликварий собора в Аахене
147. Папы римские: Лев, Григорий и Сильвестр. Фреска. XI в.
148. Женский костюм. Рисунок с мозаики. XII в.
149. Наряд дамы-аристократки. Рисунок с миниатюры. XIV в.
150. Одежда патриарха. Рисунок с фрески. IX в.
151. Коронование Христом Константина Багрянородного. Резьба по кости. 945 г.
152. Кирилл и Мефодий. Скульптура
153. Папа Николай I Великий
154. Св. Николай, папа римский
155. Христос во славе, венчающий князя Ярополка и Ирину. Миниатюра. XI в.
156. Святой Владимир. В. Васнецов. Эскиз. 1894 г.
157. Собор св. Софии. Киев. XI в.
158. Апостол Петр и князь Ярополк. Миниатюра. XI в.
159. Собор св. Софии. Новгород. XI в.
160. Успенский собор Печерского монастыря. Киев. XI в.
161. Масад — остатки форта, символа борьбы еврейского народа с завоевателями в I в.
162. Монета времен восстания Бар-Кохбы с изображением фасада Иерусалимского храма
163. «Молельня Раши» (г. Вормс)
164. Богослужение в синагоге в библейские времена
165. Страница Торы Рамбама. 1180 г.
166. Портрет Рамбама с автографом
167. Карaimы в Крыму
168. Ворота еврейского гетто в Вене
169. «Бевис-Маркс» — старейшая синагога в Лондоне. XVII в.
170. Фрагмент отделки синагоги в Толедо
171. Синагога в Риме. V в.
172. Титульный лист первого издания книги Зогар. Мантул. 1558 г.
173. Саббатай Цви — лжемессия
174. Яков Франк — лжемессия
175. Молящийся. Марк Шагал
176. Полумесяц — символ ислама
177. Стадо верблюдов. Миниатюра. XIII в.
178. Коран. XVI в.
179. Писец. Миниатюра. XIII в.
180. Караван паломников. Миниатюра. XIII в.
181. Мечеть в Иерусалиме. VII в.
182. Минарет в Афганистане. XII в.
183. Большая мечеть в Медине. Рисунок. XIX в.
184. Страницы Корана. 1282 г.

185. Минарет в Гранаде. Испания. XII в.
186. Минарет в Узбекистане. XII в.
187. План мечети в Мекке и свидетельство о совершении хаджа
188. Мечеть в Каире. XV в.
189. Арабская монета. VII в.
190. Архангел Израил. Миниатюра. XIII в.
191. Вознесение Мухаммада на небо. Миниатюра. XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская патриархия, 1968.
2. Толковая Библия. Под редакцией А.П.Лопухина. Кн. III, Стокгольм, 1987.
3. Новый Завет. Пер. еп. Кассиана (Безобразова). М., 1994.
4. Послание к римлянам апостола Павла. Новый пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. М., 1993.
5. Антонини Бернардо. Экзегезис книг Нового Завета. М., 1995.
6. Мень Александр, прот. Послания апостола Павла // Мир Библии. 1994/1(2).
7. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды св. апостола Павла. Киев, 1994.
8. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1–3. М., 1993–1995.
9. История всемирной литературы. Т. 1–2. М., 1983–1984.
10. Аврелий Августин. Исповедь. М., 1991.
11. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М., 1995.
12. Святитель Григорий Палама. Беседы. Т.1–3. М., 1994.
13. Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995.
14. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. СПб., 1994.
15. Макарий Египетский. Новые духовные беседы. М., 1990.
16. Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994.
17. Творения преподобного Максима Исповедника. Б/м, 1993.
18. Тертулиан. Избранные сочинения. М., 1994.
19. Амман А. Путь Отцов. Краткое введение в патристику. Милан-М., 1994.
20. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т.1–4. М., 1994.
21. Иванов П. Тайна Святых. Введение в Апокалипсис. М., 1993.
22. История Византии. Т.1–3. М., 1967.
23. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994.
24. Карташев А.В. Вселенские Соборы. М., 1994.
25. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т.1. М., 1991.
26. Киприан (Керн), архим. Золотой век Свято-Отеческой письменности. М., 1995.
27. Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. М., 1994.
28. Культура Византии. IV — первая половина VII вв. М., 1984.
29. Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.
30. Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс — М., 1992.
31. Памятники византийской литературы. IV–IX вв. М., 1968.

32. Памятники византийской литературы. IX—XVI вв. М., 1968.
33. Памятники средневековой латинской литературы. IV—IX вв. М., 1970.
34. Памятники средневековой латинской литературы. X—XII вв. М., 1972.
35. *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054). Киев, 1991.
36. *Флоровский Георгий*, прот. Восточные Отцы IV века. М., 1992.
37. *Флоровский Георгий*, прот. Восточные Отцы V—VIII вв. М., 1993.
38. *Шмеман Александр*, прот. Исторический путь православия. М., 1994.

К ПРИЛОЖЕНИЮ

1. Еврейская энциклопедия. Т.1—16. М., 1991.
2. Мироззрение талмудистов. М., 1994.
3. *Штайнзальц А.* Введение в Талмуд. М., 1993.
4. *Раби Шимон.* Фрагменты из книги Зогар. М., 1994.
5. *Штайнзальц А.* Роза о тринадцати лепестках. М., 1990.
6. Агада. М., 1990.
7. Трактат Авот. М., 1990.
8. Коран. Пер. с араб. и комм. М.-Н.О. Османова. М., 1995.
9. Ислам. Краткий справочник. М., 1983.
10. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
11. В молитве — спасение. М., 1994.
12. Мусульманину об исламе (обряды и молитвы). М., 1992.
13. Религия истины (ислам). Ташкент, 1993.
14. *В.Ф. Панова, Ю.Б. Вахтин.* Жизнь Мухаммеда. М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РАСПРОСТРАНЕНИЕ БЛАГОЙ ВЕСТИ	5
«В силе Духа»	5
Пролог	5
Огонь Пятидесятницы	7
Свидетельство Петра	9
Первые испытания	11
Первый мученик Стефан. Обращение Савла	13
Эллинисты	13
Выступление и гибель святого Стефана	15
Савл Тарсянин	17
На пути в Дамаск	18
Самаряне, прозелиты, язычники	22
Святой Филипп и апостол Петр в Самарии	22
Крещение первого иноплеменника	24
Центурион Корнилий	25
Святой Варнава в Антиохии	28
Антиохия (40–45 гг.)	30
Варнава призывает Павла в Сирию	30
События в Иерусалиме	33
Миссия Павла и Варнавы	35
На Кипре	35
Основание галатийских церквей	37
Спор о Законе. «Апостол народов»	42
Начало спора	42
Иерусалимская церковь. Святой Иаков Праведный	42
«Апостольский собор»	43
«Апостол народов»	46
«Идти к язычникам»	48
Павел начинает проповедь в Европе	49
Македонские церкви	49
Поражение в Афинах	53
«Веселый Коринф»	54

Пастырь церквей и благовестник свободы	
Послание святого Павла	
В Иерусалим через Эфес	
Благовестник свободы	
Эфесский центр. Смуты в Коринфе	
Павел и Аполлос	
На вершине успеха	
Кризис в Коринфе	
Истинное основание Церкви	
Тернии пастырства	
Конфликт с коринфянами	
Бунт эфесских ремесленников	
Апостол в Македонии	
Гонения	
Слово Божие росло и распространялось	

II. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Первая христианская империя	
Константин Великий (ок. 274—337)	
Символ веры	
Арианство и первые Вселенские Соборы	
Василий Великий (ок. 330—379)	
Григорий Богослов (330—389)	
Христианство и мир	
Латинское христианство	
Амвросий Медиоланский (340—397)	
Блаженный Иероним (ок. 348 — ок. 420)	
Восточное христианство	
Иоанн Златоуст (ок. 347—407)	
Монашество	
Восточное монашество	
Антоний Великий (ок. 250—356)	
Пахомий Великий (ок. 290—346)	
Распространение монашества	
Ефрем Сирин (ок. 306 — ок. 373)	
Крайности аскетизма	
Западное монашество	
Иоанн Кассиан (ок. 360—435)	
Мартин Турский (ок. 335—397)	
Значение монашества	
Христианская культура	
Храмовая архитектура	

Изобразительное искусство	100
Церковная музыка	102
Церковное богослужение и таинства	104
Развитие христианской философии и богословия	105
Классическая культура и Церковь	105
Григорий Нисский (ок. 330 — ок. 395)	106
Александрийская школа	107
Антиохийская школа	107
На рубеже эпох	108
Крах западной Римской империи	108
Блаженный Августин (354—430)	109
Эфесский и Халкидонский Соборы	112
III. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	115
Западное христианство в эпоху раннего Средневековья	116
Благовестие нехристианским народам	116
Двоеверие варваров	117
Святой Бенедикт Нурсийский (ок. 480 — ок. 543) и западное монашество	118
Григорий Великий (ок. 540—604)	119
Византия эпохи императора Юстиниана	121
Цезарепапизм	121
Византийские нравы	123
Подвижники Востока	124
Псевдо-Дионисий Ареопагит (вторая половина V в.)	127
Церковное искусство Византии	128
Ислам и завершение христологических споров	130
Мухаммад (ок. 570—632) и экспансия ислама	130
Монофелитство и борьба с ним. Латеранский и VI Вселенский Соборы	131
Христиане под мусульманским владычеством	132
Исаак Сирин (ум. ок. 700 г.)	133
Святой Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 749)	135
Иконоборческая ересь	136
Вселенский Собор (787 г.). Окончательная победа православия	138
Папское государство и религиозная жизнь Запада в VIII—IX вв.	140
«Дар Константина»	143
Религиозная жизнь в империи Карла Великого	143
Преддверие схоластики. Иоанн Скотт Эриугена (ок. 810 — ок. 877)	145
Конец империи Карла Великого	146
Западная Церковь на рубеже II тысячелетия	147
Клюнийская реформа и новая социальная политика Церкви	148
Григорий VII (ок. 1020—1085)	149
Развитие философии и богословия на Западе. Ансельм Кентерберийский	152

Восточная Церковь на рубеже II тысячелетия
Афон
Христианизация славян. Святые Кирилл и Мефодий
Великий церковный раскол
Обрядово-догматические различия Западной и Восточной Церкви в период Великого раскола
Усиление папской власти на Западе
Борьба за константинопольскую кафедру
Разделение Церквей в 1054 г.
О христианском единстве
Христианство на Руси
Крещение Руси
Начало Церкви на Руси
Святые Борис и Глеб (оба ум. в 1015 г.)
Просветительская деятельность Ярослава Мудрого
Становление Церкви на Руси. Христианская культура и искусство Киевско-Печерская Лавра

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИУДАИЗМ ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ ВТОРОГО ХРАМА

На переломе истории
Союз и Тора
Талмуд
Еврейская диаспора
Каббала
Хасидизм

ИСЛАМ

В преддверии ислама

В пустынях Южной Аравии
Арабское язычество
Мекка

Мухаммад

Детство и юность Пророка
Откровение Мухаммаду
Слово Аллаха
Укрепление ислама
Хиджра
Мусульманское государство в Медине
Борьба мусульман Медины с язычниками Мекки

Взятие Мекки. Победа ислама и смерть пророка Мухаммада	200
Ислам после пророка Мухаммада	201
Основы ислама	202
Коран	202
Основные требования к мусульманину	203
Повседневная жизнь мусульманина	206
Религиозно-философские течения в исламе	208
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	211
ЛИТЕРАТУРА	217

Александр Вольфович Мень

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Книга вторая

Пути христианства

Художник:

П.П.Ефремов

Фото:

Ранет Матказин

Редакторы:

В.А.Дементьев, Т.И.Краузова, М.С.Федорова

Корректор:

Т.И.Сергеева

Подбор иллюстраций:

Т.Н.Макарова

ЛР № 070824 от 21.01.93

Подписано в печать 16.06.98

Формат 84 x 108/16. Печать офсетная
Гарнитура «Академическая». Объем 14 п. л.

Доп. тираж 5000 экз.

Заказ № 1727

Цена договорная

Издательский Дом «ФОРУМ»

103001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 4, строение 1

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127214, Москва, Дмитровское ш., 107

Тел.: (095) 485-74-00; 485-70-63. Факс: (095) 485-53-18.

E-mail: books@infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-86225-622-9

9 785862 256222